

Тройная бухгалтерия

Пролог, которому суждено стать эпилогом

Нет тревожнее ожидания, чем долгое ожидание плохих вестей. Говорят, это хороших придется ждать подолгу, поторапливать, а плохие сами приходят. В жизни не так. То есть они, конечно, приходят сами, но сначала засылают гонцов. Одного за другим. И когда, вконец деморализованный, ты уже почти перестал ждать и смирился со всем, что бы ни приключилось, приключается, как правило, самое нежданное.

Из правил бывают исключения. Даже из таких. Случается и так: когда весть приходит собственной персоной, и задаешь себе вопрос – а чего ты ждал? – оказывается, ждал именно этого. Хотел – другого, а ждал – этого.

У Веры в тот невеселый день дела не заладились с самого утра. Во-первых, один за другим стали отваливаться клиенты. Причем такие, с которыми она работала уже сравнительно давно, несколько месяцев. Звонили спозаранку, что-то стеснительно бубнили в трубку о неожиданно изменившихся обстоятельствах, ограниченных финансовых возможностях – и отключались, как прятались.

Во-вторых, сгорел утюг.

Володя рано ушел на работу, Вера проводила его у дверей. Глядела тревожно. Гонцов грядущих неприятностей было уже предостаточно и в другие дни. Сегодня должно было случиться главное – либо какой-то поворот к лучшему, либо... Второе должно случиться скорее, но было менее желанным.

Глядела тревожно, мужа поцеловала бережно. Он через силу улыбнулся.

- Ничего, Верунчик, глядишь, обойдется!

Вера закрыла за ним двери. "Ничего не обойдется. Сама и виновата..."

Вздыхнув, пошла приводить себя в порядок. Через час ждет клиент – из тех, что остались. Умылась, накрасилась, вяло пожевала бутерброд. Спихватилась – блузка не глажена. Включила утюг в удлинитель, провод за что-то зацепился, потянула – в розетке затрещало, полыхнуло, лампочка на утюге погасла. Вера пощелкала выключателем – света не было. Розетку тронуть побоялась. Чертыхнувшись, вышла на площадку. Что делать? Блузка шут с ней, другую можно надеть, но оставлять квартиру без света? Холодильник разморозится, да и вообще: вернется – приготовить надо что-то к приходу Володи, у него сегодня денек – не дай Бог...

Минуту поколебавшись, Вера вздохнула и нажала кнопку звонка квартиры напротив. Там жил немолодой пьющий холостяк. Похоже, и неработающий, на что пил – загадка. Личность неопрятная и неприятная. Но сейчас выбора не было, больше обратиться не к кому.

Сосед не открывал долго, Вера уже отчаялась. Наконец, послышались шаркающие шаги, дверь приоткрылась на цепочку. Сосед дыхнул в щелку не перегаром – свежим.

- Чего надо?

- Я ваша соседка напротив, - стала объяснять Вера, - у меня утюг – того... свет погас...

Щель захлопнулась. Вера озадаченно стояла на площадке. Через минуту дверь снова открылась. Сосед предстал на пороге – костлявый, мелкий, пьяный, небритый, в одних трусах и шлепках на босу ногу. В руках он держал отвертку, пассатижи и небольшой моток медной проволоки.

- Ну? – не дожидаясь реакции, он хмуро отодвинул Веру и направился к ней в квартиру. Вера ошарашенно глядела вслед. Опомившись, кинулась, закрыла за собой дверь – кто заметит, разговоров потом не оберешься!

Сосед поковырялся в сгоревшей розетке, заменил вилку на проводе удлинителя, открыл счетчик – как во всех квартирах-"хрущевках", электросчетчик помещался не снаружи на лестничной на площадке, а прямо в квартире, в крохотной прихожей. Поколупавшись там, он щелкнул выключателем. Свет загорелся.

- Проверь, - все так же хмуро сосед кивнул на розетку и утюг. Вера проверила: работает. – Пока, - сосед сунул ноги в шлепанцы.

- Ой, спасибо большое! Даже не знаю, как благодарить! Муж ушел на работу, а у меня тут...

- Ну, поставишь пузырь с полочки, - хрипло хохотнул сосед и вышел. Слышно было, как захлопнулась его дверь.

Вера покрутила головой и стала гладить. Гладила и думала о том, как там Володя, как у него на работе, чем все-таки кончится дело – закроют их или еще позволят потрепыхаться?.. Провод снова за что-то зацепился, Вера машинально потянула – розетка затрещала, полыхнула, лампочка индикатора в утюге погасла. Вера сказала короткое слово, пошла к соседу. Тот, узнав ее в глазок, хмыкнул, вышел все в тех же семейных трусах и шлепках, с тем же набором инструментов. Наладив свет, он погрозил ей:

- В третий раз спалишь – два пузыря ставь!

Вера оглядела наполовину выглаженную блузку, плюнула и надела другую. Время поджимало. Клиент ждал. Свет мог погаснуть и в третий раз.

Дела, клиенты, из которых остались в основном те, в кого нередко хочется запустить тяжелым, некоторое время отвлекали от тревожных мыслей. После обеда, однако, все стало валиться из рук. "Как Володя? Что у них? Чем кончилось, почему не звонит? Может, самой?.." Около шести вечера Володя позвонил. Вера даже не успела задать вопрос.

- Что, жена, прокормишь безработного? – голос из последних сил натягивал интонацию. – Давай где-нибудь встретимся. Только я сначала машину поставлю. Напьюсь...

Ну, вот и пришла она, плохая весть. "А ты чего ждала?" Ждала этого. Но хотела-то – другого...

Часть первая

Глава 1

Женское одиночество страшнее мужского. Мужчина независим от природы, от сознания, что независимость – едва ли не главное мужское качество. Это не следствие какого-то специального воспитания – скорее, порождение библейской еще убежденности в главенстве мужчины. Не библейской даже – первобытной, сохранившейся до наших дней. Матриархат –

ерунда, сказки. Болезнь на теле формирующегося общества. Было – как не было. Никаких следов.

Мужчина свою независимость все время лелеет, бережет ее. Гордится ею. И даже когда страдает безумно от одиночества – конечно, страдает, и плоть, и душа своего требуют, и интеллект, если он есть, куда-то применить, кому-то продемонстрировать надо, - даже когда страдает, страданием этим как бы бравирует. Подчеркивает, как мужественно он его переносит. Даже перед собой ходит гоголем.

У женщин иначе. Такой создана женщина: зависимой. Причем она этой зависимостью мучается – и страстно ее желает. Когда же случается, что зависеть не от кого, происходит многое. У каждой по-своему, смотря что за человек. Но ничего хорошего не бывает, это точно.

Света была одиночкой с тех пор, как погиб муж ее Аслан. Когда его ранили в бандитской разборке, перед тем как умереть, он завещал своим друзьям никому ее не отдавать. «Нет меня – пусть ни с кем не будет». Сказать такое можно только в глубоком бреде, когда сознание уже покидает тело, когда дух раздваивается, часть уже отлетает или вот-вот готова отлететь на небеса, а часть еще остается с брэнной плотью. Что-то такое происходит тогда с человеком, что говорит он и делает так, как никогда в жизни не говорил и не делал. И не сделал бы. Аслан Свету любил, потому и женился на ней вопреки желаниям родных. Те потом, правда, спустя несколько лет смирились. Но сначала были ох как против. Он пошел наперекор – и победил. Жили они хорошо, любил он ее, берег, жалел. Ни разу голоса не повысил, руки не поднял. И жил с ней не по законам гор – «молчи, женщина, когда джигиты разговаривают!» - а по законам любви и согласия. Как все это совмещалось с его совсем не гуманной бандитской профессией, сказать трудно. Как-то совмещалось. Что касается профессии, Света ни разу за все годы жизни его ни о чем не спросила, никак в его дела не лезла и ни о чем почти не знала. Догадывалась, конечно, о многом. Но – не знала, потому что не хотела. Чувствовала: здесь опасность. Стоит узнать ближе, чем занимается муж, и жизнь может утратить свежесть красок.

Когда Аслана ранили, она не отходила от его постели несколько суток, сколько – забыла, не помнит, в забытии все текло, во сне, в обмороке. И когда перед самой кончиной пришел в себя, обвел окружающих неожиданно светлым, трезвым взглядом, сказал вдруг: «Нет меня – пусть ни с кем не будет!» - и закрыл глаза, - она как-то не поверила. Не в смысл сказанного не поверила – она и не слышала толком, что сказал-то. Не поверила в то, что не к ней обратился последней. К товарищам. Джигитам...

«Джигиты» ей с той поры жить спокойно не давали. Когда все похоронные хлопоты кончились, подошел к ней один из самых близких друзей Аслана, Магомед, сказал: «Извини, сестра, если не так скажу... Аслан мне – брат. Он меня от смерти спасал не раз. Его слово предсмертное – закон. Не знаю, почему он так сказал, но слово – закон. Сама понимаешь, что это значит...» Она тогда не понимала. Ей горе застило все. Раньше они много часов, дней, а случалось – недель вместе проводили. Теперь – пусто. Как на кладбище: вроде людей много, а приглядишься – ну какие это люди?.. Говорить не с кем. Пожаловаться некому, похвастать. Пока Аслан был, она не работала: незачем. Денег хватало и после его смерти – чем-чем, а этим ее «джигиты» обеспечили сполна. Но заниматься чем-то надо было, чтобы с ума не сойти. Когда-то она закончила филологический факультет университета, могла преподавать в школе, на худой конец пойти в какую-нибудь газету корректором. При общей нехватке

квалифицированных кадров (российская безработица – миф) взяли бы даже с ее ничтожным стажем. Да и не совсем еще забыла она свою профессию. Но школа, газета – это все коллектив. А в коллектив пока не хотелось. Пошла, кончила курсы парикмахеров, устроилась, завоевала доверие старших коллег, авторитет, завела свою клиентуру. Пустота понемногу стала рассасываться. Подруг, правда, так и не завела, но начала понемногу выходить куда-то – кино, театр... Многочисленные земляки Аслана нервно на это реагировали, но Магомед, самый умный и образованный из них, успокоил: если что – сам разберусь.

Стали постепенно возвращаться краски – начала смотреть вокруг внимательнее. И однажды вдруг поймала себя на том, что, когда стригла незнакомого – не из ее постоянных клиентов – симпатичного мужчину немногим старше нее, нечаянно подпустила в голос кокетства. Поймала, осеклась, а дома плакала в подушку – от ужаса и неизвестности. «Что теперь будет?» А потом случилась эта странная, мимолетная встреча с журналистом Свистуновым, которая, как после выяснилось, переменяла всю ее жизнь. К лучшему переменяла. Она не влюбилась, нет, хотя Володя ей понравился, и в постели они с ним в ту единственную ночь вытворяли такое, на что она прежде не решалась никогда. Но любви такой, как к Аслану или даже как первая, полудетская еще любовь, не было. Бог его знает, если бы не «пастухи» ее, если бы журналист позвал ее – пойдём, будь со мной всегда, - глядишь, и согласилась бы все равно, хоть и без такой большой любви. А потом? Может, жалела бы потом... Словом, что там «если бы» да «кабы». Не позвал. И «пастухи» помешали, да и сам, верно, не был к такому готов.

И хорошо. Потому что вскоре после того как познакомилась она с журналистом Владимиром Свистуновым, кончилось ее одиночество. И сам журналист стал ей другом верным, но главное – обрела она замечательную подругу. Вера, Володина жена, заняла это место прочно. Света хорошо помнила, как драгоценность, несла по новой своей жизни те сумбурные посиделки, тот стихийный девичник в грязноватом привокзальном кафе, где они с Верой изливали друг другу душу. Оказалось, не пьяная лавочка – всерьез. Когда Вера перебралась к Володе в Краснохолмск, когда они сняли квартиру – не слишком ухоженную двухкомнатную «хрущевку» на правобережье, - устроили новоселье. Пригласили Магомеда, редактора «Вечернего Краснохолмска» Сергея Комарова и ее. Душевно посидели. Когда Свистунов с редактором в очередной раз ударились в воспоминания о недавних горячих деньках, стали, как водится, спорить о том, как могло быть, если бы один из них повел себя иначе, а Вера в это время ушла на кухню за очередной порцией закуски, Магомед взял Свету под руку, пригласил подышать. Вышли на балкон. Света закурила. Магомед потянулся за сигаретой:

- Дай попробую, давно не баловался...

Неумело смял в сильных пальцах сигарету, прикурил, затянулся... и задохнулся. Усы хищно задвигались, в глазах появились слезы, закашлялся. Света смеялась.

- Чего смеешься, глупая женщина, - без обиды сказал Магомед, откашлявшись. – Я эту гадость пробовал последний раз в армии. Тогда вроде ничего было, а теперь - вот... Да ладно, не самое главное в жизни. Это я от нерешительности, - неожиданно закончил он.

Света удивленно посмотрела на «джигита».

- В общем, хочу с тобой поговорить, - неуверенно начал он. И засмеялся вдруг. – Только не знаю, о чем и как.

- Ну, тут уж я тебе не подскажу.

- Да знаю, что не подскажешь. Значит, вот что я хотел тебе сказать, Света, - Магомед стал серьезным. - Помнишь ты, конечно, предсмертные слова Аслана. Помнишь и то, что я тебе после сказал, и как себя вел, и как мы себя все, друзья Аслана, вели. Я его просьбе, которую принял как завещание, следовал старательно, и все время ловил себя на том, что какое-то неудобство ощущаю, какую-то вину все равно чувствую. Что за ерунда, думаю, вроде все – как просил... Разобрался – оказывается, чувство вины не перед ним испытываю – перед тобой. Хороший был человек Аслан, - Магомед торопливо поправился, - по-своему хороший... для тебя хороший. Но перед смертью поступил глупо. Не слушался его ум тогда, когда он говорил. При жизни он никогда бы тебе не пожелал такого.

Магомед помолчал минуту.

- И я решил взять на себя исправление его глупости. Я не буду больше тебя «пасти». И никому не позволю. Ты – свободный человек, и вольна поступать, как тебе вздумается.

Света усмехнулась, хотела что-то сказать, – Магомед опередил.

- Не надо, не говори. Знаю, что и так поступила бы по-своему, если бы пришлось. Я не с тебя табу – скорее, с себя сейчас грех снимаю. Понимаешь меня?

Света недолго молчала. Потом бросила вниз окурок, повернулась к Магомеду. Провела своей рукой по его твердой щеке. Прижалась к нему, стояла, прижавшись.

- Спасибо, Мага... Хороший ты человек...

Вернулись в комнату, продолжили общее веселье. Новоселье закончилось ощущением новизны. И с Верой они успели посекретничать, и все, вся жизнь как будто перекрасилась в новый цвет.

Общались они после этого, правда, редко. Веру закрутили дела, надо было утверждаться в большом городе. Хотя программистская работа, да еще связанная с компьютерной бухгалтерией, обеспечила ей знакомства в Краснохолмске еще раньше, когда она жила в Городке. У нее была репутация профессионала высокого класса, и клиентурой она умудрилась обзавестись в областном центре еще до своего приезда.

У Светы работа тоже имела свою специфику, и общаться приходилось в основном по телефону или в те редкие выходные, когда обе были свободны. Вера все время сетовала: «Что ты никак себе мобильник не заведешь? Не каждый раз тебя из общежития с шестого этажа дозовешься...» Света клялась завести.

...И все же остатки былой, недавней совсем неприкаянности сказывались до сих пор. Нет-нет, а возьмет за горло тоска, и некуда от нее податься. «Господи, что ж делать-то? Напиться, что ли?» Пыталась – не помогало. Помогало на время – короткое, но потом было хуже. Случалось такое чаще всего не в выходные, как ни странно, а в будни, прямо посередине дня. Света тогда сворачивала работу, говорила девочкам, работавшим рядом, что заболела. Те смотрели сочувственно, догадывались, но вопросов не задавали. Она спеша переодевалась, наскоро убирала рабочее место и бежала в свою комнату, в общежитие. Комната ее была самой обычной, находилась на шестом этаже. Аслан, пока был жив, как-то не успел перебраться на «элитные» этажи, где из заурядной общаги умельцы сделали натуральные квартиры для знати. А потом, когда Магомед и другие предлагали Свете воспользоваться преимуществами

вдовы чеченского авторитета, она отказалась. Наотрез. Сказала: «Мы здесь столько прожили... Каждый угол, каждый сантиметр связан с Асланом. Никуда не стану переезжать». От нее отстали.

Сегодня – как раз такой день, когда тоска взяла за горло. Она сбежала с работы, девочки понимающе переглянулись. Ничего не хотелось – ни куда-то идти, ни телевизора, ни людей. Света ходила из угла в угол, курила, бросая пепел и окурки куда попало, и мысленно выла. «Господи, - молилась она, обращаясь не к Богу – к Аслану, - Господи, ну когда же ты меняпустишь?! Больно мне, понимаешь? Невыносимо больно...» Села на кровать, посидела. Включила телевизор. Стараясь отвлечься, сунула в видик первую попавшуюся кассету. Попыталась заставить себя смотреть: не получилось. Застонав, откинулась на подушку: «Господи...» В это время в дверь постучали. Не открыла. Стучали, однако, долго, вежливо и терпеливо. Мысленно выругавшись, подошла:

- Кто?

- Света, там тебя к телефону, на вахте.

«Надо все-таки завести мобильный...»

- Кто?

- Не знаю, какой-то журналист, кажется. Сказал, позвонит через пять минут.

Света вздохнула, сунула ноги в тапки.

Володя перезвонил ровно через пять минут.

- Светик, приветик! – голос был жизнерадостным, казалось, сама трубка лучится радостью, такой был Свистунов сегодня. – Ты чего не на работе? Звонил – не застал. Чего поддельваешь?

- Да так, - неопределенно ответила Света. Ее тон журналиста заразить пока не успел. – Приболела что-то...

- Не время, Светка! - завопил Володя. – Мы тут проект затеваем – охренеть! Нам новые люди нужны – ну, примерно такие, как ты. Как у тебя на работе – достаточно плохо, чтобы все быстро бросить и уволиться?

Света слегка растерялась.

- Ты о чем, Свистунов?

- Я же сказал – новый проект, люди нужны, - в голосе Володи слышались нетерпение и досада. – Ты в курсе, что в области выборы скоро? Ну, вот. У тебя первое образование какое? Ну, то, которое «верхнее»? Правильно, филологическое. Нам филологи нужны – во! – слышно было, кажется, в трубку, как он чиркнул себя ногтем по горлу. – Короче, чего по телефону трепаться? Давай, ноги в руки, хватай тачку – и к нам!

- Куда к вам? – по-прежнему ошалело спросила Света.

- Ну куда-куда – в «Вечерку»!

- Подожди, при чем тут я? Я – парикмахер... - в трубке хмыкнули, а затем раздались короткие гудки. Свистунов не пожелал слушать такую глупость.

Глава 2

В «Вечернем Краснохолмске» царили бардак и суета. Двери были распахнуты, носились люди, выносились столы – вносились столы. В кабинете напротив лифта Света застала такую картину: вдоль стен задумчиво ходил Сергей Юрьевич Комаров и что-то про себя бормотал. Она раскрыла было рот – и закрыла. Сергей Юрьевич был погружен, он мерял шагами длину стен.

Замкнув периметр, бросился к стоящему посередине столу, схватил калькулятор, стал что-то лихорадочно считать. Губы шевелились, очки на веревочке вот-вот норовили шлепнуться, Комаров то и дело поправлял их. «Опять линзы потерял...» - поняла Света. Это была постоянная трагедия Юрьича – терять линзы. За год он их менял по несколько раз.

Наконец, редактор оторвался от калькулятора, задумчиво повел взглядом в сторону двери – круглое лицо его расплылось.

- Света! – он схватил ее за руки, приобнял. – Как ты вовремя!

- Я заметила...

- А, это? Это фигня. Это на нас Шаркунов в суд подает за то, что мы за аренду платим мало. Вот я и устроил здесь аврал. Оптимизируем площадь, чтобы точно все посчитать.

Шаркунов – директор издательства, где редакция «Вечерки» арендовала этаж. Проходимец и плут, каких мало, это Света знала не только от журналистов. Об этом не раз заявлялось вполне официально, на уровне областной власти. Но, приватизировав, а точнее – уворовав большой кусок бывшей государственной собственности, Шаркунов заручился такой мощной юридической поддержкой, заодно с помощью зависимых СМИ создав себе в прессе имидж делового человека, которому все время мешают, что посадить его никак не получалось.

- А ваша площадь в шагах измеряется?

- Чего? – не понял редактор.

- Ну, ты сейчас шагами кабинет мерял и потом считал что-то.

- Ха! – гордо усмехнулся Комаров. – Наукой не раз проверено и доказано: мой шаг, когда я спокоен, равен ровно сорока четырем сантиметрам и четырем миллиметрам. Ни миллиметра больше! Вот я посчитал количество шагов – и все, как надо, умножил.

- Я бы не назвала тебя сейчас спокойным, - засмеялась Света. – А метром измерять не пробовал? Обычным, складным? А лучше рулеткой?

Редактор озадаченно уставился на нее. Махнул рукой.

- Все равно сейчас не это главное. Пошли ко мне, позовем Вовку – он тоже где-то кабинеты меряет, - поговорим.

В редакторском кабинете Света уважительно покосилась на разбойничьего вида манстеру, растопыренными листьями нависающую почти над редакторским столом. Ростом она была под потолок, особенное впечатление производил ствол – мохнатый, как ноги обезьяны. Прибежал запыхавшийся Свистунов. Обнял Свету, сел напротив, улыбаясь и подмигивая. Секретарша Лариса сделала им с Володей чай, шефу – кофе в маленькой зеленой чашке.

- Вот что мы хотим вам предложить, уважаемая Светлана Юрьевна, - начал официально редактор...

Разговор продолжался около двух часов.

- Ну что, ты согласна? – нетерпеливо спрашивал ее Свистунов, когда чай и кофе были выпиты по пятому разу, а пепельница много раз опустошена. И Комаров, и гостя дымили нещадно.

Света думала.

Работа, которую ей предлагали, манила и пугала своей неизвестностью. От нее ждали согласия стать редактором новой газеты – приложения к «Вечернему Краснохолмску», целиком посвященной теме предстоящих выборов губернатора области. Точнее, курировать проект с точки зрения идеологии должен был Свистунов, а роль редактора сводилась, во-первых, к организационным

функциям, во-вторых – функциям литературного редактора. Ответственность за качество текстов, которые должны готовить в основном молодые и не слишком опытные журналисты (других в «Вечерке» попросту не было), целиком ложилась в таком случае на Свету. Или на кого-то другого, кто согласится занять это место. Газета должна была выходить раз в неделю тиражом в десяток тысяч экземпляров – немного, но на большее заказчик не соглашался по материальным причинам. Восемь полос, формат А3 – стандартный по нынешним временам. Работа изрядно отдавала рутинной, но рутинная компенсировалась одним существенным обстоятельством: хотя заказчик и представлял интересы определенных финансово-промышленных кругов (Света как человек неглупый прекрасно понимала, что круги эти не замыкаются географическими границами области), его позиция на сегодня целиком совпадала с позицией «Вечернего Краснохолмска» и, значит, новой газеты. Заказчик подкармливал оппозицию еще тогда, когда жив был губернатор Иван Александрович Гусев. А после крушения вертолета и трагической гибели губернатора заказчик сделал твердую ставку на лидера оппозиции. Смерть Гусева внесла, конечно, сумятицу в ряды его сторонников – оказалось, что преемника, обладающего такой же харизмой, как покойный генерал-губернатор, сторонники не воспитали. Но свято место пусто не бывает. В борьбу за кресло главы области с готовностью включились другие силы, которые в Краснохолмске воспринимали как враждебные. В свое время они с успехом сумели «оккупировать» часть территории области – Заполярский промышленный район, входящий в состав Северного автономного округа. Округ, в свою очередь, входил в состав области, и губернатор округа по статусу подчинялся губернатору области. Но еще с советских времен так повелось, что и округ, и главным образом город Заполярск вели себя с Москвой по-особому и на областную власть оглядывались не очень. При новых временах бюджетные отношения между округом и областью строились таким хитрым образом, что областная власть все время находилась в страхе – вдруг Север перестанет платить вообще? Объяснялось это и неумной чубайсовской приватизацией начала девяностых годов прошлого столетия, когда крупнейший Заполярский горно-металлургический комбинат через залоговый аукцион за копейки ушел к тогда еще только набирающей силу финансово-промышленной группе Владимира Олегова «ИнтерГросс», и нынешними особыми отношениями Владимира Олегова с Кремлем. Существовала постоянно и опасность политического отделения Северного автономного округа от области. Тогда областной бюджет, на две трети наполнявшийся за счет поступления из Заполярска, разом становился сверхдефицитным, а область – нищей.

И сегодня в кресло губернатора области метил молодой и успешный топ-менеджер, проще говоря – один из руководителей верхнего звена этой ФПГ, до недавнего времени бывший директором Заполярского комбината, а ныне возглавляющий Северный автономный округ. Даже те, кто не слишком искушен в политике, прекрасно понимали: его губернаторство на Севере – не более чем административная «крыша» для ФПГ «ИнтерГросс», чьи интересы он представлял. Если он встанет во главе области, ее экономика неизбежно начнет перестраиваться в пользу группы Владимира Олегова. Начнется очередной передел. Новая газета должна была, в числе немногих добровольцев, войти в блок, противостоящий экспансии. В числе немногих – потому что за кандидатом по фамилии Хлопков стояли не только финансовые ресурсы. Мощная служба безопасности, собственная агентурная сеть, имевшая информаторов как в структурах власти, так и в некоторых ключевых СМИ, откровенное запугивание

журналистов и редакторов независимых газет и телеканалов, – все это существовало, действовало и происходило почти легально. Ходили мутные слухи и о собственных боевиках, на счету которых уже есть то, что на профессиональном языке называется «ликвидацией».

Так или нет, но Хлопков уже видел себя сидящим в кресле губернатора, потому его окружение вело себя еще более нагло, чем в эпоху выборов Гусева. Тогда, в конце девяностых, на выборах была драка – грязная, отвратительная, но все же драка, когда соперник, каким бы ни был сильным, мог и сам запросто схлопотать по лицу. Теперь захватчик предпринимал попытку избиения, опираясь на мощну и мускулы. А если судить по некоторым косвенным признакам, Москва – Кремль то есть – к такой попытке относились благожелательно. Все это делало борьбу оппозиции безнадежной – и в то же время благородной. И азарта добавляло.

Ну и, кроме того, вне зависимости от результата, журналисты всегда относились к выборам достаточно прагматично: сенокос. Можно заработать так, что потом на пару лет хватит. В крайнем случае – на год. Выборы в России случаются часто.

Всего этого Света, конечно, в деталях не знала, хотя кое о чем ей и прежде рассказывал при редких встречах тот же Володя. Вера в таких случаях то и дело одергивала его: «Володя, что ты к девушке пристал, ей неинтересно это!» А Свете, как ни странно, было интересно. Она не старалась особенно держаться в курсе политических событий в области, но когда по телевизору выходила в эфир очередная аналитическая программа или просто новости, не обходившиеся без политической «клубнички», она не щелкала пультом. Смотрела с интересом.

Потому теперь она и думала над сделанным предложением, не отвергнув его.

Ее отношения с газетной журналистикой ограничивались очень непродолжительной – всего несколько месяцев – работой корректором в одном маленьком провинциальном издании да десятком заметок на местные темы. Хотя две или три как-то опубликовали областные газеты – заметки касались темы нравственности и культуры, – а одну даже благосклонно приняла центральная «Российская газета», не оставив, правда, в заметке ни строчки авторской, зато снабдив ее двумя подписями: Светиной и еще какого-то неведомого Юлия Гераскина. После этого она писать в прессу зареклась. И вот – такое предложение... В нем ее пугало все. И привлекал и манил азарт борьбы.

- Ну, что ты думаешь?! – Свистунов от нетерпения подпрыгивал. – Давай, соглашайся. По глазам ведь вижу – согласна!

Света вздохнула.

- Согласна...

- Ну, а я что говорил! – ликующий Свистунов повернулся к шефу. – Во! – выставил он большой палец. – Светка, – снова повернулся к ней, – с тебя причитается! Ты даже не представляешь, каким замечательным делом занялась!

- Уже занялась? – усмехнулась Света. – Ну, а материальная сторона?

Юрьич прокашлялся.

- Две тысячи.

- Две... тысячи?..

Столько или примерно столько она зарабатывала в парикмахерской за неделю. Часто больше.

Света встала.

- Удачи вам, ребята, в вашем новом начинании, - она вышла из-за стола, направилась к двери. Юрьич с Володей озадаченно переглянулись. Редактор мотнул головой, поймал очки.

- Хорошо. Две с половиной.

Света глянула от двери с упреком: издевается. Взялась за ручку.

Свистунова осенило.

- Светка, - заорал он, - погоди! Ты что думаешь, две с половиной наших тугриков, что ли? Зеленых, дура! Зеленых две тысячи!

- Тише ты! – шикнул редактор. – Это конфиденциальная информация.

Света во второй раз за день растерялась. О таких деньгах как две с половиной, да и просто две тысячи американских долларов в месяц она не мечтала. Она вернулась, медленно села на стул. Комаров, видя ее состояние, довольно хмыкнул. Вообще-то на оплату работы редактора новой газеты была отпущена сумма из расчета три тысячи долларов в месяц. Юрьич был не то чтобы скупым человеком – он был, скажем так, человеком рациональным. Он всегда стремился, по собственному выражению, оптимизировать расходы на содержание сотрудников. К примеру, редакция в лице рекламного отдела договаривается с туристической фирмой о бесплатной поездке для пяти сотрудников в Питер. Расчет – рекламными материалами. Журналисты пишут материалы, во главе с шефом едут в Питер, живут там неделю в свое и его удовольствие, а потом, получая по итогам месяца зарплату в размере тысячи рублей или меньше, недоумевают: как так? В контракте вроде другая сумма указана. И невдомек им, зеленым, что поездка в Питер, еженедельные ужины в краснохолмских кабаках – не элитных, конечно, но все-таки, - все это шеф тоже считает их зарплатой. Может, и была в этом какая-то своя логика, которую можно принять, если бы сотрудников спросили «на берегу», согласны они с такой странной формой оплаты их труда?

Но в данном случае все было по-честному. Не считая, конечно, того, что Юрьич хотел сэкономить на Свете тысячу «зеленых» ежемесячно. Он ни в коем случае не намеревался их прикарманить. Он их хотел потом честно поделить как премиальные. Ну а часть, естественно, пустить на компенсацию вредной работы: коллективно пропить. Словом, Света согласилась. А чтобы окончательно отрезать ей путь к отступлению, Комаров сказал:

- Две тысячи «зеленых»...

- Две с половиной, - мягко поправила его Света и очаровательно улыбнулась. Юрьич засмеялся: пойман, чего там.

- Согласен!.. Две с половиной, расчет «черным налом», твоя официальная зарплата редактора будет составлять тысячу рублей в месяц. Таким образом, если спросят, ты вроде как оказываешь благотворительную услугу проекту, служишь за идею.

- Кто спросит? – у Светы все еще кружилась голова от крутых виражей.

Юрьич хохотнул.

- Найдется, кому спросить. В этом можешь не сомневаться.

Глава 3

В Москве в нынешнем августе было душно и изнуряющее жарко. Лето на излете как будто спохватилось, что недодало жителям столицы тепла, - выбросило «зачачку». Вторую неделю стояло под тридцать, воздух дрожал от асфальтовых испарений, и уже к середине дня дышать становилось нечем.

Высокая остроугольная башня представительства компании «Заполярская медь» на Тверском бульваре была обращена фасадом непосредственно к солнцу. Однако в цивильных, современно отделанных кабинетах управленцы компании чувствовали себя в безопасности. Каждый кабинет был снабжен кондиционером, а жалюзи надежно защищали окна от прямого солнца. В холле второго этажа дизайнеры по заказу хозяев сотворили спадающий по стене водопад-фонтан, он создавал уют и давал дополнительную прохладу.

Кабинет Юрия Измаиловича Поддубного располагался на пятнадцатом этаже башни. В нем не изливался фонтан, но было прохладно благодаря кондиционеру. А уют создавала мебель – по желанию хозяина кабинета, была она почти целиком антикварной. В свое время, когда новые владельцы Заполярского горно-металлургического комбината пришли на смену старым и, как новую мебель, начали вносить в старые стены новые реалии, руководство оповестило всех, от первых управляющих лиц до последних клерков: есть стандарт оформления кабинетов, на него отпущены деньги. Отступать от стандарта не возбраняется, но – за свой счет. Юрий Измаилович имел такой счет, который позволил ему отыскать и купить не в лучших – то есть не в самых дорогих, но в хороших – московских магазинах антиквариата то, что ему по вкусу. Чего не нашел – заказал талантливым имитаторам, что стоило тоже немалых денег.

А вкусом владелец кабинета отличался неплохим. Хотя и наблюдалась в оформлении некоторая эклектичность, в конечном счете каждый предмет соседнему был не чужд. У входа гостя встречал дубовый книжный шкаф в стиле Людовика XIII, Франция, вторая половина XVIII века. Внутри шкафа покоились – иначе не скажешь – несколько фолиантов, тоже купленных в антикварных лавках столицы. Среди них – иллюстрированная монография о Леонардо да Винчи Розенберга, вышедшая в Лейпциге в 1898 году, «Микельанжело» Зауэрландта, изданная в 1912 году тоже в германском Дюссельдорфе, цельнокожаная Библия в русском переводе – издание Синодальной типографии 1878 года, зачем-то две хромолитографии, посвященные русско-японской войне: «Победил, погиб, но не сдался!» - о гибели крейсера «Варяг», издание Сытина, и «Русско-японская война» киевского издателя Корчак-Новицкого 1904 года. И уж вовсе белой – точнее, красной – вороной или черным вороном смотрелся доклад Лаврентия Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», сделанный им на собрании Тифлисского партактива 21-22 июля 1935 года и изданный «Партиздатом» в 1936 году. Его скучный дерматиновый переплет выглядел беднее цельнокожаного переплета Библии, зато выгадывал на фоне бумажных переплетов других изданий. В отличие от других, страдающих потертостями и надрывами, этот был целенький, будто вчера со станка. Это издание, может быть, и соответствовало больше прочим натуре хозяина кабинета.

В глубине кабинета стоял двухтумбовый массивный письменный стол – оригинала, соответствующего прочей мебели стиля «русский ампир», Юрий Измаилович не нашел, потому стол был имитацией старины. Но хорошей имитацией. К нему примыкал такой же заказной «новодельный» стол для заседаний. А вот вокруг него стояли настоящие стулья восьмидесятых годов поза-позапрошлого века с изогнутыми спинками, выполненные в стиле классицизма, но содержащие в себе некоторые элементы барокко, реже рококо. Стулья были не одинаковые, но в том и состояла особая пикантность: у всех – как у всех, а у Поддубного... Темное дерево, никакой почти резьбы, никакой

позолоты. Стульев насчитывалось шесть. Больше народу на заседания в этом кабинете не собиралось. Да и столько не собиралось. Чаще всего приходили по зову хозяина один-два человека. Для них предназначались два резных, с темной позолотой кресла – тоже настоящих, времен примерно середины XVIII века – и карточный стол-«бобик» тех же времен, ныне вполне успешно выполняющий функции журнального или, чаще, кофейного столика. На таком же, как у столика, кресле располагался и хозяин кабинета.

В углу кабинета слева от письменного стола стояли массивные напольные часы. Механизм давным-давно был заменен на новый, кроме механизма боя: звук был по-прежнему первозданным, низким, маятник – все того же XVIII века, футляр темного дерева снабжен простенькой резьбой, зато декорирован набором из карельской березы. «Рождение» часов датировалось 1794 годом, тогда карельскую березу в России только начали активно использовать при изготовлении мебели. Часы показывали точное время, били низко, с достоинством.

Завершало ансамбль тоже наборного дерева бюро, занявшее свое место в противоположном от часов углу.

Юрий Измаилович Поддубный страшно гордился своим кабинетом. Такого, действительно, не было ни у кого во всем здании. Поначалу к нему приходили на экскурсии – впрочем, отваживались на это только те сотрудники компании, которые были с ним хорошо знакомы. Крутой нрав и замкнутый характер, квадратный лоб, низкие брови, привычка растягивать губы при разговоре, будто в усмешке – глаза при этом смотрели холодно и неподвижно, – все это делало круг его хороших знакомых чрезвычайно узким. Его это устраивало. Бывший сотрудник ФСБ, занимавшийся главным образом сбором секретных досье на видных бизнесменов и политиков, он не нуждался в общении. Был он к тому же человеком одиноким, с женщинами ему в жизни не везло, и одиночество стало привычкой. Потому, когда приходили посмотреть на его кабинет, он хоть и испытывал некоторые приятные чувства – кому не приятно признание? – все же находил это не вполне удобным для себя. И скоро «экскурсии» прекратил, грубо послав по матушке очередного коллегу.

Сейчас Юрий Измаилович Поддубный сидел в антикварном кресле за псевдоантикварным столом, просматривал свежие газеты. Просматривать было, чего. Столичную, далекую от Сибири прессу живо занимала тема грядущих выборов губернатора Краснохолмской области. Интерес был, в общем, понятен. Покойный губернатор, отставной генерал Иван Александрович Гусев, разбившийся на вертолете в апреле, оказал сибирской провинции неоценимую услугу. Пока был жив, он постоянно привлекал внимание к Краснохолмску своей беспощадной «борьбой с криминалом». В область наезжали большие милицейские бригады, суровые люди сурово листали бумаги, производили изъятия, грозились арестами и долгими и урожайными посадками. Пострадал от этих милицейских наездов только друг всех детей и пенсионеров, по совместительству владевший акциями алюминиевого завода и много еще чем, Петрович. Его и правда при Гусеве посадили, а потом законным путем лишили значительной части акций. Истинной причиной, однако, стала вовсе не причастность Петровича к криминалу. То есть был причастен, но не это главное. Когда-то он своими руками, с помощью своих финансов привел Гусева к губернаторству – за определенные обещания, конечно, а тот обещаний не сдержал. Говоря по-бандитски, банально кинул спонсора. Петрович восстал – и поплатился. Выяснение отношений между генерал-губернатором и опальным

предпринимателем было громким, о нем взхлеб говорили практически все телеканалы, писали многие газеты. Кончилось пшиком. Как только Гусева не стало, Петровича выпустили из тюрьмы, впаяв для вида шесть лет условно. Учитывая, что обвиняли его не больше не меньше как в попытке организации убийства, приговор выглядел нелепо. Смеялись все.

Однако главное наследство, оставленное Гусевым жителям области, состояло в том, что Краснохолмск на российском небосклоне оказался сильно подсвеченным. И теперь, когда началась пока неофициальная – подковерная – борьба за обладание креслом нового главы области, Москва никак не могла остаться равнодушной к этой борьбе. Оттого столичные газеты и писали о далекой сибирской провинции, одновременно чутко прислушиваясь к реакции кремлевской администрации на свои публикации и на сами краснохолмские события.

Юрий Измаилович Поддубный, ныне занимающий должность заместителя генерального директора по безопасности компании «Заполярская медь», должен был возглавить штаб кандидата в губернаторы Краснохолмской области Геннадия Александровича Хлопкова. Они были хорошо знакомы друг с другом, Поддубный работал под началом Хлопкова, когда тот возглавлял компанию. Потом Поддубный руководил выборами Хлопкова в Заполярске и центре Северного автономного округа Дугинке. Задача стояла понятная и, как представлялось Юрию Измаиловичу, не слишком сложная. Соперником Хлопкова на выборах выступал спикер Краснохолмского областного Законодательного собрания Виктор Александрович Борода. Местные жители относились к нему с уважением и сочувствием. Последнего было больше, и сочувствие это – сродни тому, которое испытывает здоровый человек к больному. Долгая оппозиция по отношению к Ивану Александровичу Гусеву, в эпоху которого область лишилась значительной части своей собственности – предприятия скопом переходили во владение столичных ФПГ, - хоть и заслуживала поощрения и носила вполне конструктивный и последовательный характер, но сильно измотала Борodu. А главное – сработал закон, которому непременно следуют СМИ: нельзя долго «держат тему». Публика устала. Демонстрация патриотических устремлений полезна и необходима, когда борьба с «чужаками» достигает определенного накала. В «мирное» время она бессмысленна и раздражает. Когда на протяжении нескольких лет общая ситуация не меняется, когда все процессы, запущенные на старте, идут своим чередом, - это время начинает восприниматься людьми как «мирное». «Значит, так и должно быть». По анекдоту про кучу навоза: «Это наша родина, сынок...» И потому патриотические выкрики в условиях, когда вроде бы ничего особенного не происходит, пользы приносят мало.

Потому позиция Виктора Александровича Бороды была заведомо слабее, чем позиция Геннадия Александровича Хлопкова. К тому же честный Борода не мог пообещать своему народу скорое процветание: он хорошо понимал, в каком положении оказалась область после разбойничьего хозяйствования чиновников Гусева. А Хлопков мог пообещать все, что угодно. Он и обещал скорый экономический рывок. Добавить сюда финансовые ресурсы, которыми располагал второй и не располагал первый, – и результат предрешен. У Бороды тоже был хороший спонсор – «алюминиевый дровосек» Дерibas со своей группой «Отечественный алюминий», но все же это были не свои – чужие деньги, которые тем или иным способом пришлось бы потом отрабатывать. Надо сто раз подумать, сколько взять, чтобы потом не подавиться. «Заполярская

медь», а точнее – группа «ИнтерГросс» билась за территорию в своих интересах, двигала своего человека, и потому ресурсов не жалела.

Все это прекрасно понимал Юрий Измаилович Поддубный, и потому задача по завоеванию Краснохолмской области не казалась ему очень сложной. Он был уверен в победе своего кандидата. Остальное – вопрос техники и технологии.

Юрий Измаилович лениво просматривал газеты, когда раздался звонок по внутреннему телефону. Его секретарь-референт сидела не в приемной, соединенной с кабинетом начальника – такой приемной здесь не было, - а внизу, на первом этаже. Ее главная задача – фильтровать посетителей и звонки. С документами в случае необходимости работал другой референт – мужчина, кандидат экономических наук, его кабинет располагался по соседству. Поддубный мог вызвать его в любую минуту, дать поручение.

Звонила Людмила Михайловна с первого этажа.

- Юрий Измаилович, вам звонит некто Борис Игнатьевич Мичурин. Я не хотела вас беспокоить, поскольку он представился довольно невнятно и о цели звонка ничего не сказал. Но он очень настаивал. Утверждает, что вместе с вами учился. Соединить?

Поддубный набрал воздуха, чтобы выругать помощницу – и вдруг вспомнил. Боря Мичурин... Да, числился такой человек среди его знакомых. Лучше бы, правда, не числился. Если он звонит – значит, какую-нибудь гадость готовит. Хорошего от него не дождешься.

- Соедините, - коротко сказал он в трубку и стал с некоторым беспокойством ждать.

Через короткое время забытый голос произнес весело:

- Ну, привет, Поддубный! Здравствуй, Юрий Измаилович! Не желаешь со старым другом встретиться?

«Таких друзей...» - усмехнулся Поддубный, а вслух спросил:

- Что, не телефонный разговор?

- Нет, не телефонный, - все так же весело отозвался Мичурин.

- Ну, приходи... - Поддубный особенно не скрывал, что не слишком рад предстоящей встрече. Мичурин в трубке заржал.

- Ерунда, Юра, много времени не отниму, а польза, глядишь, будет.

Поддубный заказал пропуск. Через полчаса дверь кабинета бесшумно распахнулась, на пороге возник жизнерадостный Борис Мичурин.

- Ну, привет, однокашник...

Глава 4

Бывший майор ФСБ, предатель, ныне числящийся погибшим в автокатастрофе, Борис Игнатьевич Мичурин на самом деле был жив и здоров. Когда журналисты «Вечернего Краснохолмска» разоблачили его как организатора многочисленных убийств в Краснохолмске, в том числе убийства директора «золотого» завода Владимира Королева, когда его пытались арестовать бывшие коллеги, он угнал чужую машину и скрылся. Спустя некоторое время угнанная «девятка» на большой скорости свалилась с моста на выезде из города, пробив бетонное ограждение, и загорелась. Когда потушили, в обломках нашли обгорелый труп мужчины, «по приметам очень похожего на майора Мичурина». Хотя какие приметы у обгоревшего трупа? Никто его толком не обследовал, просто написали в заключении – похож, и дело закрыто.

В салоне под ковриком обнаружили остатки служебного удостоверения, на трупе – сморщенные остатки кожаной куртки майора.

Если бы оперативники и сыщики действовали внимательнее, не спешили выдать за результат то, что требовало дополнительной проверки, они без труда убедились бы: сгоревший в «девятке» мужчина не имел никакого отношения к Борису Мичурину. То есть имел, конечно, но совсем не такое, как представлялось милиционерам. Майор по пути у магазина поймал похмельного бомжа – выбрал того, что выглядел «поцивильнее», - уговорил его помочь передвинуть мебель в квартире, дал в качестве аванса сто рублей, тот согласился. Мичурин посадил его в машину, отвез недалеко, на ближайший пустырь, не до смерти – для острастки придушил. Надел на него свою куртку, незаметно сунул под резиновый коврик свое служебное удостоверение. Бомжа посадил за руль, сам сел сзади. На шею бомжа накинул леску.

- Будешь слушаться – выживешь, а нет... - ласково сказал он «водителю» и потянул леску. Тот судорожно глотнул:

- Ты че, бля, задушишь! Я слушаюсь, ты че... Только я водить не умею...

- Ты меня слушай, и все получится.

Бомж соврал. Водить он умел, и это сразу стало понятно. Мичурин облегченно вздохнул: меньше проблем. Они выехали на трассу, майор убедился, что попутных и встречных машин немного. Он заставил бомжа разогнать автомобиль. Когда спидометр стал показывать сто двадцать, тот заподозрил неладное.

- Ты че делаешь, начальник? Ты ох...ел, что ли? Мы же в поворот не впишемся!

- Впишемся, не ссы, - усмехнулся Мичурин. – Газуй давай, пока не придушил!

- Да пошел ты... - начал было бомж. Мичурин резко потянул леску. Глаза несчастного смертника полезли из орбит, тело задергалось конвульсивно. Нога еще глубже утопила педаль газа. В последние доли секунды Мичурин позаботился о том, чтобы руль сохранял такое положение, при котором машина шла прямо, и, раскрыв на ходу заднюю левую дверцу, вывалился. Он умел падать на ходу, когда-то приходилось прыгать из несущегося с сумасшедшей скоростью по взлетной полосе самолета. Навыки, конечно, подтратились, но все равно цена нынешнего падения – пара незначительных ссадин на руках да несколько средних ушибов. Еще гул в голове, от которого долго не мог избавиться. Выскочив, перекувыркнувшись несколько раз, еще не успев как следует встать на ноги, он уже слышал гулкий удар, треск сминаемого металла, затем через некоторое время еще удар – уже внизу, и через пару секунд взрыв. Мичурин быстро вскочил на ноги, несмотря на легкое головокружение от стремительных кувырков, сразу побежал вниз, под мост. Машина горела. Он заранее позаботился о том, чтобы она загорелась: еще на пустыре открутил крышку бензобака и забросил ее как можно дальше. Но на случай, если бы пожара не случилось, он приготовил зажигалку «Зиппо», которую обнаружил в чужой машине. Бензин в любом случае выплеснулся бы через горловину бака, тогда достаточно было бросить зажженную зажигалку – и успеть убежать до взрыва. Не потребовалось. Машина взорвалась и теперь горела, потрескивая краской и человеческими останками.

Наверху, на мосту послышался через некоторое время визг тормозов, стали останавливаться едущие из города водители. Майор еще некоторое время наблюдал за пожаром. Когда послышался вой пожарной сирены, он сплюнул,

забросил в огонь «трофейную» зажигалку и не торопясь направился в сторону загородной трассы. Больше ему в Краснохолмске делать было нечего. Мичурин хорошо знал, как работает краснохолмская милиция, и с вероятностью девять из десяти мог предположить, что сторевшего бомжа примут за него, Бориса Мичурина. Так и вышло.

Через сутки почти, добравшись на попутках до Новосибирска, он в ближайшем банкомате снял со счета большую сумму денег – половину той «зарплаты», что выплатил ему покойный заместитель губернатора Краснохолмской области Михаил Петрович Лесюк за убийство Королева и другие «заслуги». С деньгами в пухлом бумажнике, небритый и изрядно уставший, Мичурин ввалился в первое попавшееся туристическое агентство, остатками обаяния улыбнулся девушке-агенту:

- Две недели в Египте, любые деньги, но чтобы завтра...

Не завтра, но через пару дней он летел в Хургаду.

Первые два дня майор отсыпался в номере, выходя только на завтрак и ужин. А на третий день в обед, заказав столик в кафе у бассейна, увидел журналиста Свистунова с женой. Нутро перевернула злоба. Благодаря этому бумагомараке он не получил от Лесюка обещанных денег! Это он, журналист Свистунов, трижды уходил от неизбежной, казалось, смерти, это он разоблачил майора ФСБ Мичурина! Из-за этого сопливого писаки ему пришлось спешно бежать из Краснохолмска, из-за него пришлось «погибнуть»! Первое движение было – утопить сопляка в Красном море, и дело с концом. Возможностей хоть отбавляй. Или в отеле, в номере уделать заодно с женой. Но Мичурин недаром до сих пор ходил в живых. Он умел мыслить трезво, особенно когда над умом пытались взять верх неконтролируемые желания. Не потребовалось много времени, чтобы осознать: убрать журналиста любым способом в Хургаде – значит, организовать себе собственноручно крупные неприятности. Египтяне переполошатся, станут проверять всех туристов (русских в первую очередь), слать запросы по месту жительства. Майор может нарваться: среди живых он не числится. Случись ему поехать по путевке не в Египет, а в любую страну Европы, он бы и визу не сумел получить: сцапали бы свои же. Но и здесь, когда речь идет о гибели туриста, даже если он просто по неосторожности утонул, полиция на всякий случай проверяет всех. Даже если не станут проверять – зачем рисковать? И тогда Мичурин задумал многоходовую комбинацию, которая в случае успешной ее реализации обещала не только моральную компенсацию в виде холодного трупа журналиста Свистунова, но и хороший барыш.

- ...Ну, привет, однокашник, - весело сказал Борис Игнатьевич Мичурин, входя в кабинет Юрия Измаиловича Поддубного. Тот изобразил на лице улыбку. Обнялись. Хозяин кабинета указал на два стула около кофейного столика:

- Чай, кофе, минералка?

- Чаек зеленый, если есть!

- Как не быть...

Поддубный ткнул кнопку электрического чайника, открыл буфет XVIII века, стоявший напротив книжного шкафа, по другую сторону от двери, достал заварку, засыпал в крохотный китайский керамический заварник, залил кипятком.

- «Чай дракона», непосредственно из Китая, будешь доволен.

Мичурин с любопытством наблюдал за его манипуляциями.

- А что, секретарши нет?

- Есть, ты же видел... Есть и здесь, по соседству, референт, можно его попросить было. Но чай предпочитаю заваривать сам.

- Боишься чего? – усмехнулся Мичурин.

Поддубный понял не сразу. Когда понял – усмехнулся в ответ.

- Ничего не боюсь. Привычка...

Разлили чай по крохотным чашкам. Поддубный спросил:

- Ну, как?

- Класс! – совершенно искренне ответил Мичурин.

И повисла тишина. Не чай же пришел пить, в самом деле. Поддубный поставил чашку, внимательно посмотрел на посетителя.

- Ладно, Боря. Хватит дурака валять. Говори, с чем пришел? И зачем, главное?

Мичурин тоже не спеша поставил чашку на столик. В свою очередь внимательно взглянул на Поддубного.

- Чай ты хороший завариваешь, Юра. Ну, давай поговорим...

Едва слышно шелестел под потолком кондиционер. Едва колыхались на окнах вертикальные жалюзи. Мичурин говорил ровно, негромко, не глядя на собеседника. Он точно знал, что Поддубный согласится на его условия. Не согласится сразу, по доброй воле – что ж, есть способ заставить. Мичурин закончил.

- Твое слово, Юра.

Поддубный помолчал, думая – как потактичнее отправить собеседника и бывшего коллегу к черту.

- Значит, ты желал бы работать в штабе Хлопкова... - задумчиво произнес он, вертя в руках крохотную китайскую чайную чашечку. – Понимаешь, в чем дело... Я туда отбираю проверенных, надежных людей. Мертвецы в их число не входят.

Мичурин спокойно слушал, не дрогнув ни единым мускулом. Поддубный слегка смешался внутренне. Он надеялся смутить бывшего майора этим замечанием.

- За те полчаса, что прошли с момента твоего звонка до твоего появления здесь, я успел навести о тебе кое-какие справки. Много за тобой числится, Боря, слишком много. К тому же ты ведь мертвый, разве нет? – Поддубный растянул губы, будто в усмешке.

Мичурин усмехнулся. «Шлепнуть бы тебя, однокашник...»

- А мертвый я тебе уже не интересен? Нет? Ну, тогда ладно. Считаю, разговора не было никакого.

Он легко поднялся, пожал растерявшемуся коллеге руку, направился к двери. Поддубный напряженно смотрел ему вслед. У двери уже Мичурин остановился, медленно повернулся к Юрию Измаиловичу.

- Кстати, как считаешь, не заинтересует ли твоего кандидата вот эта бумажка? – он вынул из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок, развернул его, показал Поддубному. У того, как только он разглядел титул, перехватило дыхание. Потеряв самообладание, он бросился на Мичурина. Тот ожидал этого, перехватил хозяина кабинета за руку, взял на излом. Поддубный сморщился от боли.

- Брось, Юра. Я всегда был сильнее тебя – и в университете, и потом, в органах. Всегда тебе говорил: занимайся спортом, единоборствами. Не слушался...

Бумажка, которую вынул из кармана Мичурин, не зря произвела такое сокрушительное впечатление на Поддубного. Юрий Измаилович забыл о ее существовании, но теперь вспомнил, что когда-то такая бумажка бесследно пропала со стола одного большого ФСБ-шного начальника. История сопровождалась неприятностями, но бумагу так и не нашли. А было так.

Майора, точнее – тогда еще капитана Мичурина, осуществлявшего оперативную разработку одного из краснохолмских предпринимателей на предмет нелегальной торговли наркотиками и увода выручки на заграничные счета, срочно вызвали в Москву к непосредственному начальству. Однако непосредственное начальство, курировавшее направление, внезапно заболело, и побеседовать с Мичуриным, уточнить некоторые детали оперативного плана поручило полковнику Стахову. Тот вообще-то занимался другими темами, но коль приказано – не возражишь. Мичурин приехал в Службу, позвонил, получил заказанный заранее пропуск, поднялся на положенный этаж. В приемной референт указал на дверь начальника:

- Пройдите, пожалуйста, Петр Николаевич сейчас подойдет.

Мичурин вошел, огляделся, сел на стул. Кабинет был не очень большой, стулья стояли не вдоль стен, а непосредственно у большого длинного стола, к которому примыкал стол хозяина кабинета. Взгляд с привычной цепкостью оглядел кабинет с висящими на стенах картами и стоящими вдоль стен книжными шкапами, задержался на столе полковника. На столе лежали бумаги, которые, видимо, ждали подписи. Почему-то лежали без папки. Цепкий взгляд зацепил знакомую фамилию. Мичурин встал, подошел к столу, взял бумагу. Это был рапорт, подписанный фамилией «Поддубный». Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы ухватить смысл. В рапорте говорилось, что по оперативным данным майора Поддубного финансово-промышленная группа «ИнтерГросс», возглавляемая Владимиром Потаповичем Олеговым и стремительно набирающая силу благодаря поддержке в Кремле, параллельно с легальной осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность, уходит от налогов и подпитывает политические партии оппозиционного толка. Главный проводник и исполнитель политических акций – менеджер высшего звена Геннадий Хлопков. Именно он передает наличные деньги в оппозиционные фракции Госдумы, он встречается с политическими лидерами. Составитель рапорта прогнозировал возможное выдвижение Хлопкова в средний, а то и высший политические горизонты. В целях устранения политической угрозы и взятия под контроль деятельность ФПГ Олега майор Поддубный предлагал внедрение своего человека в структуры ФПГ «ИнтерГросс».

За дверью послушался шум. Мичурин машинально сунул в карман бумажку, еще не подозревая тогда, какую роль она может сыграть в его судьбе и судьбе майора, будущего подполковника Поддубного. Они почти одновременно пришли в органы, Поддубный, впрочем, чуть раньше, потому и шел на звезду вперед.

Полковник Стахов беседовал с Мичуриным недолго, сугубо официально, попрощались через пятнадцать минут. Возможности вернуть бумагу с рапортом Поддубного у Мичурина не было. Она осталась у него. Привычка оперативного работника ничего не выбрасывать сыграла хорошую роль. Спустя несколько лет Поддубный вышел в отставку, а потом объявился в качестве заместителя генерального директора по безопасности компании «Заполярская медь». Когда Мичурин об этом узнал, он достал старый рапорт Поддубного Стахову,

перечитал его еще раз. «Предлагаю в качестве превентивной меры внедрить нашего сотрудника в одну из структур ФПГ «ИнтерГросс»...» Вот и внедрил.

Теперь, держа на изломе руку Юрия Измаиловича Поддубного, Мичурин не сомневался в своем успехе.

- Не будешь больше на меня бросаться? Это все равно только копия, оригинал у меня, в надежном месте. Давай лучше поговорим, как старые коллеги. По-хорошему...

Через двадцать минут удалось договориться. Поддубный берет Мичурину на работу в штаб Хлопкова вполне официально. Бывшему майору определяют хороший оклад, который он отрабатывает, организуя специальные операции в сфере экономики. Для этого он должен большей частью находиться в Краснохолмске, но желательно не светаться. По итогам выборной кампании он получает солидное вознаграждение, возвращает Поддубному компрометирующую того бумагу – и больше о себе не напоминает.

- Еще вот что, Юрий Измаилович. Мертвецу воскресать ни к чему. Мне нужны новые документы на другое имя. Сделаешь?

- Куда от тебя деваться, - морщась и потирая руку, хмуро ответил Поддубный. – Иди пока, через пару дней позвони.

- Ладно. Только без глупостей, хорошо? Ты мой нюх знаешь. Если что – я бумажку почтой отправлю самому Геннадию Александровичу, а копию – Владимиру Потаповичу. Не многое от тебя после этого останется.

Через два дня из кабинета Юрия Измаиловича Поддубного вышел человек с новеньким паспортом на имя Громова Николая Петровича. Год рождения совпадал с годом рождения Бориса Игнатьевича Мичурина, число и месяц расходились. Николай Петрович Громов взял в авиакассе билет до Краснохолмска и ночным рейсом вылетел на самолете компании «Краснохолмские авиалинии». Так началась новая биография майора Мичурина.

Глава 5

Конец сентября отмечен был в Краснохолмске холодными колючими дождями. Так бывало не каждый год, порой жара могла стоять до октября, а то и в октябре случались не жаркие, конечно, но теплые еще деньки. Однако в последние годы теплые деньки осенью выдавались все реже. Климат заметно менялся из-за Краснохолмской ГЭС. Искусственное водохранилище, именуемое, как везде, морем, своим многокилометровым зеркалом оказывало существенное влияние на погоду.

Дождь шел мелкий, занудный, на улице и на душе царил промозглость. «Королла» помахивала «дворниками», осторожно пробираясь через лужи. Вера опасалась ездить быстро в дождь: под струящейся водой часто таились открытые люки, за что автовладельцы регулярно говорили матерное «спасибо» городскому «Водоканалу». Пару раз те, кому выпало несчастье свалиться в люк на скорости (однажды машина даже встала на крышу – водитель, к собственному изумлению, остался цел и невредим), подавали на «Водоканал» в суд. Результат всякий раз оказывался нулевым. Дело попросту заматывали. Городские судьи не желали из-за «пустяка» ссориться с муниципальным предприятием: его курировал сам мэр Краснохолмска, попасть в немилость к Ивану Петровичу Полозкову желающих не находилось.

Вера очередной раз чертыхнулась. В часы «пик» по городу вообще было ездить трудно, а стоило пойти дождю – пробки или по крайней мере заторы

становились правилом. Сейчас она стояла в такой пробке в одном из самых «узких» мест города, напротив боулинг-клуба «Галактика». Перекресток здесь всегда был забит машинами, светофор выручал мало. Вера нетерпеливо барабанила по рулю. Клиент ждал, она заметно опаздывала.

После того как они с Володей вернулись из Египта, она перебралась из Городка в Краснохолмск. Решили еще раз попробовать все заново. Свистунов в очередной раз поклялся ей, что с любовными историями покончено. Она в очередной раз поверила. Сняли квартиру – обычную двухкомнатную «хрущевку» на правом берегу, в не самом престижном, но и не самом захудалом районе города.

Она приехала не на пустое место. Талантливый программист, еще несколько лет назад Вера освоила компьютерную бухгалтерию, стала продавать программы и сопровождать их. Работала сама по себе, фирму создавать не стала. Сначала клиентов было негусто, потом волей случая и благодаря рекомендациям удалось заключить договор с крупным предприятием уже не в Городке, а в областном центре, дальше пошла полоса удач. Ей все равно пришлось бы рано или поздно перебраться в Краснохолмск. В областном центре перспективы читались отчетливее, да и деньги были совсем не те, что в маленьком провинциальном Городке.

Володя отдал ей свою старенькую «короллу», сам купил себе тоже подержанную, но в приличном состоянии «тойоту кариб». Машина для Веры не роскошь – необходимость: клиенты находились в самых отдаленных районах города, а некоторые и за его пределами, и жаль было времени и нервов на маршрутный транспорт. А если все время разъезжать на такси, и работать не стоит: все заработанное прокатаешь.

Светофор переключился, передняя машина тронулась. Зеленый здесь горел недолго, и Вера едва успела проскочить. Наконец, свернув в боковую улочку и затем во двор, она подрулила к нужному зданию.

- Здравствуй, Ирина Николаевна! Ну, что у вас тут опять?

До середины дня Вера просидела у Ирины Николаевны. Просидела бы еще, но зазвонил мобильный.

- Вера Григорьевна? – знакомый голос в трубке звучал виновато. – Вера Григорьевна, если сегодня не приедете – все, стреляюсь!

«Достал ты меня...» - с досадой подумала Вера, а вслух ответила без тени раздражения в голосе:

- За незаконное хранение оружия статья есть. Подождите стреляться. Что у вас стряслось?

Собеседник на том конце провода стал невнятно и сбивчиво что-то объяснять. Она почти не слушала. Знала: надо ехать, иначе по телефону вымотает душу. Прервала.

- Сергей Викторович, я все равно ничего не поняла из сказанного. Давайте так: я должна освободиться через полчаса – и еду к вам. Идет?

Сергей Викторович рассыпался в любезностях.

С директором и владельцем фирмы «Евсей» Сергеем Викторовичем Евсеевым Веру связывали давние и, в общем, хорошие отношения. Он и был одним из тех первых крупных клиентов, которые появились, еще когда она жила в Городке. Сергей Викторович окончил Краснохолмский университет по специальности «теоретическая физика» как раз в то время, когда никакая теоретическая физика стране стала не нужна. Он, однако, недолго пребывал в раздумьях. Скооперировавшись с друзьями, они склотили фирму. Сначала

торговали компьютерами, потом интересы разошлись, фирма раскололась – впрочем, развод прошел мирно. Честно поделили уставный капитал, каждый пошел своей дорогой. Так у Сергея Викторовича появилось свое дело.

Собственно, работала Вера больше не с директором, конечно, а с бухгалтерией. Часто приходилось консультировать бухгалтеров по телефону, а когда возникала необходимость, за ней присылали машину, и она на день, а то и на два уезжала в Краснохолмск. Командировочные расходы оплачивала фирма «Евсей», за работу они тоже всегда платили исправно. И бухгалтеры в фирме подобрались толковые, никаких проблем с ними, как правило, не возникало.

Как только Вера перебралась в Краснохолмск на постоянное жительство, в «Евсее» обрадовались. Это, впрочем, обернулось неожиданной стороной: теперь ей звонили часто, порой по пустякам, и каждый раз непременно просили приехать. Можно было, конечно, плюнуть – «мне-то что, за ваши деньги – любые капризы...» Но так работать она просто не умела. Подолгу терпеливо объясняла по телефону, что, если слушать ее внимательно, то не придется платить деньги за визит. Надо только кликнуть не по той картинке, по которой кликнули, а по другой совсем. И все же клиент ходил в числе тех, к кому она ездила в основном с удовольствием.

Несколько недель назад Сергей Викторович Евсеев неожиданно позвонил ей вечером домой. Попросил уделить полчаса, но не по телефону, а при личной встрече. Это было странно. Раньше директор никогда не звонил ей сам, что бы ни стряслось. Когда встречались в офисе, неизменно радушно улыбался, задавал два-три дежурных вопроса – и вежливо раскланивался. Он и не вникал особо в ее отношения с бухгалтерами, только исправно и без возражений подписывал платежные документы. Раз позвонил лично – значит, вопрос был уж очень серьезный.

- Хорошо, - сказала Вера. – Давайте я завтра прямо с утра к вам подъеду...

- Вера Григорьевна, простите ради Бога, но мне бы нужно сейчас...

- Сейчас? – изумилась Вера. – Так ведь вечер, десятый час уже. Так срочно?

- Поверьте, срочно. Я заплачу за вызов. И пришлю машину, если нужно.

- Что ж, присылайте.

Когда стала собираться, Володя в это время говорил по мобильному телефону с редактором, недоуменно на нее уставился. Она только пожала плечами: шут его знает, что ему нужно.

- Скоро вернусь!

Сергей Викторович выглядел смущенным и чем-то встревоженным. Или напуганным. Он провел ее в свой кабинет, плотно закрыл двери, хотя в здании в этот час никого, кроме него и охранника, не было.

- Вера Григорьевна, - неуверенно начал он, - я... Послушайте, хотите коньяку? – неожиданно перебил сам себя. Вера не отказалась. Евсеев налил по маленькой рюмочке, приподнял.

- Ваше здоровье.

Рука его подрагивала. Он единым глотком осушил рюмку, поставил, внимательно посмотрел на Веру. Она ждала.

- Вера Григорьевна, я никогда еще не оказывался в такой странной ситуации...

«В любви, что ли, собрался признаваться? Этого мне еще не хватало...»

- Впрочем, я вам все равно не смогу все до конца рассказать, так что лучше просто к существу дела, - Евсеев тряхнул головой. – Значит, так. Для вас как для

программиста, работающего с компьютерной бухгалтерией, конечно, не является секретом, что многие фирмы, в том числе и наша, ведут двойную бухгалтерию. Иначе, как вы понимаете, в нашей стране бизнесу выжить трудно.

- Сергей Викторович, вы мне ликбез собираетесь читать? Я все это знаю едва ли не лучше вас. Давайте по делу. Все-таки поздно уже...

- Хорошо. Хорошо... Я вам просто напомнил то, что вы, конечно, и без меня хорошо знаете, и, как справедливо отметили, может быть, лучше меня.

Директор никогда еще не был таким церемонным, речь его никогда не была такой сбивчивой, в то же время он никогда так не стремился к велеречивости, как теперь. По крайней мере, Вера его таким никогда не видела. Поведение Евсеева против воли внушало тревогу.

- Словом, мне нужно сделать так, чтобы бухгалтерия была не просто двойной, а... тройной.

- Поясните, пожалуйста, - не поняла Вера.

- У меня появилась еще одна фирма, там нужно поставить бухгалтерию. Но вести ее буду я сам. Кроме меня и вас никто вообще об этом не будет знать – ни главбух, ни другие сотрудники. Ни-кто. Сможете?

«И за этим ты меня столько времени мурыжил? Ну, ладно хоть не любовное признание...»

Вера улыбнулась, вздохнула облегченно.

- Вы меня пугаете, Сергей Викторович. Стоило наводить тень на плетень, обставлять все такой завесой таинственности? Сделаю на днях и не спрошу, зачем. Заплатите? – ее тон был шутивным, но директор тона не принял. Он смотрел на нее серьезно. Слишком серьезно. Ей снова стало не по себе.

- Понимаете, Вера Григорьевна, мне необходимо, чтобы завтра программа уже работала так, как я сказал.

Вера едва не поперхнулась коньяком.

- Сейчас, что ли?..

Евсеев кивнул, глаза его вдруг сделались печальными.

- Хорошо бы... Держать вас я, конечно, не могу. Понимаете, для меня это вопрос... ну, если не жизни и смерти, то здоровья, по крайней мере. Цена вашего отказа для меня – крупные неприятности. Потому я и осмелился потревожить вас на ночь глядя. Потому и готов заплатить втрое больше против обычной вашей ставки. Мало? Тогда впятеро! Только сделайте, прошу... Повторяю, я не могу рассказать вам всего. Просто не имею права и вас подвергать... опасности.

Вера была абсолютно растеряна. Ясно, что директора кто-то сильно напугал и что это как-то это связано с его просьбой о «тройной» бухгалтерии. Но как?! Мало ли по какой причине хочет руководитель скрыть отдельные финансовые операции от своих сотрудников – в конце концов, он не просто руководитель, а владелец. Почему так срочно? И откуда этот испуг?

Сергей Викторович тронул ее за руку.

- Вера Григорьевна, скажите что-нибудь – да, нет? Время идет...

Вера вздохнула, потянулась к телефону. Надо предупредить Володю, что вернется не скоро. Отказать Евсееву она не могла. Интуитивно чувствовала, что тому действительно грозит серьезная опасность.

Сергей Викторович вызвал машину, Вера съездила домой, взяла необходимые диски. На все ушел примерно час. Евсеев сидел в приемной, чтобы не мешать, шуршал страницами какой-то книжки, но читать не мог. Когда необходимые программы были установлены на директорский компьютер, Вера

позвала его. Заставила взять ручку, бумагу, усадила рядом – и стала подробно рассказывать, в каких случаях что делать. Сергей Викторович старательно записывал. К середине ночи Вера решила, что задачу свою на сегодня выполнила. Евсеев снова вызвал машину – «Бедный водитель!» - подумала Вера. На прощанье они хлопнули еще по рюмке коньяку, и Вера распрощалась с клиентом, понимая, что не навсегда. Научиться просто так, сразу работать с компьютерной бухгалтерской программой еще никому не удавалось. Впрочем, в сумочке лежала приличная сумма, которой хватило бы на треть подержанной машины. Она готова была приезжать к Евсееву столько раз, сколько ему потребуется.

Свистунов дрых без задних ног. У него в «Вечерке» стояли горячие деньки, они внедряли проект нового дочернего издания, и даже когда он приезжал с работы не поздно, приносил с собой тот же сумасшедший ритм редакции. Стоило переступить порог – они немедленно начинали перезваниваться с Комаровым. Свистунов иногда во время этих телефонных разговоров дико матерился, потому запирался в спальне. Из спальни он выходил, матерясь все так же дико, но произносил слова шепотом. Вера делала вид, что не слышит. В итоге рабочий день Володи заканчивался, как правило, далеко за полночь. А вставал он рано, хотя и не любил этого. Но – новое дело, новый азартный проект!

Вера разделась, тихонько легла. Свистунов беспокойно заворочался и вдруг заорал во сне:

- Херню ты городишь, Серега! Нас налоговая так за жопу завтра же возьмет! Не возьмет?! А я вот тебе скажу... - дальше последовал поток такой виртуозной брани, что Вера изумилась: она и не подозревала, что ее муж может быть настолько изобретательным.

А директор «Евсея», как только за Верой закрылась дверь, бросился к телефону, набрал номер.

- Все в порядке, я все сделал, как вы приказывали. Не трогайте мою семью...

Вера так и не рассказала Володе толком, чем занималась в ту ночь в «Евсее». Так, отделалась общими фразами. Он сначала надулся, потом рассудил здраво: могут быть у программиста, работающего с компьютерной бухгалтерией, свои профессиональные секреты? Ни о какой любовной интриге он и не помыслил.

А Сергей Викторович в работе с бухгалтерской программой показал результаты не самые лучшие. Не проходило дня, чтобы он не звонил Вере в панике, не просил приехать. Она ругалась, но приезжала, терпеливо указывала на ошибки, исправляла «косяки», снова объясняла, заставляя записывать под диктовку. Каждый визит оплачивался наличными в суммах, втрое больше обычных.

Вот и сейчас Евсеев снова пребывал в состоянии паники.

Вера приехала, прошла в приемную. Секретарша встретила ее, как обычно, приветливо, сказала:

- Директора нет, его срочно куда-то вызвали. Он просил провести вас к нему в кабинет. Хотите кофе?

Вера прошла, села за компьютер. Ну конечно, опять он напортил. Вздохнув, стала исправлять ошибки.

Суть операции заключалась в следующем. На расчетный счет «Евсея» - точнее, новой фирмы «Евсей Плюс» с единственным учредителем в лице

Евсеева - поступали крупные суммы денег от нескольких десятков сторонних плательщиков. Деньги аккумулировались – и затем перечислялись на счет третьей фирмы, не известной Вере. Ежедневно директор получал из нескольких банков электронный «ворох» платежных документов, проверял их, составлял новые платежки – и снова отправлял по «электронке», теперь уже в другой банк. Ничего необычного, кроме завесы таинственности, в операции не было. Бизнес новой фирмы в уставе был обозначен весьма расплывчато, непонятно, чем конкретно занималось предприятие – что-то связанное с заготовками сельскохозяйственной продукции и торговлей. Но так делали в России многие. Факт, что количество плательщиков, перечисляющих деньги на «тайный» счет, постоянно росло, для Веры служил свидетельством устойчивого развития нового бизнеса Сергея Викторовича.

Периодически директор совершал ошибки при работе с электронными программами банков, в результате некоторые платежки приходили по несколько раз. Вот и теперь: он пожаловался ей по телефону, что со счета клиента один и тот же документ пришел пятнадцать раз подряд!

Закончив «работу над ошибками», Вера стала пересматривать базу данных, чтобы проверить, нет ли еще в каких-то записях подобных ошибок, а если есть – почистить базу. Один плательщик внезапно зацепил ее внимание. Фирма «КоКура», находящаяся в городе Ланске. Тоже давний и крупный ее клиент. С чего бы это табачной фабрике «КоКура» перегонять свои деньги на счет «Евсей Плюс»? Главное – за что? Владельцы «КоКура», бывшие чиновники гусевской администрации Александр Койчин и Николай Куреев (последний сидел второй срок на посту мэра Ланска) отличались страшной скупостью, за это Вера недолго любила клиента. Терпела, потому что крупный, хотя каждый раз приходилось защищать перед директором фабрики сумму, представленную к оплате. Но дело в данном случае не в скупости или не только в ней. Просто по бизнесу они никак не могли пересекаться с Евсеевым.

Вера взгляделась в плательщиков пристальнее. Вот еще один ее клиент – и тоже никакого отношения не имеющий ни к сельскому хозяйству, ни к торговле, ни к одному из направлений, которыми занимался «Евсей Плюс». При внимательном просмотре таких знакомых фирм – ее клиентов и просто тех, о которых она кое-что знала – набралось с десяток. «Как интересно! И чего это они все с Сергеем Викторовичем своими кровными делятся? И куда эти кровные потом уходят?»

Веру осенила догадка. Она потянулась к трубке мобильного – в это время дверь кабинета распахнулась, вошел Евсеев. Компьютер стоял на его рабочем столе, от двери экран был не виден. Вера быстро и незаметно для директора щелкнула по закладке, перешла на другую страницу программы.

- Ну, что у нас, Вера Григорьевна? Порядок?

- Да, Сергей Викторович, все как всегда. Садитесь, снова будем учиться...

Глава 6

В тот же вечер Вера рассказала обо всем Володе. Их подозрения совпали. Он вскочил, заходил по комнате, яростно потирая руки.

- Верка, это же точно какой-нибудь «левый» избирательный фонд Хлопка! Никто другой не мог бы так сильно напугать твоего Викторовича! Про людей Хлопка такое говорят!.. Завтра же тряхнем Евсеева, пусть рассказывает, как и что.

- Одурил?! – взвилась Вера. – Хочешь лишить меня деловой репутации, клиентов лишить? Это же конфиденциальная информация! Стоит кому-то узнать, что я способна «слить» любые сведения о клиенте кому угодно, тем более в прессу – и тебе придется содержать меня до смерти.

- Я готов! – Володя улыбался, еще не вполне оценив сказанное.

- А я – нет. Попробуй, подставь меня. Уйду от тебя.

Это было сказано тихо и серьезно. Свистунов перестал улыбаться. Сел рядом с Верой.

- Ну, и что делать прикажешь? На тормозах все спускать?

- Не знаю... Посоветуйся с Юрьичем – только аккуратно, не называя фирмы. Может, что дельное предложит.

Володя потянулся к телефону.

- Ну, не по телефону же, - укоризненно остановила его Вера.

Как только редакция «Вечернего Краснохолмска» зарегистрировала приложение под названием «Земля Краснохолмская», в котором журналисты жестко критиковали команду Геннадия Хлопкова и откровенно поддерживали Виктора Бороду, телефоны редакции стали прослушиваться. Сначала, когда в трубках редактора Комарова и журналиста Свистунова через некоторое время после соединения начали раздаваться непонятные щелчки, думали – просто старые аппараты барахлят. Сменили аппараты – таинственные щелчки не прекратились. Позвали грамотных связистов – те подтвердили: слушают! Через некоторое время по таким же причинам возникло подозрение, что и домашние телефоны Юрьича и Свистунова прослушиваются. Договорились болтать только по поводам, которые не представляют опасности с точки зрения политической благонадежности.

Обязанности губернатора области после гибели Гусева исполнял Иван Николаевич Шакалин – человек, который в равной степени готов был пинать мяч в любые ворота. Все зависело от того, где больше заплатят. Хотя до начала своей чиновничьей биографии он служил «алюминиевому дровосеку» Дерибасу и, значит, теперь должен был вроде поддерживать Бороду. Но «временное правительство» области, которое Шакалин возглавлял в большой степени номинально, склонялось к поддержке явного фаворита Хлопкова. Люди Бороды поэтому рассматривались как оппозиция, а все их действия расценивались как враждебные. При таком раскладе заставить соответствующие службы установить «прослушку» на телефоны некоторых представителей команды Бороды оказалось несложно. И самого будущего кандидата в губернаторы края Виктора Александрович Бороду слушали и в кабинете, и дома. Он прекрасно знал об этом и лишнего по телефону не говорил.

Володя согласился с Верой: не по телефону, конечно.

А наутро он все подробно рассказал Юрьичу. Назвал и фирму, зная, что редактор в данном случае без его согласия никаких самостоятельных шагов делать не станет.

Комаров немного подумал – и посмотрел на журналиста с веселой укоризной.

- Тебе фамилия Фролов ни о чем не говорит? Виталий Сергеевич. Он перед нами в долгу...

Володя хлопнул себя по лбу.

- Точно! Звони.

Капитан ФСБ Виталий Сергеевич Фролов со своими орлами в апреле организовывал задержание разоблаченного журналистами майора-предателя

Бориса Мичурина. Майор благополучно ушел, Свистунов сильно наорал на капитана Фролова, они поругались, но позже капитан явился с повинной в редакцию «Вечерки». И с коньяком. Посидели, выпили, почти подружились. Фролов тогда сказал:

- Мужики, имейте в виду, если что: я – ваш должник! Вы Мичурина вычислили, я его просрал – значит, должен искупить! Он, конечно, сам себе смерть нашел, но все-таки.

Момент, похоже, настал. Юрьич позвонил, предложил вместе пообедать. Часа через полтора в кафе «Встреча» неподалеку от редакции договорились обо всем. Фролов пообещал сохранить информацию в тайне, чтобы ни в коем случае не подставить Евсеева и Веру Свистунову. Обещал сразу же связаться с журналистами, как только удастся что-то выяснить.

Вера тем временем предприняла самостоятельные шаги по расследованию ситуации. Если бы она знала, как далеко они ее приведут, может, поостереглась бы.

С бухгалтерами многих предприятий-клиентов ее связывали вполне доверительные отношения. Независимо от того, кто руководил фирмой, кто ею владел, она имела дело напрямую с бухгалтерским корпусом. И умела к себе расположить. В интересах дела немного актерствовала, но вообще просто по природе ей было свойственно располагать к себе людей, с которыми работала. Еще раньше, до того как перебралась на вольные хлеба, пытаясь найти себя в этой жизни, она сменила пару мест работы – и каждый раз обрастала кучей новых знакомств, иногда приятных, порой абсолютно бесполезных и даже обременительных, но таких, которые с годами не прерывались. Во всяком случае, по ее воле. И потом, когда стала работать самостоятельно, без особых стараний вошла в доверие ко многим клиентам. Это было больше, чем просто доверие к программисту, способному «вылечить» от профессионального недуга. Во многих фирмах ее воспринимали как домашнего психотерапевта. Зная невероятное количество смешных историй из жизни – своей и чужой, - Вера могла поднять настроение в любом коллективе, выправить почти любой излом отношений, грозящий перерасти в конфликт. Однажды в какой-то конторе в нужный момент, когда там царил такое вот предгрозовое настроение, она рассказала анекдот про свинью и розетку.

- Знаете анекдот? Смотрит свинья на розетку и говорит: «Дохрюкался, замуровали!»

Народ вежливо улыбнулся.

- Вот когда первый раз его рассказываешь, всегда такая реакция. А когда десятый...

Пришла на следующий день, снова рассказала. Засмеялись. В третий, четвертый раз – и вся бухгалтерия тряслась от хохота так, что пришел директор, встревожено спросил: «Что у вас тут происходит?» Рассказали и ему. Он недоуменно покрутил головой, ушел. А на следующий день в бухгалтерию заглянула секретарь директора, озабоченно спросила – нет ли у кого успокоительного?

- Что стряслось?

- Павел Иванович заперся в кабинете и вот уже полчаса хохочет, не переставая...

Наступило время, когда полезное свойство характера Веры просто необходимо было использовать.

С трудом припарковавшись на забитой стоянке перед большим 12-этажным зданием, где располагалось краснохолмское представительство ланской фирмы «КоКура», Вера поднялась на пятый этаж. Недолго пробыв в бухгалтерии, она вышла, довольная собой.

Представительство ланской фирмы лишь для виду называлось представительством. На самом деле именно здесь происходило главное: оформлялись сделки, выстраивались отношения с дилерами, здесь крутились деньги. В Ланске, на самой фабрике, работали производственники и сидели товароведы, руководившие отгрузкой и оформлявшие документы. Бухгалтерия «КоКура» тоже располагалась в Краснохолмске. С главным бухгалтером фирмы Леной Поздняковой Вера была знакома еще раньше. Та работала простым бухгалтером в государственной конторе, работа ей не нравилась, перспектив роста не было. Узнав, что главный бухгалтер «КоКура» собирается на пенсию и руководство озабочено поиском нового человека, Вера порекомендовала директору представительства Лену. За несколько месяцев та сумела добиться уважения в новом коллективе, сумела стать авторитетным человеком для начальства и даже для собственников. Ее нынешняя зарплата заметно отличалась от зарплаты госслужащего, которую она получала раньше. Лена не то в знак благодарности, не то просто из человеческой симпатии постоянно набивалась к Вере в гости. Она брала почитать книги из обширной библиотеки Свистуновых, рассказывала о своих семейных перипетиях, делилась некоторыми пикантностями из жизни фирмы. Ей и в голову не приходило что-то скрывать от Веры.

Сегодня Вера как бы случайно зазвала Лену на ужин. Предлог нашелся без труда: посмотреть новый компьютерный стол, который недавно купили Свистуновы и о котором мечтала Лена, но все не могла найти подходящий. Вера испытывала некоторые уколы совести, потому как намеревалась использовать Лену «втемную». Но уколы перекрывались осознанием той великой пользы, которую она может принести благородному делу.

Она села в машину, достала мобильник.

- Свистунов, тебе сегодня придется готовить ужин. Надо накормить гостью.

- Что за гостя такая ценная?

- Лена, ты ее знаешь.

- Эта зануда? Вер, ты же понимаешь, я не могу прийти рано. Может, пельменями обойдетесь?

- Ты, Свистунов, помнишь, я тебе называла фирмы, которые перечисляют деньги на известный счет? Помнишь, где Лена работает?

В трубке возникла пауза.

- Черт! – сказал Володя. – Во сколько она придет? В семь... Хорошо. Будет вам такой ужин – закачаетесь!

Свистунов был прирожденным кулинаром. На кухонной полке толпились книги с многочисленными рецептами, в шкафчике под разделочным столом горой лежали пряности и специи – фасованные в пакетиках и купленные на развес. Больше всего ему нравилось возиться с мясом и рыбой. Супы он тоже готовил, но супы и у Веры получались не хуже. Что касается мяса и рыбы, равных ему среди знакомых не было. Где и когда успел научиться, непонятно. Сам говорил – от скуки, когда в очередной раз уходил от жены. Поэтому все ответственные мероприятия, связанные с приемом гостей, ложились бременем

на него. Впрочем, готовка была не бременем – скорее удовольствием. А в данном случае бремя он воспринимал как ответственное задание.

Володя тут же рассказал о разговоре Комарову.

- Ну, хорошо, - сказал Юрьич, - значит, с двух сторон зайдем!

Никто из них еще не подозревал, к каким последствиям приведет такой заход.

Пока, чтобы не упустить момент, в очень обтекаемой форме решили дать даже не информацию еще – намек на информацию о том, что, по слухам, один из будущих вероятных кандидатов в губернаторы области уже сегодня негласно формирует «черный» избирательный фонд. На всякий случай предупредили об этом Веру – она выругалась, но в конце концов согласилась: пускай! Ее только в узком кругу друзей звали Свистуновой, на самом деле она носила девичью фамилию Белозерова. Клиенты не соотносили ее с журналистом Свистуновым. Разве что Лена. Но Лена газет не читает.

Текст заметки написал Свистунов, редактор одобрил. Пригласили Свету, попросили ее дать текст на первой полосе очередной «Земли Краснохолмской». Каждый раз, когда речь шла об этом новом приложении к «Вечерке», Юрьич и Володя морщились, вспоминая свой прокол. А Света смотрела на них просто с ненавистью. Была причина. Когда газета была уже зарегистрирована, но еще не начала выходить, кто-то задумчиво произнес:

- «Земля Краснохолмская»... Сокращенно – «ЗК», - и все трое уставились друг на друга.

- Хорошенькая аббревиатура, - медленно прошипела Света. - Тоже мне, газетчики.

Но исправить ничего уже было нельзя. Приходилось использовать только полное название газеты, чтобы не провоцировать собратьев по перу, особенно из лояльных к Хлопкову СМИ.

... Часов в пять дня Володя подошел к дому, предварительно отогнав на парковку свой «кариб». По пути он купил продуктов, взял пару бутылок вина. Через час примерно пришла Вера. Они согласовали с ней план «перекрестного допроса» гости. К семи вечера, к приходу Лены все было готово.

Лена пришла без опоздания, принесла с собой ненужные конфеты (Свистуновы не ели конфет и сахара, хотя Вера обожала тортики), дешевое и плохое вино. Показали ей компьютерный стол, гостя поохала, потрогала, посидела за ним, порасспрашивала, где и почему. Наконец, сели ужинать. Выпили, закусили, Лена похвалила еду, Володя сказал дежурное спасибо. Когда за одним столом собираются не очень хорошо знакомые, но симпатизирующие друг другу люди, все зависит от того, кто возьмет на себя роль тамады. Это должен быть не тот тамада, что главенствует в кавказском застолье. Здесь не должно быть ничего дежурного, ничего обязательного. Надо вести застолье так, чтобы твое главенство не было заметно, но приносило пользу, вело к результату. А результат – когда все расслабились, почувствовали себя непринужденно. Вера это умела. Она снова сыпала историями про Свистунова и себя, Володя покорно улыбался – ну да, я это... Лена искренне смеялась, выражая удовольствие всей своей большой фигурой. Когда момент наступил, Вера постепенно перевела разговор на политические темы. И между прочим заметила:

- Говорят, кстати, штаб Хлопкова требует деньги у крупных фирм на выборы. Правда, не знаете?

Лена невесело усмехнулась.

- Я не знаю, правда ли, что на выборы. Но мы вот уже с месяц переводим хорошие суммы на счет какой-то «левой» конторы под названием «Евсей Плюс». Основания для перечисления денег настолько призрачные, что боюсь, как бы нами налоговая или РУБОП не заинтересовались. А не перечислять нельзя: сам Куреев приказал. А я боюсь. Вы же знаете, сейчас по закону бухгалтер за все финансовые операции, за все нарушения закона несет ответственность наравне с первым руководителем. Одна хорошая проверка – и привет карьере.

- Ну, если вы гоните деньги на выборы Хлопкова, вам проверка не страшна, - усмехнулся Свистунов. – Всем известно, нынешняя областная власть его поддерживает. Дадут команду не трогать – и все обойдется.

- Может, и так, - задумчиво сказала Лена. – Только есть у меня сомнения, что деньги – на выборы.

- То есть? – насторожился Володя.

- Да то и есть. Понимаете, директор наш как-то странно себя ведет. Так получается, что вроде та фирма – «Евсей Плюс», - она будто нашему директору подчиняется. Я как-то вошла к нему в кабинет, когда он разговаривал с Евсеевым – я поняла, что с ним, потому что обращался по имени-отчеству, а Сергея Викторовича я знаю. Ну, наш директор с ним так разговаривал... И все время на Куреева ссылался. Дескать, Николай Сергеевич велел, не сделаешь – сам знаешь.

- Что же, он при вас разговаривал так? – спросил Володя.

- Он меня сначала не заметил, сидел вполборота. Когда увидел – трубку прикрыл и из кабинета выгнал. Поэтому я толком не знаю, о чем они говорили. Но ясно, что он на Евсеева давил по какому-то случаю. В общем, непонятно ничего, но смута какая-то на душе, - закончила Лена. – Давайте лучше выпьем, а то я теперь снова про это думать буду.

Выпили. Посидели еще. Вера с Володей постарались переключить внимание Лены на что-нибудь другое. Показали картины, купленные в местных галереях или подаренные знакомыми художниками. Поставили хорошую музыку. Свистунов попел под гитару. В конце концов вечер удался, Лена ушла от них поздно, почти счастливая. Отправили ее на такси и попросили позвонить, как придет домой. Приехала, позвонила.

Володя с Верой виновато друг на друга взглянули.

- Ну ладно, это же для дела надо, - сказала Вера.

- Для дела, конечно, - вяло согласился Володя. – Может, надо было просто ей все рассказать?

- Эх ты,следователь, - вздохнула Вера.

- Да ладно, сам знаю, что нельзя. А все равно как-то неловко.

- Ничего. Давай вино допьем.

...А назавтра Лена Позднякова на работу не пришла. Ее труп с множеством ножевых ранений нашли за гаражами недалеко от дома, по пути к автобусной остановке. Экспертиза показала, что убили ее примерно в половине девятого утра. У Лены остались нелюбимый муж и любимый маленький сын.

Глава 7

Сергей Викторович Евсеев которую неделю чувствовал себя скверно. Не физически – с физическим здоровьем у него все было в порядке. Несмотря на солидный вес и приметный животик, еще со студенческих лет он привык

держат себя в форме, не изменял этой привычке и теперь. Зимой бассейн, летом непременно ежедневное купание где-нибудь в ближайшем озере, не в озере так в великой сибирской реке, где вода зимой и летом была одной температуры: плюс пять. Зарядочка ежедневная, когда время позволяло – велосипед. Физическое здоровье не беспокоило. Скверно было на душе. Будто он кого-то медленно убивал по чужому велению. Ну, не убивал, это слишком. Но совершал другое преступление. Воровал. И отдавал наворованное непонятно, кому.

Сергея Викторовича не мучала совесть тогда, когда он, выражаясь научно, минимизировал затраты предприятия. Проще говоря, уводил часть прибыли от налогов, платя, например, сотрудникам зарплату «черным налом». Так делал в стране каждый второй, особенно если брать средний, не самый крупный бизнес. По меркам региона и города Краснохолмска фирма «Евсей» велика, по общим меркам – средняя. Не скрывая часть доходов, сполна уплачивая все налоги, - так в новой России работать трудно. Невменяемое законодательство, растущие аппетиты госаппарата, стремящегося выжать из бизнеса все до капли и не заботящегося о завтрашнем дне бизнеса и страны – все это заставляло предпринимателей прятаться со своими доходами в «тень». Главное – государственные органы, хоть налоговая, хоть милиция, которой с некоторых пор передали функции бывшей налоговой полиции, хоть прокуратура прекрасно знали о том, как делается бизнес по-русски. Знали и о причинах. И делали вид, что ничего такого не знают и не ведают.

Поэтому Евсеева не мучала совесть, когда он, выражаясь прямо, воровал из кармана государства. «Если государство силком ставит тебя на четыре кости – это не тот случай, когда хочется расслабиться и получать удовольствие, - говорил он. – Я буду вести себя с государством так, как оно позволяет себя вести со мной».

А вот теперь совесть мучала, душа болела. Потому что не у государства он воровал, а у таких же, как он. И кому отдавал, неизвестно, и с какой стати, за какие заслуги - непонятно.

Несколько недель назад ему позвонили на прямой служебный телефон, минуя секретаря. Человек с приятным голосом вежливо попросил о встрече по поводу коммерческого предложения. Евсеев звонку удивился, его прямой телефон знали немногие. Но голос в трубке располагал, и он согласился, назначив встречу в тот же день. Если серьезное предложение, почему не обсудить? А телефон мог дать кто-то из коллег, связанных с ним по бизнесу, просто не успел его предупредить.

Через пару часов секретарь Таня доложила о приходе незнакомого гостя, провела в кабинет. Визитер выглядел молодо, спортивно, короткой стрижкой походил не то на спортсмена, не то на рэкетира. Держался свободно. Прошел к столу. Хозяин кабинета протянул руку – рукопожатие не состоялось. Гость сел на стул, закинул ногу на ногу. Евсеев растерялся.

- Простите, я не ошибся? Это вы мне звонили пару часов назад?

Человек ослепительно улыбнулся.

- Я звонил, вы не ошиблись, Сергей Викторович.

- Вот, вы меня знаете, а я вас – нет, - Евсеев начал сердиться. – Может, для начала представитесь?

Все так же ослепительно улыбаясь, визитер ответил:

- Для начала мы сделаем вот что. Вы сейчас попросите секретаршу ни с кем вас не соединять и никого в кабинет не впускать, пока мы беседуем.

Кабинет лучше закрыть – впрочем, я сам это сделаю, - он легко поднялся, подошел к двери, повернул защелку. Евсеев смотрел на все оторопело. «Наезд? Вроде времена изменились. Говорят, теперь так не делают. Или делают?» Он потянулся рукой к тревожной кнопке под столом. Когда только начинал свое дело, пару раз приходилось ею пользоваться. Правда, кнопка не была соединена с милицейским пультом. Тревожная лампочка должна замигать в приемной, а Таня должна немедленно вызвать внутреннюю охрану и милицию.

Человек от двери с любопытством наблюдал за Евсеевым.

- Это лишнее, Сергей Викторович. Впрочем, если хотите – побалуйтесь. Сигнализация ваша дерьмовая не сработает, мы об этом позаботились.

- Кто вы такой, черт побери? – вскипел Евсеев. – Рэкетир? Кто вас прислал? Я не платил никому и платить не намерен. Меня не такие, как вы, пугали, сопляк несчастный! Убирайтесь отсюда!

- Я не рэкетир, - молодой человек снова уселся на стул, закинув ногу на ногу. – Кто меня прислал, я вам не скажу – думаю, чуть позже сами догадаетесь. А и не догадаетесь – так ничего. Как меня зовут, вам знать необязательно, вряд ли нам придется часто встречаться. Ну, а чтобы вы не сомневались в серьезности наших намерений, я вам предъявлю такой вот документ.

Визитер вынул из кармана небольшой блестящий пистолет.

- Это хорошая машинка. Стреляет тихо, никакого глушителя не надо. Случалось таким пользоваться?

Евсеев разом вспотел.

- Чего вы хотите?

- Правильный вопрос. Но я еще не обо всем вас предупредил. Ваша жена Зинаида Ивановна преподает в университете, ездит на работу на маленькой очаровательной двухдверной «Ауди», госномер У666КН. Рискованный, кстати, номер – три шестерки. Как бы не случилось чего.

Евсеев судорожно сглотнул.

- Ваша дочка Ирина ходит в школу по хорошо известному нам маршруту. Школа от дома недалеко, но там надо проходить мимо «замороженной» стройки. На стройке бомжи всякие ошиваются, а девочка уже не маленькая – 12 лет... Акселерация... Формы женские рано проступают... Ну, вы понимаете. Ваша старенькая матушка живет по адресу: улица Толстого, 6, квартира 8, дом старый, «хрущевка», кодового замка на подъезде нет, квартира с газом. Старушка, все забывает, может забыть закрыть газ, отравиться нечаянно... Вы все поняли?

- Понял, - хрипло выдавил Евсеев. С него в три ручья струился пот. – Не понял только, что вам нужно?

- Ну, вот теперь давайте я вам и правда расскажу, что нам нужно. Да и вам, Сергей Викторович, тоже это нужно, поверьте. Сделаете все, как надо – все останутся целы и невредимы, а вы еще и барыш получите. Только Тане в приемную позвоните, попросите ни с кем не соединять.

От Евсеева потребовали на первый взгляд немногого. Он должен был в короткий срок зарегистрировать новую фирму под любым названием – в этом визитер обещал ему помочь. Фирма должна аккумулировать на своем счету деньги, которые под разными предлогами станут поступать от других предприятий. Чтобы предлоги выглядели убедительно, уставная деятельность нового юридического лица должна быть прописана как можно более невнятно. Вопросов при регистрации не возникнет, это человек обещал твердо. Затем полученные деньги нужно будет перечислять на счет, который ему укажут. Основание для перечисления средств укажут тоже. Вот и все. Кстати,

предприятие «Евсей» данью не облагается. Зато на счете новой фирмы Сергея Викторовича при этом будет оставаться определенный процент от общей суммы – плохо, что ли? Деньги – фактически ни за что! Жесткое условие: полнейшая конфиденциальность. Единственный, кого просто придется ввести в курс дела, – программист, который поставит соответствующие программы и научит Сергея Викторовича работать с ними.

- Таких специалистов у нас, к сожалению, нет, - развел руками гость. – Но в детали и программиста посвящать не следует. Вроде все рассказал. Да, вот еще. Будут возникать вопросы – держите связь с директором «КоКура» Николаем Ивановичем Кусковым.

- С этими убудками?! – не выдержал Евсеев. – Ну и компания у вас...

- Это вас не должно касаться, - голос визитера стал жестким. – И помните, Сергей Викторович: любое неосторожное движение – и мы, как говорит наш президент, ответим симметричными мерами.

Молодой человек снова улыбнулся.

- Срок на все про все – неделя. К пятому сентября все должно быть готово, пятого все уже должно работать.

Когда визитер собрался уходить, Евсеев осмелился спросить:

- Вы мне можете хотя бы ответить, эти деньги предназначены на выборы нового губернатора? Очевидно, Хлопкова?

Тот остановился, подумал.

- Версия мне нравится. Остальное пусть вас не беспокоит.

Теперь стоял конец сентября, все работало, деньги шли по прописанному маршруту. Когда что-то не получалось – Евсеев звал Веру Григорьевну Белозерову. Поначалу его удивляло, что никто из плательщиков ни разу не позвонил ему, не задал вопроса. Он намеренно назвал новое предприятие «Евсей Плюс», чтобы те, чьи финансовые потоки он теперь против своей воли регулировал, знали, на чей счет они перечисляют деньги. Сергей Викторович был в Краснохолмске фигурой заметной, его знали многие, репутация его была безупречной, с некоторыми владельцами других фирм они вместе ходили в сауну, посещали бассейн. Он надеялся как-нибудь в неформальной обстановке, за пивком или просто на водяной дорожке, где можно говорить так, что никто не услышит, раскрутить кого-то из коллег на откровенный разговор, выяснить для себя, кто за всем этим стоит и куда в конце концов уходят деньги. Заодно объяснить: он ни при чем, его заставили. «Сделали предложение, от которого нельзя было отказаться». Но собратья-бизнесмены на контакт не шли, отделялись общими фразами. Сергей Викторович вывел для себя: их тоже напугали. И только однажды бывший близкий друг, с которым их развел бизнес, но сохранились приятельские отношения, сказал ему за пивком, когда никого больше рядом не было:

- Старик, не дергайся. Все все понимают. Твоя репутация известна. Никто и не думает, что это ты нас доишь, по своей воле. Но большего, поверь, ни я, ни кто-то другой не знаем. Знает, пожалуй, только Куреев, но этот сучонок, ты же понимаешь, ни за что не расколется. Да еще и сдаст с потрохами. Тебе нужны неприятности?

Евсеев отчасти успокоился. Но на душе по-прежнему было муторно. Ему не все равно, как делать бизнес.

Когда, в очередной раз заполняя электронные документы, он попутно предавался моральному истязанию, в кабинете зазвонил телефон. Прямой – значит, скорее всего, Кусков. Николай Иванович Кусков, директор фирмы

«КоКур», вел себя нагло и разговаривал нагло, на «ты», хотя был лет на десять младше Евсеева. Не здороваясь, он грубо спросил:

- Ты кому-нибудь что-нибудь вякал про наши дела?

- Мне пока моя жизнь не надоела, - сдержанно ответил Евсеев. – Что случилось?

- Ты газету «Земля Краснохолмская» видел хоть раз?

- Допустим. – Эту газету курьер приносил в офис «Евсея».

- Возьми свежий номер, прочти. Подумай, чей слив? Доложишь, - Кусков отключился.

- Козел! – со вкусом произнес Евсеев.

Кускова в деловых кругах не любили. Начинал он как «шестерка», был на побегушках у Куреева, а у того – тоже не бог весть какая репутация. Куреев верой и правдой служил покойному Ивану Александровичу Гусеву, капитал сколотил исключительно благодаря близости к губернатору, не трогали его ни налоговая инспекция, ни правоохранительные органы. Теперь, руководимый политическим чутьем, он сделал ставку на Хлопкова как будущего губернатора области – и снова правильные менты и честные прокуроры лязгали от злости зубами, не в силах взять за задницу мэра Ланска. По совокупности заслуг посадить его можно было надолго. Он хорошо понимал причину своей неуязвимости, откровенно издевался и над правоохранителями, и над коллегами по бизнесу. Потому его и не любили. А Кускова вообще не держали за человека.

Евсеев нажал кнопку селектора, попросил Таню принести свежий номер «Земли Краснохолмской». Сразу отыскал на первой полосе нужную заметку. Отложил газету, минут пятнадцать глядел в пустоту. Потом решительно тряхнул головой, еще раз перечитал заметку. Усмехнулся. Сказал вслух:

- Это сигнал, Серега. Пора, значит.

Захватив газету, Евсеев вышел из своего кабинета, зашел в соседний, где сидел один из его сотрудников.

- Палыч, очень тебя попрошу, можешь пять минут покурить в коридоре? Надо срочно позвонить конфиденциально, а у меня с телефоном что-то...

Палыч был не дурак, вышел, не спрашивая, почему шеф не может позвонить с мобильного. В том, что все три его телефона – прямой, через приемную и мобильный – прослушиваются, Евсеев не сомневался.

Он набрал номер редакции «Земли Краснохолмской», указанный в выходных данных, попросил редактора. Света взяла трубку.

- Добрый день. Моя фамилия Евсеев, зовут Сергей Викторович. Мне бы очень хотелось с вами встретиться. Разговор носит конфиденциальный характер и касается заметки в сегодняшнем номере. Я бы хотел сделать некоторые пояснения. Через час в редакции? Хорошо, устраивает.

Сергей Викторович не знал, что телефон расположенного рядом с директорским кабинета тоже слушают. Просто так, на всякий случай.

Через сорок пять минут при выезде с боковой улочки, где располагался офис «Евсея», джип «Мицубиси паджеро», за рулем которого Сергей Викторович ездил исключительно сам, был расстрелян из сиреневой «Лады-десятки» с заляпанными грязью номерами. Стреляли из автомата Калашникова. Евсеев погиб на месте. Машина налетчиков скрылась.

Часть вторая

Глава 8

Света с нетерпением закончила рабочий день. Вычитала материалы, отдала корректору. Сделала наставления верстальщику, который одновременно исполнял должность ответственного секретаря «Земли Краснохолмской».

- Леша, я тебя умоляю, не ставь больше таких чудовищно больших заголовков на полосе! Лучше картинку увеличь, если текста не хватает. А текста хватает, - погрозила пальцем Света. – Я точно знаю, что хватает. Еще и с избытком. Если придется резать – сокращай все что угодно на последней полосе, можно делать сокращения на внутренних, а вот первую-третью не тронь, это святое.

Леша хотел было что-то возразить, открыл рот – и, подумав, закрыл. Поправил очки, махнул рукой. В это время вторая верстальщица Юля завершала:

- Светлана Юрьевна, у меня конец не встает! Что делать?

- Чей конец? Игоря? Где Игорь? Ушел уже? Тогда режь его к чертовой матери!

Леша корчился за компьютером.

- Светлана Юрьевна, кто бы послушал со стороны!..

Света и сама засмеялась – действительно, те еще разговорчики.

- Ладно, братцы, я сегодня пораньше решила уйти. Леша, на тебя надежда: чтобы все было нормально. Будут проблемы – мой мобильный ты знаешь. Всем пока!

Света вторую неделю пребывала в состоянии полета. Иными словами ее настроение не определишь. Не в том дело, что работа ладилась. Хотя втянулась она очень скоро, и двигали ею уже не просто спортивный интерес и политический азарт – появился интерес профессиональный. С удивлением Света стала обнаруживать в себе склонности к газетной работе. Комаров и Свистунов удивлялись не меньше, чем она сама. Они, конечно, предполагали, что из девушки выйдет толк – не предполагали, что это обнаружится так скоро. Месяца не прошло с момента начала выхода новой газеты, а в редакции уже чувствовалась властная рука. Света с самого начала четко обозначила границы: вот «Вечерка», а вот – «Земля Краснохолмская». Это ваше поле, это – наше. И хотя журналисты на оба издания работали одни и те же (только платили им по-разному, потому в «ЗК» они писали охотнее), границы эти не пересекались. А однажды Света объявила войну самому шефу. Посреди рабочего дня Сергей Юрьич зашел в кабинет, где сидели верстальщики, и стал по обыкновению подмигивать Леше с Юлей – мол, уже третий час, а ни в одном глазу.

- Сергей Юрьевич, у меня две полосы «ЗК» сверстаны из восьми, - взмолился Леша, - а нам ведь еще потом «Вечерку» верстать!

- И что? – удивился Юрьич. Похоже, граммов сто он уже принял. - Юлька, он над нами издевается!

Юля, однако, тоже отнеслась к приглашению шефа без энтузиазма.

В это время случившаяся здесь Света решительно подошла к редактору, взяла его под ручку.

- Сергей Юрьевич, нам срочно надо поговорить. Дело отлагательства не терпит...

Шеф покорился, не очень еще понимая, что происходит. Она так под ручку и завела его в редакторский кабинет, плотно закрыла дверь.

- Значит, так, Сергей, - они были на «ты», и лишь при сотрудниках и посторонних иногда называли друг друга по имени-отчеству. – Значит, так. Ты, наверное, крупно ошибся, когда позвал меня к себе на работу. Но если уж позвал и я согласилась, давай договоримся, пока не поздно. У тебя в газете свои традиции, а у меня в газете, - она сильно надавила на последние слова, - будут свои. Другие. На твои не похожие. Мои сотрудники, - она снова выделила слово «мои», - пить в рабочее время не будут. Если они у тебя настолько к этому делу привычны, что не в состоянии отказаться, давай мне других сотрудников. Или увольняй меня, пока не поздно.

Комаров удивился. Закурил «мальборо», несколько секунд помолчал.

- Понял. Увольнять тебя не собираюсь, остальное учту, - он улыбнулся обезоруживающе. – Все? Если не трудно, позови Свистунова.

Света вздохнула беспомощно.

- Ну да, ты же один не пьешь...

- Мы совещаться будем, - снова улыбнулся редактор. – У нас расследование идет полным ходом.

Она махнула рукой.

- Да ладно, инвестигейторы...

Минут пятнадцать спустя, налив за запертой дверью по рюмке – себе и Володе, - Комаров смачно опрокинул водку, закусил бутербродом.

- Похоже, ошиблись мы со Светкой, Владимир Николаевич, - заговорил он, жуя. – Змею на груди пригрели.

Володя не успел возразить.

- ...Но какую классную змею! Анаконду прямо. По виду и не скажешь, - с удовольствием закончил Юрьич.

Так Света прочно вписалась не просто в коллектив – в мировосприятие редактора Сергея Юрьевича Комарова. В тот не очень широкий круг людей, к которым он относился всерьез.

Все ладилось. Но то, что она вторую неделю пребывала в состоянии полета, никак с работой не связывалось. Света влюбилась. Втюрилась, как девчонка. По крайней мере, ей так казалось. И она была счастлива. У них еще – «ничего такого». Все протекало бурно, но целомудренно. И романтично!.. Говорить о начавшемся романе она никому не хотела, чтобы не спугнуть. А началось все так.

В конце сентября в Краснохолмск на гастроли приехал Заполярский театр драмы. Играли в помещении областного театра, который начинал свой сезон обычно не раньше конца октября, а то и в ноябре. Курьеры разносили по редакциям приглашения для журналистов. Редакторам – именные. Получила такое приглашение и Света. Впервые в жизни лично ее, Светлану Юрьевну Чапанову, приглашали посетить все спектакли хоть и периферийного, но очень хорошего театра. Света труппу знала, раньше бывала на спектаклях заполярских артистов, помнила кое-что из их репертуара. Приглашение приняла с удовольствием.

В билете указывалось место в ложе. На открытии гастролей ее соседом оказался молодой мужчина в строгом костюме и галстук, на вид лет около тридцати или чуть меньше. У него было холеное, но приятное лицо, впечатление немного портила чересчур короткая стрижка, делавшая голову круглой, а внушительную шею – бычьей. Если бы не манеры и не атмосфера театрального зала, молодого человека можно было принять за охранника или «братка».

Манеры, однако, он демонстрировал отменные. Едва Света вошла в ложу, молодой человек подскочил, отодвинул кресло.

- Прощу вас, - и обаятельно улыбнулся. – Так удобно или хотите поменяться?

Внутри у девушки что-то екнуло. Со времени гибели Аслана к ней никто не проявлял нормального мужского внимания. И на новой работе в газете этого внимания не доставало. Журналисты не склонны смотреть друг на друга как на представителей полов. «Журналист пола не имеет! Ты – не женщина, ты – газетчик! Тем более редактор – ну, какая ты женщина?» Теперь Света почувствовала себя несколько стесненной: она недостаточно нарядно оделась для театра, пришла прямо с работы. А ведь было, что надеть.

Тем не менее, просмотр обещал быть волнующе-приятным.

Когда отзвенел третий звонок, зрители утомонились, зазвучали фанфары. Гостей-гастролеров приветствовали спикер областного парламента Борода, исполняющий обязанности губернатора Шакалин, глава Краснохолмска Полозков. Ответное слово сказали чиновники Заполярска и главный режиссер Жуков. Все это выглядело утомительно-привычно. Наконец, все слова были сказаны, цветы вручены. Начался спектакль... После первых же нескольких картин Света почувствовала разочарование. Постановка оказалась слабой, пьеса неинтересной, хотя и вышла из-под пера классика отечественной драматургии. Сосед по ложе внимательно наблюдал за ее реакцией, она это чувствовала и немного терялась. Вдруг сосед наклонился и прошептал на ухо:

- Мне тоже не нравится! Но придется терпеть хотя бы до антракта, уходить нельзя – мы на виду, - он снова обаятельно улыбнулся. Сердце забилося, и вместе с тем стало удивительно легко.

В антракте сосед пригласил ее в буфет – буфеты в областной драме были хороши, чего не скажешь о спектаклях. Молодой человек галантно усадил ее за столик, принес мартини, мороженое. Себе взял сто граммов коньяку.

- Исключительно театральный напиток! – улыбнулся он. – Как говорит один мой знакомый, не бывает плохих спектаклей, бывает мало коньяку в буфете.

Света мимолетно отметила: где-то она уже слышала эту фразу. Собеседник не дал ей вспомнить.

- Предлагаю тост за наше случайное знакомство, хотя и звучит это пошло. Все, однако, зависит от контекста, согласны?

Света была согласна. Она подняла бокал мартини, глянула на молодого человека – и чуть не уронила напиток. В его светлых, какого-то неопределенного цвета глазах она увидела себя всю, как в зеркале: неказистую, как ей казалось, в простом одеянии, главное – с выражением наивного ожидания на лице. «Что такое? Что происходит со мной?!»

Но все уже произошло.

Второе действие оказалось таким же скучным, однако какое это теперь имело значение? После спектакля ее новый знакомый, все еще безымянный, извинился, что не может проводить ее сегодня (он едва заметно выделил слово «сегодня»), выразил уверенность, что они непременно встретятся еще не раз, поклонился, поцеловал руку – и испарился. Света сомлела окончательно.

Она никому не рассказала о новом знакомстве, даже единственной подруге своей, Вере. Боялась взглянуть. А на следующий спектакль пришла в своем лучшем вечернем платье, надела украшения, которые ей когда-то дарил Аслан. У Аслана был хороший вкус. Украшения не сверкали вызывающе, хотя и стоили

немало, в них были сдержанное благородство и истинная красота. Света вошла в ложу с бьющимся сердцем. Соседа не было. До самого начала спектакля она с плохо скрываемым беспокойством оглядывала каждого, кто входил в зал – необязательно ведь он должен появиться именно здесь, в этой ложе, – несколько раз выходила, прохаживалась по фойе. Его не было. Прозвенел третий звонок, погасили свет. Начался спектакль. Она его почти не смотрела. Настроение было испорчено. «Вырядилась, как дура!» – с раздражением подумала она. В это время тихонько открылась дверь в ложу и сразу закрылась. Он сел в соседнее кресло, отыскал ее руку, чуть заметно пожал. Наклонившись, прошептал:

- Простите за опоздание! Очень рад вас видеть снова...

Потом они опять сидели в театральном буфете, делились впечатлениями от спектакля. После окончания он проводил ее домой. Как и в прошлый раз, поцеловал руку. Договорились увидеться на очередном представлении. Так продолжалось все время, пока театр гостил в Краснохолмске. Познакомились они только на третий вечер. Молодого человека звали Сергеем, он оказался каким-то бизнесменом. Света не очень внимательно слушала, что за бизнес у Сергея, да ей это было и неважно. Пару раз, когда подходили к общежитию, ее встречали неодобрительными взглядами бывшие «пастухи» – друзья Аслана. Но ничего не говорили: Магомед, как обещал, все уладил, со всеми провел беседу и убедил.

Однако гастроли подходили к концу, а Сергей до сих пор ничего другого ей не предлагал, кроме «театральных встреч». Ее начинало это беспокоить. Неужто с окончанием гастролей северян и их едва начавшийся «спектакль» прервется?

В последний вечер, когда вставшие с мест зрители старательно отбивали ладони, провожая лучшую постановку театра (действительно лучшую, Свете последний гастрольный спектакль очень понравился) и расставаясь с артистами на неизвестное время, Сергей взял ее под руку, сказал:

- Нам нужно поговорить, Светлана.

Они вышли, не дожидаясь окончания оваций.

- Гастроли кончились, театр уедет, но мы-то с вами останемся, – весело сказал Сергей, когда вышли на улицу и тихонько двинулись в сторону ее общежития. – Как жить будем дальше?

- А как вы предлагаете? – сердце Светы билось где-то под горлом.

- Я предлагаю – вместе!

Она смутилась.

- Так сразу?

- Ну, не сразу, – смеясь, успокоил он ее. – Я пошутил, конечно... Но только отчасти! – он поднял палец. – Во всяком случае, я предлагаю не расставаться. Мне, признаюсь, теперь сильно будет вас не хватать. Согласны не расставаться?

- Согласна, – выдохнула Света.

- Раз согласны, давайте для начала перейдем на «ты». Так оно будет естественнее. Дальше я предлагаю такой план. Завтра я улетаю в командировку – не надолго, на несколько дней. Прилечу – сразу звоню, и встречаемся. Хорошо?

Она была согласна на все. И на этот раз, прощаясь у двери общежития, он поцеловал ее в губы. Крепко, нежно. Она не сопротивлялась.

Сегодня утром Сергей позвонил. Вернулся из командировки. Вечером договорились встретиться в ресторане «Старая крепость» – одном из дорогих и престижных в городе. Там была и правда хорошая кухня, но престижным его сделал главным образом тот факт, что однажды во время визита в Краснохолмск

ресторан почтил вниманием сам российский гарант. С той поры здесь вечерами бывалолюдно, несмотря на высокие цены. Собиралась самая разная публика, в основном деловая и чиновная элита Краснохолмска. Бывали и «братки», но вообще-то «Старая крепость» не стал их постоянным местом. Хозяева пользовались покровительством власти, их охраняла милиция.

Света могла уйти с работы еще раньше, на ответсекретаря она полагалась целиком. Леша не подведет. Но едва только она подумала о преждевременном бегстве, чтобы привести себя в надлежащий вид перед рестораном, в ее кабинете раздался звонок. Секретарь Сергея Юрьевича Лариса соединила ее с собеседником на том конце провода. Звонил Евсеев, известный в Краснохолмске предприниматель. Голос звучал в трубке с заметным напряжением, его обладатель был явно взволнован.

- Мне бы очень хотелось с вами встретиться. Разговор носит конфиденциальный характер и касается заметки в сегодняшнем номере. Я бы хотел сделать некоторые пояснения...

Договорились встретиться в редакции через час. Но почему-то Евсеев не приехал. Света подождала для порядка еще минут двадцать. Потом пожала плечами: необязательность – грех, как говорит Вера Свистунова. Особенно непростительный деловому человеку. С чистой совестью она заперла кабинет, сдала Ларисе ключ, сделала последние наставления подопечным и покинула стены редакции.

Нетерпение было велико, встреча – скорой, хотелось ее еще приблизить. Хотелось двигаться быстро. Она не стала дожидаться автобуса, поймала такси. По радио передавали последние новости. Света по привычке, становящейся профессиональной, прислушалась – и вдруг, не спрашивая водителя, крутанула ручку настройки громкости. Водитель удивленно и неодобрительно на нее покосился.

- Простите, - спохватилась она, - но это, кажется, очень важно...

«Сергей Викторович Евсеев, владелец и директор известной в городе фирмы «Евсей», был расстрелян в собственной машине примерно около часа назад, - говорил диктор. – Смерть наступила сразу. Причина покушения неизвестна. Сейчас на месте работают сотрудники ОблУВД, прокуратуры, там находится наш корреспондент. О всех новостях, связанных с убийством Евсеева, мы будем сообщать дополнительно...»

Она схватила водителя за руку – вовремя опомнилась.

- Простите еще раз, но мне нужно срочно вернуться обратно! Я вас очень прошу, как можно быстрее!

Не слушая возмущенного ворчания таксиста, она тут же набрала номер мобильного телефона Комарова.

- Юрьич, слышал? Евсеев убит. Понял или по буквам повторить? Понимаешь, что это может значить? Еду в редакцию!

Только расплатившись с таксистом и взлетая по ступенькам подъезда редакции, она вспомнила: Сергей! Она не предупредила, что может задержаться. Или вовсе не прийти. Он деловой человек, должен понимать: работа есть работа. Она рассказывала ему о роде своих занятий. Но предупредить надо.

Света набрала номер Сергея, тот долго не отзывался, наконец взял трубку.

- Слушаю, Света, - голос звучал сдержанно.

- Ты извини, Сережа, у меня внезапная запарка. На вашем языке это называется форс-мажор, кажется.

Ей показалось, собеседник не то чтобы обрадовался, но в голосе его зазвучало видимое облегчение.

- Светик, не поверишь, тот же случай. Давай перенесем, лады? Я позвоню непременно! Целую тебя.

Поднявшись в лифте на одиннадцатый этаж, Света вошла в кабинет редактора. Работал телевизор, показывали репортаж с места события. Собственно, показывать было нечего: необходимые замеры на месте оперативники сделали, расстрелянный джип увезли, и теперь милиционеры, не успевшие удрать, неохотно давали пояснения прессе. За столом сидели Юрьич и Володя. Она вкратце рассказала им о дневном звонке Евсеева. Свистунов и редактор переглянулись. Комаров укоризненно взглянул на нее.

- Надо было сразу поставить в известность меня или Володю.

- Откуда же я знала? – недоуменно спросила Света. – А в чем дело? Вы знаете, за что его убили?

Комаров вышел в приемную, попросил Ларису сделать кофе и чай. А потом они с Володей рассказали ей все, чего она не знала.

Но и втроем они знали, как скоро выяснилось, далеко не все.

Глава 9

Свистунов старательно разгонял табачный дым, недовольно ворчал на редакторов, дымивших, как два паровоза.

- Да ты лучше сам закури, - посоветовал ему Юрьич. – Дешевле обойдется.

Володя и правда взял сигарету. В это время позвонила Вера. Комаров поднял трубку, послушал, сказал:

- Сейчас, - и передал ее Володе.

Вера в трубку рыдала.

...Когда Вера узнала о смерти Лены Поздняковой – а случилось это только через три дня после того, как Лену нашли у гаражей, - с ней была истерика. Узнала-то как: позвонила из представительства «КоКура» Ольга Васильевна, заместитель главного бухгалтера, спросила:

- Вера Григорьевна, вы когда к нам теперь сможете приехать? Хорошо бы поскорее...

- Что случилось? – Вера удивилась, потому что обычно держала связь напрямую с главным бухгалтером – Леной.

- Как, вы разве не знаете? – в свою очередь удивилась Ольга Васильевна.

Вера вдруг почувствовала, как вся кожа на ее теле стала гусиной.

- Что я должна знать?

- Елену Сергеевну... она умерла... ее убили...

Вера не глядя села на стул – она в это время находилась у другого клиента, - медленно опустила трубку мобильного телефона. Вот, значит, как... Первый шок, однако, прошел быстро. Ольга Васильевна не отключалась, терпеливо ждала. Вера снова поднесла трубку к уху.

- Как это вышло, Ольга Васильевна? Впрочем, вы мне потом расскажете. Как я понимаю, вас теперь надо вводить в курс дела? Я приеду... как только смогу.

Наскоро свернув все дела, Вера позвонила Володе, рассказала, что и как, попросила быть дома пораньше. Сама направилась домой. В машине слезы застилали глаза. Душили жалость и чувство вины. Лена была хорошим человеком.

Она напрямую связала их домашний разговор с убийством Лены. Да и как не связать! Выходило, что квартиру Свистуновых слушают не только по телефону. До приезда мужа Вера как-то еще держалась. Свистунов приехал пораньше, тут-то ее и проняло по-настоящему. Вера плакала, Володя подносил ей валерьянку, воду, она пила – и все равно не могла успокоиться.

- Это мы, это мы виноваты, - заикаясь, твердила она. – Это все я, дура бессердечная! Вы играете в шпионов – и я туда же! Люди же за всем этим, которые ни при чем, они просто работают – и ничего не знают, а мы их... используем!

Володя гладил жену по руке, успокаивал, как мог. Налил рюмку коньяку. В конце концов, когда истерика прекратилась, предложил ей порассуждать здраво. Причина убийства Лены могла крыться в их разговоре лишь в том случае, если в квартире действительно установлены «жучки». Если выяснится, что «жучков» нет, тогда непонятно, кто и откуда мог узнать содержание разговора. Да и сказано-то было всего ничего – ну, поделилась бухгалтер с друзьями информацией о том, что перечисляет деньги со счета предприятия на неизвестные цели, допустим, раскрыла служебную тайну. Крайнее, чем это ей могло грозить, - увольнение. Даже если учесть, что директор «КоКура» Николай Иванович Кусков и основной владелец Николай Сергеевич Куреев – отморозки, все равно идти на «мокруху» по такому поводу по меньшей мере глупо. Уволить, хорошенько напугав перед этим, мол, если что – достанем, - и проблема решена.

На Веру эти аргументы, однако, действовали слабо.

- Но ведь убили же ее за что-то? - уже почти успокоившись, продолжала она твердить. – И когда – как раз после нашего разговора! Согласись, совпадение само по себе должно насторожить. Не каждый день в Краснохолмске главных бухгалтеров убивают...

- Да каждый! Каждый! Тебе статистику, сводку милицейскую привезти? – Володя злился, хотя в глубине души понимал: в его аргументах правоты немногим больше, чем в Вериних сомнениях. Действительно, не раньше, не позже убили.

На следующий день он лично опросил соседей по площадке, не случалось ли им видеть посторонних людей, которые в отсутствие квартиросъемщиков заходили в квартиру Свистуновых. В двух квартирах соседи большей частью находились постоянно дома, в одной из них жила пенсионерка, во второй – пьяница-холостяк. Хозяева третьей квартиры работали, но в смену, потому часто бывали дома днем. Все в голос твердили: не видели. Володе показалось – не ввали. В тот же день он позвонил из редакции Виталию Сергеевичу Фролову, предложил встретиться и попросил специалиста по «жучкам». Вечером к Свистуновым пришел немолодой хмурый мужик с портфельчиком, молча вынул какую-то хитрую аппаратуру, поколдовал, обшарил обе комнаты, кухню, проверил мебель, ковры, зашел даже в совмещенный санузел, заглянул со своей аппаратурой за батареи отопления – покачал головой: нет. Потом еще поколдовал, подключил что-то к телефонному аппарату, снял трубку, набрал номер, сказал несколько коротких слов, отключился. Повернулся к Володе.

- В квартире «жучков» нет, за это ручаюсь. А телефон прослушивается.

- Тоже ручаетесь? – с усмешкой спросил Володя. Мужик ему не понравился.

Тот не удостоил его ответа. Собрал аппаратуру, попрощался, ушел. Володя на мобильном набрал Фролова.

- Виталий Сергеевич, он действительно хороший специалист?

- Лучше я не видел. Хотя знаю многих.

Что ж, и на том спасибо. Свистунов еще раз, теперь уже совершенно искренне, попытался внушить Вере мысль, что раз прослушек в квартире нет – значит, не стоит связывать смерть Лены с их разговором.

- Есть ведь еще направленные микрофоны, всякая другая ерунда. По губам еще можно читать...

Жена упорно стояла на своем, и Володя махнул рукой. После некоторого раздумья сказал:

- Может, тебе это покажется непоследовательным с моей стороны... Я советовал бы тебе избавиться теперь от этого клиента.

- От какого? – не поняла Вера.

- Ну, от «КоКура». На кой они тебе теперь, когда Лены нет?

Вера поставила чашку с кофе, внимательно посмотрела на него.

Усмехнулась.

- Интересный ты, Вовка... То упорно не хочешь связывать ее убийство с тем, что мы здесь с ней обсуждали, с деятельностью «Евсея». То теперь вдруг предлагаешь отказаться от крупного клиента, с которым я давно работаю. Как понять?

- Это же не просто клиент.

- И что? Если ты уверен, что они в случае с Леной ни при чем, какая разница? Ну, нехорошие они люди, козлы они – так мало ли у меня среди клиентов таких же... козлов?! Бизнес есть бизнес, приходится на многое глаза закрывать. Я что хочу понять: ты мне почему предлагаешь их бросить? Потому что они тебе не нравятся или потому, что боишься за меня? Только честно!

- Боюсь, - вздохнув, признался Володя.

- Значит, допускаешь все-таки, что Лена не просто так погибла!

- Ну, допускаю. Тем более прошу: откажись от них.

Вера под села к нему, поцеловала.

- Давай рассуждать здраво. Ты меня почти убедил: напрямую убийство Лены связывать с нашим разговором было бы глупо. Мы ведь с тобой тоже владеем информацией – значит, и нас следовало убрать. Раз этого не сделали – значит, что-то здесь не так. Но и совсем никакой связи – так тоже быть не может. Пока они у меня в клиентах, пока я имею доступ к их бухгалтерским документам, я могу что-то узнать. И оказаться полезной вам в вашем расследовании. Я же понимаю, что вы с Юрьичем не пропустили мимо ушей информацию о «Евсее Плюс», что-нибудь затеяли. Так?

- Так, - вяло согласился Володя.

- Ну, вот видишь. Убедительно?

- Убедительно, - снова вздохнул он. – Только не хочется мне, чтобы и ты оказалась во все это втянута. Я хорошо помню остроту собственных ощущений, когда на меня Мичурин со своей бандой охотился. Очень, знаешь, неприятные ощущения! Слишком острые.

Вера его в конце концов убедила. Табачная фабрика «КоКура» осталась ее клиентом. И вот – новый удар, связанный с убийством Сергея Викторовича Евсеева.

- Это снова из-за меня, это я тебе все рассказала! – глотая слезы, кричала в трубку Вера.

Свистунов минуту послушал рыдающую трубку, потом мягко сказал:

- Ну, перестань. Что следует из того, что ты рассказала мне? Почему непременно это явилось причиной расстрела Евсеева? Связь есть, но она...

немного не такая, как ты себе представляешь. Давай, я тебе потом расскажу, ладно? Мы знаем уже кое-что. Только не по телефону. Ты пока успокойся, посиди дома, а я приеду – и расскажу.

Володя положил трубку, взглянул на Юрьича. Тот протянул зажигалку:

- Хватит сигарету мять.

Свистунов закурил.

- Что делать-то будем, шеф? Что-то мне все это напоминает. Тебе нет?

В это время снова зазвонил телефон. Володя вздрогнул.

- Блин, на хрена ты секретаршу держишь, если она никогда трубку не берет?

- Не ори. Лариса ушла уже. У нее рабочий день нормированный, - Комаров взял трубку.

Звонил Магомед. Юрьич обрадовался ему. Они давно не виделись, Магомед был в отпуске, ездил куда-то за границу отдыхать. Они все тогда, после неудачного задержания майора Мичурина, кинулись отдыхать – кто сразу, кто позже, кто за границу, кто поближе. Магомед уехал позже, после новоселья Свистуновых, отдыхал дольше всех, вернулся неделю назад, увидеться еще не успели.

- Слушай, Сергей, - голос Магомеда в трубке звучал озабоченно, - ты уже слышал про Евсеева?

- И не только я. Вот – сидим, обсуждаем...

- У меня информация кое-какая есть. Давай и я подъеду – может, полезно будет.

Минут через двадцать Магомед появился – с бутылкой водки и закуской. Володя и Юрьич переглянулись.

- Я же тебе сказал, мне все это что-то напоминает! – захохотал Свистунов. – Помнишь, как мы тут штаб-квартиру устраивали?

Когда Свистунов и Юрьич расследовали убийство директора «золотого» завода Королева, а на Володю в это время охотился майор Мичурин, в кабинете редактора «Вечерки» атмосфера была точно такой. Постоянно проводились совещания, только круг был уже. Собирались втроем – редактор, журналист и Магомед. Зато водка состояла таким же непременным участником этих совещаний, как бандитская манстера рядом с редакторским столом.

С Магомедом обнялись, похлопали друг друга по плечам, ответили друг другу на дежурные вопросы. Сели, разлили. Выпили.

- Ну, рассказывай, - произнесли Магомед и Комаров одновременно – и рассмеялись.

Решили так: сначала расскажет Магомед, с чем пришел.

- Хорошо, сказал Магомед. – Только вы потерпите. Чтобы понятно было, я издалека...

Глава 10

У Магомеда Надуева бизнес в Краснохолмске был сравнительно невеликий. Несколько торговых павильонов, одно небольшое производственное предприятие, выпускавшее пользующуюся большим спросом одноразовую посуду, и на Центральном рынке – кафе с китайской кухней. С этим кафе получилась смешная история. Раньше, когда он с помощью земляков только осваивался в Краснохолмске, Магомед контролировал часть Центрального рынка, в которую входили «наваристые» в смысле денег мясные ряды. Ему это

сильно не нравилось. Интеллигентный – бывший преподаватель, как-никак, - внутренне честный и совестливый, Магомед не мог смириться, что люди – торговцы, крестьяне – платят ему дань просто так, ни за что. Сам он, конечно, не занимался сбором денег, не ходил по рядам, для этого существовали другие. Но деньги в конечном счете оседали большей частью в его кармане. Его такая работа тяготила. Он подумывал, как бы найти что другое, но неудобно было перед земляками, пристроившими бывшего преподавателя русского языка и литературы Ростовского университета на такую «халяву». Они бы его не поняли. Магомед ходил унылый, уныло принимал дань – и стыдился. Выручил случай.

Кафе на Центральном рынке – точнее, рядом с ним – называлось «Ночной Баку». Им владел азербайджанец Ильхам. Он иногда заходил к Магомеду в подсобку, где тот вел учет и принимал деньги, садился рядом на стул, сокрушался:

- Вот, хороший у тебя бизнес, Мага: ничего не делаешь, а деньги получаешь исправно. У меня – сегодня густо, завтра пусто. Устал я. Повара дерьмовые, кухня из-за них плохая, никак хороших найти не могу. Пока не найду – буду прогорать. Что делать? – разводил руками Ильхам.

Так повторялось примерно раз в неделю. Наконец однажды Магомед не выдержал.

- Ну что ты ноешь? – задвигал он хищно усами. – Найди хороших поваров! Найди специалиста по составлению меню, по маркетингу, дай рекламу на телевидение – и пойдут дела!

- Хорошие повара, специалисты денег требуют – где взять, если дела не идут? – сокрушенно покачал головой Ильхам.

- Кредит возьми! Если правильно вложишься – окупится с лихвой.

- Боюсь, - виновато сказал Ильхам. – Мне бы вот такой бизнес, как у тебя.

- Да какой это бизнес! – в сердцах отшвырнул от себя толстую амбарную книгу Магомед. – Паразитство это, а не бизнес! Как клоп, сосу других. И деньги-то эти использовать не хочется, противно.

Наступила пауза.

- Давай меняться, - вкрадчиво сказал вдруг азербайджанец. Глаза его при этом заблестели. – Давай меняться, а? Я тебе свое кафе, ты мне – свою часть рынка.

Магомед задумался. Что, если правда поменяться? Ильхам – парень, похоже, нормальный, не злой, в меру завистливый, но работать не умеет. Умеет только деньги собирать. Сюда же, если Магомед уйдет – а он рано или поздно уйдет – все равно кого-то поставят.

На следующий день он поговорил со своими земляками, контролирующими рынок. Те сначала возражали, но Магомед их убедил. Ильхама они знали, никаких трений с ним никогда не было. Неохотно, но согласились на обмен. Ильхам, когда Магомед сказал ему о результате переговоров, едва не прослезился. Формальную сторону уладили быстро – собственность на кафе надо было оформить документально. Сделка вышла бумажная: с самого начала договорились, что никто никому ничего не платит. Единственное, о чем попросил Магомед преемника, - быть с людьми, торгующими на рынке, человеком. Ильхам согласно кивал. И после не подвел.

Магомед, когда получил в собственность кафе, стал разбираться в финансовой стороне – и понял, почему Ильхам так запросто отдал ему заведение. «Ночной Баку» был увешан долгами, как дешевая проститутка

побрякушками. Не долго думая, используя связи, новый владелец сумел взять недорогой кредит в банке, нанял хорошего бухгалтера, чтобы разобрался в ситуации. На неделю объявил в кафе учет, старый персонал разогнал, хотел дать объявление о конкурсе по набору нового – бухгалтер предложил подождать.

- Магомед Султангариевич, кто нас гонит? Давайте сначала разберемся в наших возможностях...

Возможности оказались более чем скромными. Полученный кредит едва покрывал долги, на минимальное развитие его не хватало. И тогда тот же бухгалтер, оказавшийся с хорошей менеджерской хваткой, предложил часть кафе отдать в долгосрочную аренду китайцам. Магомед сначала сильно удивился. При чем здесь китайцы? Тогда бухгалтер рассказал историю из жизни одного знакомого.

Знакомый – талантливый программист, чистокровный еврей – попал по контракту не куда-нибудь – в Париж. Во второй же вечер разыскал еврейский ресторан, заказал фаршированную рыбу. Ему принесли. Он попробовал – отодвинул:

- Это – не фаршированная рыба.

- Что же, по-вашему? – насмешливо спросил официант-еврей.

- Дерьмо, - кратко ответил тот.

Официант намеревался попросить наглого посетителя вон – тот опередил:

- Если нетрудно, попроси шеф-повара. И живее!

Растерянный официант позвал шефа, тот вышел, вальяжный и неприступный. Женя – так звали «русского еврея» - предложил сделку: он готовит на кухне ресторана фаршированную рыбу по своему рецепту, если шеф признает это вкусным – они кормят его бесплатными ужинами во время всей командировки. Нет – он возмещает все расходы за использованные продукты в тройном размере. Шеф, не осмелившись самостоятельно принять решение, попросил спуститься владельца ресторана. Тот, заинтригованный, согласился.

Когда Женя готовил, на кухне собрался весь свободный персонал ресторана. Он потребовал себе все, что положено, и между делом попросил принести... свиного сала! Шеф-повар и хозяин едва не упали в обморок.

- Сало?! – шеф закрыл глаза и покачал головой. – Вы намерены использовать свиное сало в фаршированной рыбе?! Хозяин, я предлагаю гнать этого поца, пока он не опозорил наш ресторан.

- Вам нужна кошерная рыба или вкусная? – невозмутимо поинтересовался у него Женя, продолжая аккуратно снимать шкуру со щуки.

Хозяин, первая реакция которого была такой же, как у шеф-повара, секунду подумав, приказал:

- Несите сало!

Женя сделал рыбу, хозяин попробовал... До конца командировки Женя ужинал в Париже бесплатно. Никто из евреев – завсегдатаев ресторана – не догадался о том, что фаршированная рыба слегка утратила свою кошерность. Напротив, все хвалили традиционное, на самом же деле новое, блюдо. Ресторан прибавил посетителей.

- Вот я и спрашиваю, - говорил Магомеду бухгалтер, - вам нужна кошерная рыба или вкусная? – Он, как и герой его рассказа, тоже был еврей и не умел заходить ближе, говорить короче.

- Ты гарантируешь, что отдать кафе китайцам – значит выиграть?

- Я гарантирую вам, что через пару лет китайские рестораны и кафе будут пользоваться в Краснохолмске спросом, который сегодня не снится никому. А у нас есть шанс стать первыми.

Китайцев в Краснохолмске прибавлялось с каждым годом. Бухгалтер, как скоро выяснилось, был прав. Магомед решил рискнуть. И не прогадал. Половину кафе отдали в аренду китайцам, половину пока оставили за собой, пригласив туда новых поваров и официантов. Китайская половина скоро начала приносить прибыль, уже через пару месяцев они рассчитались со всеми долгами, вышли на «плюс», и вторую половину сдали тем же китайцам. Название сменили на нейтральное: «Ночное», хотя кафе работало и днем. Бухгалтеру Магомед повысил зарплату втрое и назначил его финансовым директором. Кафе стало приносить устойчивый доход, кредит вернули вовремя, появилась своя прибыль, свободные деньги Магомед вложил в павильоны и производство разовой посуды. Теперь намеревался прикупить небольшое пригородное хозяйство и поставить переработку – делать салаты, мясо-молочные продукты.

Всего этого Свистунов и Комаров раньше не знали, Магомед им никогда о своем бизнесе не рассказывал. Не знала и Света. Слушали с любопытством.

- Ну, и какое это все имеет отношение к убийству Евсеева? – Володя все же проявил некоторое нетерпение.

- Вот теперь главное, - Магомед налил еще по рюмке, выпили. – Возвращаюсь из отпуска – бухгалтер мой прячет глаза, трясется весь. «Магомед Султангариевич, надо срочно поговорить!» Поговорили. Оказывается, в мое отсутствие, когда он оставался за главного, приезжал к нему какой-то тип респектабельной наружности, но с короткой стрижкой и шеей, как у быка, и открытым текстом сказал: вот тебе счет, на который надо перечислять такую-то часть прибыли от работы всех предприятий, что у вас есть. Не станете перечислять – мы знаем, где живешь ты, твои дети, знаем твою жену. Они могут оступиться, могут под машину попасть... Все это говорил, поигрывая пистолетиком. Словом, пришлось делиться частью прибыли. Спрашиваю – почему мне не позвонил? Он резонно отвечает: а чем вы мне из Греции могли помочь? «К тому же этот тип так просил вам не звонить, так просил...» К милиции, естественно, обращаться тоже побоялся. Да и бессмысленно. Взмолился: «Только вы не прекращайте платежи! Моя семья...» А потом уже сказал, что деньги, оказывается, мы перечисляем на счет фирмы «Евсей Плюс», причем по совершенно дурацким основаниям. Я сначала вскипел – ну, думаю, Евсеев, я тебе устрою!.. Потом понял: не то. Не может Серега Евсеев сам такое придумать. Порасспрашивал у земляков, у других деловых – многие платят, оказывается. Никто не знает, за что и куда – ну, не «Евсею» же, ясно. Но ко всем приходили, всем угрожали. А сегодня вот узнал: убили Евсеева. Думаю – может, вы чего знаете? А нет – узнаем вместе.

Все четверо некоторое время молчали. Комаров и Света курили, уставившись в стол. Володя бессмысленно водил по столу авторучкой. Магомед по очереди смотрел на них, потом усы его хищно задвигались.

- Вы чего? – сердито хлопнул он рукой по столу. – Вы знаете что-то, да не говорите? Говорите!

- Тут такая фигня, Мага, - медленно произнес Володя. – Такая фигня...

Они рассказали Магомеду все, что знали. И снова над столом редактора «Вечерки» повисла тишина. Потом Юрьич вдруг поднял голову, улыбнулся. Налил по рюмке всем, хотя Света отказывалась.

- Ну что, братаны, снова начинаются наши приключения. Ну, никак мы не можем остаться в стороне от такой сенсационной темы. Если деньги идут на счет Хлопка – а мне кажется, это так, - у нас еще есть время уделить его до начала официальной избирательной кампании. Нужно-то немного: узнать, кто прессует наших предпринимателей, какая роль во всем Куреева и Кускова, куда отправлял собранные деньги Евсеев... И вообще, кто за всем стоит?

- Ну, ты, Серега, сказанешь, - хохотнул Володя. – Неужто неясно, кто за всем стоит?

- Ясно. Но нужны детали, подтверждения, свидетельства. Документы нужны. Важно, что нам принесет на днях Виталий Сергеевич. А пока – давайте выпьем за начало нового расследования.

Когда выпили, посерьезневший Юрьич сказал:

- Только я вот что предлагаю. Первое. Понятно, нам придется постоянно обмениваться информацией, звонить друг другу. Необходимо каждому обзавестись на случай телефонной прослушки парой, а то и тройкой дополнительных сим-карт, чтобы их можно было периодически менять. И ни в коем случае, - он поднял палец, - ни в коем случае не пользоваться стационарными телефонами редакции или домашними! Разве что из автомата звонить, если других вариантов нет.

- А второе? – поинтересовался Свистунов. Он уже весь был охвачен нетерпением.

- Второе. Нам придется регулярно встречаться, чтобы обсудить информацию, проанализировать. Это нельзя делать здесь, в моем кабинете. Вы помните, каким неожиданным сюрпризом оказались для нас телефонные «жучки» ФСБ? Мало ли что, «жучки» бывают не только телефонные...

-...И не только ФСБ, - вставил Магомед.

- Точно. Внимание врагов нам не нужно.

- Да и друзей – не всегда, - усмехнулся Свистунов.

- Это так, - задумчиво глянул на него Комаров. – Но я все же предлагаю поставить в известность о наших намерениях Виталия Сергеевича Фролова.

- Да мы уж поставили его в известность, - недоуменно сказал Володя. – Стоит ли подробно посвящать в планы? Не станет мешать?

- Думаю, теперь не станет, - улыбнулся Юрьич. – Зато какое-никакое – прикрытие.

- Вот именно – какое-никакое, - припомнил старое Магомед. Он тоже участвовал в задержании Мичурина, которое сорвалось по вине сотрудников ФСБ. Если бы не Магомед тогда, лежать бы сейчас журналисту Свистунову на кладбище.

- Да ладно, - махнул рукой Комаров. – Он уж тыщу раз покаялся. Ну как, решено?

- Стой, погоди, - Свистунов вдруг заволновался. – А Вера как же?

- Что – Вера? – не понял редактор.

- Ее тоже необходимо привлечь к делу, - решительно сказал Володя. – Хотя бы потому уже, что она категорически отказалась прерывать отношения с фирмой Куреева. Ради нашего общего интереса.

- Согласен, - кивнул Комаров.

- А где встречаться-то будем? – спросила молчавшая до сих пор Света.

- Да есть у меня одна квартирка, о которой никто, кроме меня, не знает, - загадочно улыбнулся Юрьич. – Там даже телефона нет.

- Ну, ты ходок, - покачал головой Магомед.

- И что? – искренне удивился Юрьич.

Глава 11

Красивый город Дюссельдорф!

Не только по русским меркам. Даже среди прочих германских городов, без исключения ухоженных, уютных и зеленых, он отличается особенной ухоженностью, особенным уютом. И зелень здесь, кажется, особенно сочная и густая. Недаром, по общему признанию, он считается одним из самых элегантных городов Европы. В крайнем случае – Германии. Хотя жители уверены: не Германии, не Европы – самый элегантный город мира их Дюссельдорф! С какой непринужденностью, как легко и небрежно (хотя что такое немецкая небрежность?) тратят деньги состоятельные горожане и приезжие, неспеша прохаживающиеся по тенистой Королевской аллее! Как скоро проникаются этой легкостью, перенимают непринужденность манер и начинают походить на дюссельдорфцев иностранные туристы! Но нет, все равно местных жителей легко отличить от приезжих, тем более от иностранцев. Какое-то особенное радушие в их лицах, особое достоинство, замешанное одновременно на осознании себя как представителя культурной метрополии и, значит, человека не последнего на этой земле, и на провинциальном рейнском гостеприимстве. Космополитический шарм – и рейнская жизнерадостность.

Красивый город. Столица земли Северный Рейн-Вестфалия – но нет! Столица европейской моды, германской культуры, столица многочисленных промышленных и торговых ярмарок и выставок. И все же в первую очередь культурная столица: на 600 тысяч жителей – 18 музеев, множество театров, в том числе знаменитые Немецкая опера и театр Шаушпильхаус. И, конечно, «самая длинная барная стойка мира», как называют издавна Старый город. Еще бы – около трех сотен пивных и пивнушек, ресторанов и ирландских пабов! Каких только сортов пива здесь нет, от самых новых до знаменитого и ценимого знатоками «Альтбир». А еще Дюссельдорф – столица «немецких японцев». Здесь их много, их дети ходят в самую большую школу, они празднуют здесь свои праздники и рады бывают, когда на эти праздники приходят немцы и иностранные туристы.

А Наполеон в свое время признал в германском городе родственника Парижа.

Красивый город Дюссельдорф. Имена Мендельсона, Шумана, Брамса, Генриха Гейне (его именем названа одна из аллей в Старом городе) благородным шепотом вплетаются в каштановый шум Кенигсаллее или, по-простому, Ке. И Рейн, главная река Германии, здесь благороден и красив. Где еще жить, как не здесь, если жить в Германии?

Впрочем, не безудержная тяга к культуре, не волшебство знаменитых имен, не коммерческий интерес и даже не любовь к пиву занесли сюда Василия Николаевича Лернера, еще недавно российского гражданина. Хотя пиво он любил. Предпочитал темное. Поэтому «Альтбир», которое варят почти исключительно в Дюссельдорфе, постоянно занимало место в его холодильнике.

Но не пиво причиной тому, что чуть меньше года назад поселился он на Болькерштрассе в Старом городе, неподалеку от дома, где родился великий Гейне. Из окон большой, излишне шикарной квартиры, выходивших на разные стороны старинного жилого здания, видны были Королевская аллея, Придворный сад, плавно перекатывающий воды Рейн. Немец лишь по фамилии,

Лернер старался все же названия частей и улиц Дюссельдорфа произносить по-немецки, особенно когда разговаривал со своим русским слугой: не Королевская аллея, а Кенигсаллее, не Придворный сад, а Хофгартен. Старый город он тоже называл Альтштадт. Вовсе не из уважения к культуре страны, в которой он намеревался провести Бог знает сколько времени. На культуру ему вообще было плевать. Просто из пижонства, что ли. Ну и чтобы лучше запомнить, что как звучит и что обозначают названия. А главное – чтобы лучше, глубже прочувствовать: он уехал из России, он теперь недосыгаем, и пусть они все подавятся, суки! Никто, впрочем, и не собирался его достать.

Сейчас Василий Николаевич стоял у окна, задумчиво смотрел на город. Он был чуть выше среднего роста, какого-то квадратного сложения, да и вообще весь квадратный: лицо, изрытое оспинами, как у Сталина, но выбритое (как он умудрялся не резаться, ковыряясь станком в этих окопах и рытвинах?) оттягивал книзу тяжелый квадратный подбородок, сверху оно было припечатано таким же тяжелым прямоугольником лба, так что брови нависали над глазами, и не будь они почти бесцветными, делали бы выражение лица Василия Николаевича хмурым и тяжелым. Благодаря бесцветным мальчишеским бровям, таким же бесцветным глазам и привычке оттопыривать раздвоенную верхнюю губу в выражении его лица постоянно присутствовала наглая веселая самоуверенность. Возраст – слегка за тридцать – и решительное нежелание носить галстуки делали облик Лернера окончательно несерьезным.

Василий Николаевич стоял у окна, смотрел вниз – квартира размещалась на третьем этаже, но потолки в доме были высокими, и казалось, что земля значительно дальше, чем на самом деле. Вспоминал, как, оказавшись впервые в Дюссельдорфе год назад, сказал себе твердо: «Жить буду здесь!» Он тогда уже готовился покинуть Россию, оставить эту сраную Сибирь и Краснохолмск, и только выбирал – где бы приютиться. Выбор существовал. Лернер вторым гражданством имел израильское – правда, фамилия израильского гражданина была не Лернер, а Бернштейн. Кроме того, имелся у него паспорт на имя Хачика Зейтунцяна, и всем, кто об этом знал, Лернер клялся, что является родственником знаменитого армяно-американского писателя Перча Зейтунцяна.

Но когда увидел этот вот дом на Болькерштрассе, решил: только здесь, в этом городе, и только в этом доме! Тогда же пришел в первое попавшееся агентство по продаже и найму жилья, объяснил через переводчика: нужна квартира в этом доме, плачу любые деньги. Агент, к которому обратился переводчик, сначала решил, что русский ошибся или шутит. Когда же переводчик, сам не будучи до конца уверен, все же убедил агента в серьезности намерений русского, тот пришел в неистовство и созвал консилиум. В конце концов, Василию Николаевичу объяснили: купить квартиру в этом доме невозможно, дом принадлежит государству и им охраняется. Нанять в принципе можно, но свободных нет, к тому же аренда стоит столько денег – тут старший агент слегка улыбнулся, - что у русского их может не хватить. Лернер молча достал из кармана чековую книжку, блеснул золотым «паркером», попросил переводчика:

- Спроси у него, сколько надо заплатить, чтобы для старых жильцов... ну, скажем, третьего этажа наняли другое жилье, а мне отдали это? И спроси, сколько времени на это требуется. Я за все плачу.

Переводчик, заикаясь и косясь на сумасшедшего иностранца, перевел. Возникла пауза. Старший агент почесал лысину, щелкнул подтяжками – и вдруг принялся хохотать. На него глядя, засмеялись и остальные. Наконец,

преодолевая приступ хохота, агент объяснил Лернеру: у нас в Германии, тем более в Дюссельдорфе, городе респектабельном и уважающем себя, так не делается. В квартире, которая интересует русского, живут порядочные люди, они арендуют это жилье уже много лет, и причины предлагать им другое агент не видит. Он уверен, что и управляющий домом – государственный служащий – такой причины не найдет. И вообще, если русский шутит, то шутка получилась смешная, если он говорит серьезно... Простите, сказал агент, но дальнейший разговор он готов продолжать только в присутствии полиции.

Лернер убрал ручку с чековой книжкой, коротко кивнул: «Хорошо!» – и вышел из агентства. Старший агент еще долго качал головой и то смеялся, то хмурился: ох уж эти русские!

А через месяц, когда в агентстве забыли о необычном иностранце, семью, занимавшую квартиру на третьем этаже в доме №... по Болькерштрассе, нашли мертвой. Все – старая фрау, почтенный господин – ее сын – с не менее почтенной женой, двое их детей – мальчик четырнадцати лет и девочка восьми, и даже пожилая служанка, занимавшая комнату в этой же квартире, – все они оказались мертвы. Это обнаружила полиция, где служил племянник почтенного господина. Племянник имел обыкновение ежедневно звонить дяде. Позвонил и в тот злополучный день, но никто не взял трубку. Так быть не могло, в квартире непременно кто-нибудь всегда находился. Потому, заподозрив недоброе, племянник с нарядом прибыл на место, взломал дверь – и обнаружил шесть мертвых тел без признаков насильственной смерти. Экспертиза показала пищевое отравление. Яд нашли в остатках пиццы, которую семья обожала. Они покупали ее постоянно а одной и той же пиццерии неподалеку. Полиция наведальась туда – "да, продавали, как обычно, но чтобы что-то такое..." Хозяин и служащие оказались вполне благонадежными, как их ни проверяли. Так и не узнали полиция и жители элегантного города Дюссельдорфа, как попал в пиццу яд. Для благополучного европейского города событие такое было шокирующим.

- Скоро весь мир поделится пополам, одна половина будут итальяшки, другая – янки, - ворчал полицейский комиссар. – Полмира пиццу ест, вторая половина в "Макдональдсе" питается. От своего национального ничего уже не осталось. Куда все катимся?..

Погоревали, похоронили – и начали забывать. А еще через неделю в агентство по продаже и найму жилья пришло письмо от некоего гражданина Германии Шутца, жителя Лейпцига, который просил арендовать для него на длительный срок только что волей несчастного случая освободившуюся квартиру. В агентстве письму не удивились – информация о загадочной гибели семьи публиковалась едва ли не во всех германских газетах. Если чему и удивились, так только тому, что Шутц не просил сообщить ему сумму, просил лишь указать, когда он должен лично прибыть в Дюссельдорф. В агентстве быстро все уладили, Шутц – невзрачный, молчаливый и какой-то суетливый немец – приехал, бегло осмотрел жилье, оформил бумаги, подписал чек – и стал законным арендатором квартиры.

Еще некоторое время и некоторое количество денег он потратил на ремонт и меблировку. Спустя еще пару недель Шутц с квартиры тихонько съехал. Почти сразу после его отъезда к управляющему домом пришел Лернер – и предъявил заверенный нотариусом документ о том, что фирма такая-то, директор и владелец – господин Шутц, предоставляет право занять квартиру №... в доме №... по Болькерштрассе господину Лернеру, приглашенному из России для работы по контракту. Все было сделано законно, подлинность документа не

вызвала сомнений ни у управляющего, ни у полиции, куда тот на всякий случай обратился с просьбой проверить господина Лернера, и Василий Николаевич спокойно занял приглянувшееся ему жилье.

Квартира была большая, насчитывала восемь комнат, не считая огромной ванны, двух туалетов, двадцатиметровой кухни и комнаты для прислуги. Квартира занимала целый этаж. Новый хозяин не пожалел денег на обстановку. Чрезмерная роскошь в отделке и мебели выдавала человека тщеславного, до последних пор лишенного возможности так же обставиться у себя на родине. Зато со вкусом у хозяина было явно нехорошо. Современная мебель соседствовала с гардинами и тяжелыми шторами «под старину», полотна настоящих мастеров живописи на стенах располагались рядом с откровенной рыночной мазней на потребу. Таков был хозяин, таковы его странные прихоти.

Василий Николаевич смотрел в окно, то и дело поглядывая на тяжелые настенные часы и нетерпеливо постукивая по деревянной спинке стоящего напротив окна легкого летнего кресла. Зачем это кресло находилось в гостиной, было совершенно неясно. Оно никак не сочеталось с другой мебелью, часть которой – два огромных кресла и диван – были обтянуты светлой кожей, а остальные – еще одно кресло и пара стульев – представляли собою, видимо, фрагмент какого-то гарнитура в венском стиле.

Лернер ждал важного гостя. Важного – не в смысле высокопоставленного. Гость должен приехать из России, привезти важные сведения. И еще кое-что, кроме сведений.

Наконец он увидел в окно, как напротив дома остановилось такси, из такси вышел высокий светловолосый пассажир в легком светлом пальто, расплатился с водителем, поднял голову. Лернер отошел от окна. Через несколько минут прозвучал мелодичный сигнал домофона. Консьерж снизу доложил:

- Sie haben Besuch!

- Gut, - ответил Лернер.

Ожидая, пока гость поднимется на третий этаж на лифте, Василий Николаевич в нетерпении прохаживался по гостиной. Потом спохватился, нажал кнопку. Слуга Виктор из русских эмигрантов, нанятый им в первые же дни пребывания в Германии, возник на пороге.

- Неси коньяк, кофе, лимон. Через час давай обед, - распорядился Лернер. В это время зазвенел дверной звонок. – Впусти гостя, проводи его сюда.

Через минуту в гостиную вошел улыбающийся гость из России. Лернер тоже широко заулыбался в ответ, пошел навстречу, развел руки.

- Ну, здорово, брат, здорово, мэр! - Обнялись, похлопали друг дружку по плечам. – Рад тебя видеть целым и невредимым! И все таким же жизнерадостным.

- Чего ж мне жизни не радоваться? – все так же улыбаясь, ответил гость. – Ем-пью в меру, спортом занимаюсь, секс только с женой, делами особенно себя не тревожу. Чего не радоваться?

- Да вот, бывает, не всем так везет, как тебе, - Лернер тоже продолжал улыбаться. – Некоторые уже не только не радуются – не живут, как я слышал.

- Все-то ты знаешь, Василий Николаевич, и даже здесь живя – все-то ты знаешь!

- Знаю, - Лернер вдруг перестал улыбаться, посерьезнел. – Ладно, Коля, кончай пустой базар. Садись. Давай за встречу. Только ты сам наливай, я не люблю. Пока Виктор готовит обед, поговорим о наших делах. Я хоть и все знаю, да не все. Расскажешь. Здесь тебя никто не услышит, кроме меня.

Гость сел в глубокое неудобное кресло, взял с низкого столика бутылку, налил в рюмки принесенный Виктором коньяк.

- Чокнемся, или у вас тут не принято?

Гостем Василия Николаевича был ланский мэр, владелец табачной фабрики «КоКур» Николай Сергеевич Куреев. Приехал он в Дюссельдорф, конечно, не просто в гости к бывшему заместителю губернатора Краснохолмской области Лернеру. Но коньяк пил с удовольствием.

И обедал с удовольствием не меньшим.

Глава 12

Василий Николаевич Лернер прибыл в германский Дюссельдорф не просто проедать сбережения. Хотя сбережений у него хватало. Еще в Приднестровье, коротко сойдясь с командующим армией генералом Гусевым – тот любил напористых и наглых, - сугубо гражданский человек Лернер через некоторое время возглавил, по сути, теневой финансовый «штаб» генерала. Для начала ему потребовалось убедить Гусева в законности того, что предлагалось.

Известно, что генерал Гусев самостоятельно, независимо от свехосторожного российского правительства, пытался урегулировать приднестровский конфликт, из-за чего не раз и не два ссорился с тогдашним президентом России. За глаза, в узком кругу, нередко в подпитии, генерал называл президента не иначе как «ЕБН...тый гарант». Он готов был при любых обстоятельствах, особенно в ситуации, которая ему представлялась критической, действовать на свое усмотрение. «И срать я хотел на эту Москву и этого ЕБН... того гаранта! - кричал он подчиненным офицерам. – Пускай в отставку отправляет, если не нравлюсь! А пока я здесь – порядок будет! Мой порядок, такой, как я хочу...» Представителей высшей российской власти, которые периодически наезжали в Приднестровье, Гусев не ставил ни во что, подолгу заставлял их простаивать с машинами на КПП, сидеть в генеральской приемной. При встрече не предлагал не то что коньяка – чаю, а обедать отправлял в солдатскую столовую. В конце концов представители под разными предлогами приезжать к мятежному командарму перестали.

Лернер умело сыграл на неприязни генералом тогдашней государственной политики в Приднестровье. Процесс перевооружения армии шел в России медленно и вяло, но все-таки шел. В первую очередь новое оружие направлялось в «горячие точки». Приднестровье, естественно, считалось такой точкой. По логике и закону, старое оружие, снимавшееся с вооружения действующей армии, должно было сдаваться в обмен на новое. Однако так делалось далеко не всегда. Практически руководили процессом тыловые офицеры, у которых нет ни совести, ни чести. Они приезжали в войска, привозили новое оружие, увозили старое. Достаточно было напоить такого министерского представителя хорошенько, сводить его в баньку, подсунуть ему для утешения какую-нибудь из вольнонаемных барышень, напоследок еще и снабдить порядочной суммой российских рублей, а лучше американских долларов – и реальное количество списанного оружия, которое увозил представитель, сильно расходилось с тем, что значилось в документах. Полученными деньгами «коммивояжер» делился с начальством, и таким образом все сходило с рук. Конечно, так бывало не всегда, случались и неподкупные тыловики, но редко. Таких знали по именам и с такими не связывались. Прочих же не держало ничто, и трибунал не пугал.

А «сэкономленное» оружие шло в дело: продавалось. Так было во всех «горячих точках», кроме Приднестровья. Гусев пресекал любые попытки воровства, карал за это жестоко. Пока однажды армейский начхоз не свел его с Лернером – аккуратно, будто случайно. Генералу Лернер, как сказано, понравился, они стали периодически встречаться то за рюмкой (хотя пили оба не слишком много), то просто в дружеской компании. Лернер всячески демонстрировал свое согласие с политическими взглядами генерала, разделял его критику политики Кремля. Однажды Василий Николаевич как бы невзначай заметил:

- Президент боится, правительство не хочет, партии политические – те, что значимы – ведут себя лакейски... А кто может? Кто готов поддержать здоровые силы в Приднестровье?

Генерал разом нахмурил брови, перестал курить.

- Как кто? А я тут что, по-твоему, дrouchу?

Лернер примирительно вздохнул.

- Да понимаю, понимаю все... Но только нет и у вас возможности практически помочь тем, кому вы помочь рады.

Гусев посмотрел на него непонимающе.

- Говори яснее! – рыкнул.

Лернер мысленно перекрестился – и изложил генералу простой и ясный план. Предложило реализовать в Приднестровье схему, которая давно действовала в других «точках».

- Понимаете, Иван Александрович, это там, в Чечне, они воруют оружие, чтобы продать потом кому угодно, - уверенно говорил Василий Николаевич, - а мы-то здесь с вами можем это оружие продать тем, кто представляет собою здоровые силы, кто точно несет с собой идеологию новой Молдавии. Получается, что государство наше Российское от толики не обеднеет, зато братья выиграют! Деньги можно пустить на обмундирование, на дополнительное питание бойцов. Что делать, если по-другому нельзя, если живем мы в таком... многомерном пространстве, - закончил он.

Генерал выслушал против ожидания внимательно. И думал недолго. Он был человеком скорых решений, военным человеком.

С того дня, с того самого разговора Василий Лернер начал руководить «черными» финансами гусевской армии, полученными за проданные молдавским сепаратистам старые, но вполне еще годные к боевым действиям, стволы. Генерал сам лично определил ему размер вознаграждения за такую нелегальную работу. Вскоре Лернера стали замечать в сомнительных компаниях местных мелких рыночных «воротил» и проституток. Он стал швыряться крупными суммами в кабаках, эпатировать публику разными экстравагантными выходками, несколько раз отметился в публичных скандалах. Генералу доложили, тот вызвал Василия Николаевича «на ковер», взял его в буквальном смысле за шкуру:

- Ты откуда деньги берешь? Я тебе сколько плачу? А ты сколько тратишь? Сукин ты сын! Думал – от души предложил, а ты – требуху набивать, баб трахать? Я из тебя дерьмо вытрясу!

Лернер подождал, пока схлынет вельможный гнев, тихонько высвободился из железных лап Гусева, и, на всякий случай отойдя подальше, негромко сказал:

- Иван Александрович, я ведь только предложил вам в свое время схему, которая теперь работает, решали-то вы... Да и не я один из «черной» казны кормлюсь, многих приходится подкармливать, чтоб не вякали. А вы, Иван

Александрович, у себя в столе, часом, конвертиков не находили? – и Лернер вздернул в нахальной улыбке раздвоенную верхнюю губу.

Гусеву стало невыносимо стыдно и гадко. Конвертики, о которых сказал этот сопляк, и впрямь регулярно обнаруживались в письменном столе генерала. В них лежали крупные суммы в американских долларах. Каждый раз эти суммы были разные – видимо, в зависимости от выручки. Генерал принимал их как должное, не думая. И – вот расплата.

Генерал рыкнул: «Пшел вон!», - но выгнать насовсем проходимца не решился. Таскал его с той поры с собой в разных качествах. Так надежнее, считал, так он не проговорится. На то, чтобы совсем убрать опасного свидетеля, не решался. Был он все-таки генерал, офицер, не убийца. А когда пришла пора стать губернатором Краснохолмской области, не нашел ничего лучшего как назначить Лернера своим заместителем по молодежной политике. Тот, впрочем, постепенно прибрал к рукам не только молодежную политику – хотя и организовал «всероссийское» молодежное движение с символом – гусем на знамени, - но и многое другое, включая ряд промышленных предприятий. На одном из них, лакомом Краснохолмском заводе цветных металлов, именуемом в народе попросту «золотым» заводом, сломался. В прямом смысле. Пришел с телохранителем требовать «добровольных» пожертвований на развитие молодежного движения – и оба лично директором были спущены с лестницы. Лернер сломал ногу, телохранитель едва не прошиб лбом стену. После этого, получив суровую выволочку от губернатора, понял: пора сматываться. Здесь больше ничего не наваришь. «Золотого» директора потом, правда, все равно убили, но это случилось уже тогда, когда Лернер жил в Германии. Позаботились о директоре не его люди – чужие.

Он же, прежде чем уволиться и уехать, сумел расставить на некоторые ключевые посты в администрации области и в самой области своих людей. Лернер, как всякий предусмотрительный человек, заботился о собственном будущем.

Еще до окончательного отъезда в Германию, во время очередной командировки в эту страну за государственный счет, якобы по делам, выгодным для области, он нашел две скромных, с хлеба на пиво перебивающихся русскоязычных газетки, которые издавали почтенного возраста русские эмигранты далеко не первой волны. Встретился с издателями, предложил: я вам – деньги и пожизненную пенсию, вы мне – все права на издание. Эмигранты переглянулись – и согласились. Таким образом, еще не переселившись в чужую страну, Лернер создал газетный мини-холдинг. Он хорошо представлял себе, как работает печать на Западе: в свое время специально потратил на изучение вопроса немало денег и времени. Особая статья – печать для языкового меньшинства. Он тщательно, с помощью нанятых немецких специалистов (русским за рубежом не доверял: надуют), изучил спрос, тенденции, интересы, изучил структуру эмиграции. И теперь точно знал, как сделать, чтобы русскоязычная печать в Германии приносила устойчивую прибыль. Впрочем, в перспективе Лернер предполагал и некоторые собственно немецкие средние влиятельные газетки прибрать к рукам. Средне – потому что прекрасно отдавал себе отчет, что замахиваться на лидеров газетного рынка – самоубийство. Не Россия.

К тому времени, когда Лернер переехал в Германию, обе газеты уже были его. Но выходили они по-прежнему на те деньги, что зарабатывали. Никаких инвестиций из России он не делал. Понимал, что, пока остается публичной

фигурой – а в Краснохолмске Лернер был для оппозиционных СМИ, пожалуй, главным ньюсмейкером, – любое движение в этом направлении будет растиражировано прессой немедленно. На прессу, как вообще на все, ему было глубоко наплевать, но преждевременный шум мог повредить делу. А когда поселился в Дюссельдорфе, в первую очередь встретился с коллективами обеих газет. Одна редакция располагалась в Кельне, другая – в находящемся неподалеку от Дюссельдорфа Неандертале. Первая называлась по-советски вызывающе: «Кельнская правда», вторая – весьма двусмысленно: «Русский неандерталец». Лернер задавал вопросы журналистам, среди которых большинство – русские эмигранты-неудачники, не сумевшие добиться успеха на родине и нашедшие приют здесь. Именно приют: даже при небогатой интеллектуальной подготовке Василия Николаевича, даже при его квадратном мышлении ему было ясно, что обе газеты делаются, мягко говоря, не вполне профессионально.

Выслушав горячие речи и пожелания в адрес нового собственника, изредка перебивая выступающих незначительными вопросами, Лернер наконец властно поднял руку, встал.

- Ну, а теперь я скажу вам...

Первое, что он сделал, - предложил всем, включая редакторов, уволиться. Те опешил: как?! Кто-то даже в запале крикнул: «Профсоюз!..» - на него глянули свои, и он заткнулся. Лернер терпеливо ждал, пока утихнет ропот. Потом продолжил.

- Да, я предлагаю вам всем уволиться. Потому что условия, которые создам вам я, покажутся вам невыносимыми по сравнению с сегодняшними. Вам придется работать по двенадцать часов в сутки, если понадобится – по двадцать четыре. Я знаю, что по законам этой страны такое невозможно. Но мы с теми, кто останется, будем жить по моим законам. Так будет, пока газета не наберет нужного тиража и не научится зарабатывать большие, - подчеркиваю: большие! – деньги. Маленькие мне не нужны, я их в России зарабатывал, ничего не делая. А когда газета начнет зарабатывать, - Лернер улыбнулся, - тогда те, кто работал двадцать четыре часа в сутки, станут работать по двенадцать. Я – человек милосердный.

Повисла могильная тишина. Василий Николаевич прошелся по редакторскому кабинету, нарочно наступая туда, где были проломаны и стреляли старые паркетины. Ремонта в кабинете не было лет десять минимум. Снова вернулся к столу.

- Ну? Ваши заявления?

Тишина еще некоторое время повисела. Потом кто-то вздохнул, раздался робкий голос:

- А платить?

- Что? – резко обернулся на голос Лернер.

- Платить как будете? Тем, кто останется?

Лернер усмехнулся.

- Глас не мальчика... Остаетесь? – выбросил он руку в сторону задавшего вопрос.

- А куда нам деваться? Здесь, в Кельне, у русского журналиста выбор не очень богатый...

- Кто еще остается? – спросил Лернер, обводя взглядом немногочисленную публику.

Со стула поднялся мужик лет пятидесяти, с руками, густо усыпанными синими наколками – тюремными, сразу определил Лернер, настоящими, лагерными.

- Ты, начальник, кончай картину гнать, - медленно произнес он. – Видно, что ты не фраер – пахан. Давай, колись, если хавки будет от пуза – хрен ли нам когти рвать? Тайга вокруг...

Лернер от души рассмеялся.

- Молодец, дядя! Значит, так...

Ушел только один вшивый интеллигент, эмигрант последней волны из поволжских немцев, которому категорически не понравился новый хозяин газеты. Оставшимся Лернер положил такую зарплату, за которую они готовы были работать сорок восемь часов в сутки, если это было возможно.

Примерно по тому же сценарию прошла встреча с творческим коллективом в Неандертале. Теперь Василий Николаевич Лернер был новоиспеченным русско-немецким газетным магнатом. В издания он уже вложил приличное количество денег, сделал ремонт в редакциях, купил новое оборудование. И заслуженно ждал отдачи. Между делом успел изучить персонал, знал, кто чего стоит.

Тот мужик из Кельна, что выделялся наколками и блатным «базаром», оказался талантливым спортивным обозревателем, репортажи которого читатели проглатывали взахлеб. В свое время именно на спорте он и загремел в российскую тюрьму: работая главным бухгалтером какой-то конторы, проиграл на скачках казенные деньги – десять тысяч по-советски, был обвинен в хищении в особо крупном размере, и сел. Долго еще потом, уже в лагере, не мог отойти, все твердил: «Как же, я же точно знаю, что моя должна была прийти первой...» Думали – умом тронулся, хотели даже в психушку перевести, но отошел – и зажил обычной лагерной жизнью. А вышел – понял, что страна противна. Вспомнил, кто он есть, три года терпеливо ждал разрешения, наконец дождался и уехал на историческую родину. Когда после долгих поисков работы относительно по душе и житья на пособие набрел на газету, его спросили прежние владельцы: что умеешь? Тот подумал и ответил:

- Что умею – не скажу. Но знаю, что здесь слово «родина» не надо писать с большой буквы!

Владельцы опешили сперва, потом рассмеялись – и взяли исколотого бывшего бухгалтера. И не пожалели: спортивный обозреватель из него вышел первоклассный.

Не менее экзотическими были и другие судьбы сотрудников газет Лернера. Это не мешало им работать добросовестно, получая зарплату, о которой они еще недавно не мечтали. Василий Николаевич даже пытался было поначалу ввести в обиход расчет «черным налом», по-русски, но бухгалтер «Кельнской правды» пришел в ужас от одной мысли об этом. И скоро убедил Лернера, что такая попытка – верная тюрьма. Лернер, согласившись в конце концов, впервые пожалел, что Германия – не Россия.

Теперь, потягивая после обеда на пару с Николаем Сергеевичем Куреевым портвейн в каминном зале, Лернер с усмешкой рассказывал гостю, как обживается в Германии, как развивается его бизнес.

- Вот так и удалось и рыбку съесть, и... В общем, персонал сохранил и работать заставил. Они, уроды, не догадываются еще, что я не всегда им так платить буду. Тут главное – приручить, - закончил Лернер.

Они сидели у камина, курили дорогие гаванские сигары, пили портвейн из изящных пузатых бокалов. Лернер вдруг стер с лица улыбку, повернулся к собеседнику.

- Давай теперь снова о наших делах. Ты мне все рассказал. Теперь меня слушай, что дальше делать надо...

Часы показывали около восьми вечера. За широким окном сверкали огнями торговые ряды Кенигсаллее. Там жил своей обычной жизнью красивый город Дюссельдорф.

Глава 13

Николай Петрович Громов самолетами летать не любил. И теперь, и тогда, когда он был еще Борисом Игнатьевичем Мичуриным. Не потому что чего-то боялся – ничего он в жизни вообще не боялся. Так ему, по крайней мере, казалось. И на здоровье не жаловался. Просто не любил быстрых перемещений в пространстве. Предпочитал даже далеко ездить поездом. Брал купе или СВ, запасался каким-нибудь легким чтивом – и с удовольствием отдавался дороге. Вопрос – повезет или не повезет с попутчиками? – его не беспокоил. Он умел оставаться один, даже когда не один.

Несколько дней назад позвонил из Москвы Поддубный – его непосредственный начальник по штабу Хлопкова, попросил приехать. Собственно, формально никакого штаба еще не было: до официального старта губернаторских выборов в Краснохолмске оставалось больше месяца. Но неофициальный штаб существовал и активно работал. Собирались досье на кандидатов-соперников, уточнялись позиции, набирались волонтеры для мелкой и рутинной работы, определялись руководители направлений. Ну и, конечно, подбирались достойные пиарщики. У Николая Петровича Громова миссия была особо деликатная, поэтому по телефону или электронной почте они с Поддубным ничего почти не обсуждали. Когда возникала необходимость, Юрий Измаилович вызывал Громова в столицу, они беседовали с глазу на глаз за антикварным столиком, и Громов возвращался в Краснохолмск продолжать свое дело. Собственно, с того времени как Николай Петрович стал работать на Поддубного, такая поездка была одна. Поддубный ворчал тогда, что подчиненный приехал поездом, а не прилетел самолетом.

- Мы ж тебе командировки оплачиваем, чего ты экономишь? Сколько времени лишнего на дорогу уходит...

Николай Петрович беспечно улыбался:

- Брось, Юра! Пусть это будет моя маленькая прихоть! Торопиться нам некуда.

И теперь, когда Поддубный позвонил, Громов сказал твердо:

- Еду поездом. Не люблю я самолеты, понимаешь?

Был тут один серьезный резон. Николай Петрович Громов не хотел, чтобы его узнали. Он, правда, отрастил густые темные усы, небольшую аккуратную бородку, стал иначе причесывать волосы, приучил себя носить темные очки. Все это сильно изменило его облик, к тому же во всех списках он значился погибшим. Но мало ли что... А те, кто мог его узнать – бывшие сослуживцы или бывшее же начальство – в командировки отправлялись, как правило, по воздуху. Вероятность того, что его узнают в поезде, сводилась к нулю.

Билет в СВ купить не удалось, пришлось ехать в обычном купе.

Попутчики, впрочем, оказались вполне приличные, ни тебе семьи с детьми, ни

пьяниц, так что поездка обещала привычное удовольствие. Николай Петрович занял верхнюю полку – он специально просил билет на верхнюю, - уткнулся в книжку – и так провел почти все двое с половиной суток до Москвы. Спускался только поесть. В разговоры с попутчиками не вступал, да они и не слишком настаивали. Словом, доехал с комфортом. На Ярославском, куда поезд прибыл около десяти утра, взял такси. На командировочные расходы его новые хозяева не скупились. Хотя какие они новые? Громов отлично догадывался, по чьему заказу было совершено организованное им убийство директора Краснохолмского завода цветных металлов Королева. Раньше не было необходимости анализировать, просто отрабатывал заказ. И деньги. Теперь понимал, на кого он работал уже в то время. Относился к этому равнодушно.

Позвонив с вахты в кабинет Поддубного, получил пропуск, поднялся. Весело сказал, входя:

- Юрий Измаилович, ты бы выдал мне постоянный пропуск, что ли! За полтора месяца второй раз вызываешь, приходится по полчаса на вахте дожидаться. Ну, здравствуй, шеф...

Поддубный молча пожал руку, указал на кресло у кофейного столика. Заварил свежий чай, сел напротив.

- Рассказывай, Борис Игнатьевич.

- Ошибаешься, начальник, - засмеялся гость, - Громов я, Николай Петрович Громов.

Поддубный внимательно посмотрел на него. Усмехнулся.

- Ты как будто следуешь девизу, провозглашенному одной Краснохолмской телефонной компанией: «В жизни всегда есть место празднику». Чему радуешься?

- Жизни, Юра, жизни, - продолжая улыбаться и с удовольствием прихлебывая чай, ответил Громов. – Итак, рассказываю...

Как только Поддубный официально (хотя и в секрете для большинства других сотрудников) оформил Мичурина-Громова на должность, тот немедленно прикатил в Краснохолмск – к неудовольствию, из Москвы пришлось лететь самолетом, ибо время поджимало, - и скоро там обосновался. Снял неприметную квартирку подальше от прежней, служебной, арендовал еще одну для «офиса». Навесил бронированную дверь, поставил камеру слежения. На самом деле помещение больше напоминало архив. Вдоль стен стояли стеллажи с папками, видеокассетами и прочими носителями информации. Ближе к окну – письменный стол с компьютером и сканером, рядом – столик поменьше с принтером, ксероксом и факсом «в одном флаконе». Были еще два телефона, телевизор. На кухне – электрическая плита, запас продуктов, чайник. Здесь Громов просиживал целыми днями, сюда изредка приходили таинственные личности, чаще всего поодиночке, Громов беседовал с ними, давал задания, те исчезали. Словом, «офис» был секретным штабом неких операций, лишь косвенно связанных с предстоящими выборами губернатора области.

За полтора месяца, прошедшие с момента вступления Громова в должность, он успел многое. О чем сейчас и докладывал Поддубному. Когда закончил, Юрий Измаилович не стал делать вид, что принял его доклад как должное. Он был искренне удивлен расторопности майора, о чем и сказал ему. Бывший однокашник усмехнулся.

- Я еще крестиком вышивать умею...

- Ну, ладно, - слегка прихлопнул по столу ладонью Поддубный, как бы окончательно утверждая: доклад принят, молодец. – Все это здорово. Ты мне только скажи, Борис... прости – Николай Петрович, на кой черт ты раньше времени в мокруху полез? Ну, Евсеев – ладно, там без ликвидации никак нельзя было обойтись, мало ли чего он натрепал бы целкоперам этим из «Вечерки». А сучку эту, бухгалтершу Куреевскую, - ее-то зачем ухайдакали? Чем она помешала? Ничего она особенного не знала, чтобы кому-то рассказать. А если о чем и догадывалась, так ведь уровень информированности не тот. Ну, припугнули бы, уволили в конце концов. У нее же, кажется, сын есть? Какие проблемы-то? Зачем нам лишние трупы?

Громов неспеша поставил на стол чашку, неловко вытер усы, засмеялся:

- Никак не могу привыкнуть к усам, мешают!.. Поверишь ли, Юрий Измаилович, не убивали мои люди Позднякову, вот какая штука. Я сам всех на уши поставил в тот же день – зачем, кто приказал?! И выяснил, что никто никому не приказывал, никто не исполнял. Менты расследование ведут, твои люди там, как знаешь, есть. Но они тоже толком ничего пока узнать не могут. Нашли мертвой, с множеством ножевых ранений. Понимаешь, даже с точки зрения технологии для наших такая работа – запахло. Зачем ее резать-то? Мало других способов?

Поддубный задумчиво молчал.

- Кто же тогда? Политики на нас вешают, суки. Куреев им наябедничал.

- Я разговаривал с Куреевым, убедил вроде, что не наших рук дело. А кто... Хочешь мою версию?

Поддубный кивнул.

- Случай. Либо какой-то сексуально озабоченный маньяк, которого спугнули – следов изнасилования, спермы или чего еще не нашли, - либо просто пьяный спятивший бомж. Точно тебе говорю.

Профессиональный нюх не подвел Громова. Милицейские следователи, так и не получив никакого результата, в одном только смогли твердо убедиться: сам Куреев или кто-то из его окружения к смерти Лены не причастны. Тем более не причастны к ней супруги Свистуновы, у которых она гостила накануне. Убийство за гаражами повисло «глухарем». А тот, кто его совершил, сорокалетний спившийся бомж, уже никогда ничем не помог бы следствию.

Проснувшись в то злополучное для Лены утро за гаражами, на импровизированном ложе из старых картонных коробок и жухлой травы, накрытый дырявым засаленным пальто, бомж Кеша ощутил тоску на почве тяжелого похмелья. В такие минуты, когда лопалась голова и глаза вот-вот должны были вылезти из орбит – Кеша был гипертоником, - он люто ненавидел мир и его обитателей. По крайней мере, до первого полстакана водки или бутылки пива, если они отыскивались. Годились и флакон отечественного одеколона, жидкость для ванн «Мечта» или стеклоочиститель (тоже исключительно отечественного производства!). Если же ничего такого не находилось, беда могла настичь любого, кто оказывался на его пути и осмеливался сказать слово поперек. Несмотря на тщедушный вид и несходящие синяки под глазами – не от чужих кулаков, а от постоянного пьянства, - Кеша отличался фантастической злостью и непомерной жестокостью. Кто знал, не связывался с ним. Кому однажды довелось связаться, горько об этом жалели. Кеша бросался в драку сразу, отчаянно, хватал в руки что попало и бил изо всех сил – на убой. Ошеломленный противник не выдерживал напора, бежал, и Кеша преследовал его, пока не выдыхался.

Встав на ноги, держась рукой за стену гаража и мыча нечленораздельное, Кеша отошел несколько шагов от «постели» и согнулся. Мутило, нутро выворачивало от гадости, которой вчера наглотался. Он и не помнил толком, «технар» это или «Мечта». Скорее, второе, хотя и первое не лучше.

Его, однако, не вырвало. Он испытал еще одно желание. Бормоча ругательства, расстегнул единственную пуговицу на ширинке, начал отливать прямо на тропинку, по которой некоторые жильцы ближних домов ходят к автобусу. Некоторые – потому что больно уж мрачно здесь. И услышал вдруг:

- Как не стыдно! Другого места не нашел?

Кеша повел глазами, увидел молодую женщину, которая стремилась теперь его обойти. Равнодушно отвернулся. Обойдя бомжа, она еще раз брезгливо обернулась и произнесла вполголоса, скорее для себя:

- Не люди – свиньи!

Первую реплику Кеша снес. А на свиней обиделся. Волна ненависти захлестнула его, он задохнулся. Не застегивая ширинки, нащупал в кармане найденный недавно на помойке складной нож, догнал ничего не подозревающую женщину и сходу ударил ее ножом в шею. Та охнула, согнулась, подняла руку к ране, будто не веря еще, стала оборачиваться. Он ударил снова. И стал бить, и бил, пока упавшее уже тело не перестало издавать живые звуки. Потом встал, снова сунул нож в карман – и не торопясь отправился искать опохмелку. Все длилось недолго, и никто его преступления не видел. Мертвую Лену нашли только через пару часов.

А Кешу так никто и не нашел. Насшибав на бутылку пива у редких сердобольных горожан, которых не наводила ни на какие мысли кровь на одежде бомжа – мало ли, с кем подрался, - Кеша отправился на берег Великой Сибирской реки, сделал глоток – замычал невнятно, выронил бутылку и свалился с кручи в воду. Внезапный инсульт, возможно, и оставил бы ему жизнь, если бы Кеша не упал. Вода заполнила легкие. Мертвое тело понесло течением вниз, в сторону Ледовитого океана. Не выловили его и рыбаки: сезон летней рыбалки кончился.

Предположение Громова было верно – и осталось предположением. Никто никогда не узнал тайну убийства Лены Поздняковой.

- ...Ладно, черт с ней, с бухгалтершей, - сказал Поддубный. – Давай про наши дела. Времени осталось не так много, пора заводить на предприятия наших людей. Они готовы?

- Готовы. Ждут сигнала.

- Считай, сигнал получен. Приедешь – и начинай действовать.

Громов помолчал в ответ. Поднял глаза на Поддубного.

- Ты понимаешь, Юра, что, как только я начну действовать, без того, что ты называешь «мокрухой», не обойтись? Ты там что-то о лишних трупах говорил... Директора, собственники – народ часто упертый. Платить они еще согласны, это одно. Лишиться всего – совсем другое.

- Что тебя смущает? Задачи, которые перед тобой поставлены, предполагают и... устранение тех, кто станет нам мешать. Мы же говорили об этом полтора месяца назад. Бойцы есть. Что еще? Или тебе официальную бумагу с печатью надо? – Поддубный усмехнулся. – А может, совестью мучаешься?

Громов пожал плечами.

- Совесть тут ни при чем, я сам на эту работу подписался. Просто напомнил еще раз. Даже если таких эпизодов будет не много, все равно кипеж

поднимется, ты же понимаешь... Вот и хочу, чтобы вы – ты и твой кандидат – к этому готовы были. Недружественная пресса непременно свяжет все с Хлопком. Надо отбивать тему заранее.

- Ты невнимательно меня слушал, Боря...

- Николай Петрович, с вашего позволения.

- Пошел к черту! Так вот. Ты невнимательно слушал, когда я расписывал тебе всю операцию. Либо я был неточен. Давай еще раз. Ты помнишь, зачем мы связались с Германией, почему подключили Куреева к делу?

- Да помню я, все помню, - с досадой отмахнулся Громов, - не надо мне ничего заново объяснять. Ты краснохолмских газетчиков плохо знаешь. Есть там... некоторые, с хорошим нюхом.

- Я краснохолмских газетчиков знаю не так плохо, как тебе кажется. Мои референты подготовили мне подробные досье на всех ведущих журналистов тамошних СМИ. Кого-то уже удалось прикупить, за остальными мы пристально следим. Но не в этом дело. Скажи мне, как они могут связать процесс смены собственников на некоторых предприятиях Краснохолмска с Геннадием Александровичем? Он ведь **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не имеет к этому никакого отношения.

Громов снова помолчал.

- А на Свистунова Владимира Николаевича и Комарова Сергея Юрьевича у тебя тоже есть досье?

- Так вот что тебя волнует, дорогой... Николай Петрович, - Поддубный засмеялся с откровенной издевкой, – как-то несолидно для контрразведчика – на личной обиде так заикливаться! Ну, не сумел ты их в свое время достать, переиграли они тебя – так уважай противника! А ты их, похоже, боишься...

- Не боюсь, - резко ответил Громов. – Опасаюсь. Потому что знаю возможности. Так есть досье на них?

- Есть, конечно, - Поддубный стер с лица улыбку. – Мы ведь здесь тоже свой рейтинг наиболее опасных противников выстраиваем. Свистунов с Комаровым занимают в нем достойное место. Мы не склонны недооценивать их. И все же, мне кажется, ты преувеличиваешь возможный шум, который могут поднять тамошние СМИ. Впрочем, посмотрим. Засим...

Поддубный поднялся, давая понять, что разговор окончен. Они пожали друг другу руки, Громов вышел из кабинета. Вышел, унося в себе отчетливое недовольство собой. Зря он заговорил с Поддубным о краснохолмских журналистах. Напрасно спросил о Свистунове. Бывший однокашник точно определил диагноз. Громов-Мичурин, бывший офицер, прошедший огонь и воду, не моргнув глазом и без усилий лишивший жизни матерых противников, и правда боялся «сопляка»-журналиста и его шефа. Ненавидел – и боялся. И не хотел себе в этом признаться.

Глава 14

После расстрела Сергея Викторовича Евсеева законной наследницей всей его собственности стала жена Зинаида Ивановна. Пока, впрочем, Зинаиде Ивановне было плевать на любую собственность. Она все не могла поверить, что так внезапно лишилась любимого человека. Приходил следователь – не то милицейский, не то из прокуратуры, она не запомнила, - задавал обычные в таких случаях вопросы: имел ли муж врагов, не угрожал ли ему кто? Все это происходило в тумане, словно во сне, и ее ответы на обычные вопросы не имели

значения. Да, она что-то такое замечала, что-то необычное в поведении мужа в последнее время – не то он был напуган, не то сильно чем-то озабочен. Но необычность поведения относилась на какие-нибудь временные неудачи в делах, а в дела его бизнеса она никогда не лезла. Да и не могла она сейчас связно ничего рассказать, мысли путались, сказывалось действие успокоительных таблеток. Следователь все понял, извинился и попросил разрешения прийти потом, когда Зинаида Ивановна отойдет от печальных хлопот и будет в состоянии вспоминать.

Похороны вышли без особой пышности, но людные. На кладбище приехали друзья, коллеги по бизнесу. Некоторых она знала, иных видела впервые. Знакомые, особенно те, с кем Сергей был связан по бизнесу или по жизни – друзья, словом – вели себя странно: подходили, сочувствовали, спрашивали – чем помочь, но все это проделывали как-то виновато, отводя глаза и явно торопясь отойти. Будто это они расстреляли джип с ее мужем. Как ни была она убита горем, все же необычность поведения заметила и не могла понять, в чем дело. Только один, самый близкий и старый друг, на ее немой вопрос шепнул ей: «Когда в себя придешь, все расскажу, что знаю». Но так вышло, что Зинаида Ивановна обо всем узнала раньше, чем ей рассказали друзья Сергея.

Прошло чуть больше недели после похорон. Жизнь волей-неволей входила в свою обычную колею. Приходилось как-то приспособливаться к этому новому состоянию, этой новой жизни. Будущее виделось Зинаиде Ивановне исключительно мрачно. Но каким бы мрачным оно ни виделось, осталась двенадцатилетняя дочка Ирина, осталась мать Сергея Викторовича, которая в свои восемьдесят с хвостиком и так была плоха, а после смерти сына и вовсе слегла. О ней надо было заботиться, дочку воспитывать. В общем, приходилось жить, даже если не хочется.

И с собственностью – предприятием Сергея – тоже надо было что-то делать. Ей уже звонила помощница мужа Таня, скорее несмело, чем деликатно попросила встретиться с ведущими менеджерами, как-то решить вопрос с руководством. Сергей Викторович был един в двух лицах: ему полностью принадлежала фирма, по сути, превращающаяся в небольшой холдинг, он же был генеральным директором. Наверное, такое положение можно отнести к недостаткам бизнеса Евсеева, но так уж сложилось. Он только начал подумывать о том, чтобы взять в долю некоторых из самых верных и профессиональных своих сотрудников, сделать их партнерами, а ООО преобразовать в акционерное общество. Не успел. И теперь в «Евсее» не было первого руководителя. Бумажки подписывать находилось кому и без него, дело тоже не стояло, производство работало исправно. Но туловище без головы долго ли протянет? Да и документы, связанные с переменой собственника, необходимо было срочно переоформлять. Завтра Зинаида Ивановна намеревалась поехать в «Евсей», встретиться с коллективом, поговорить с самыми толковыми сотрудниками, определить для себя кандидатуру руководителя фирмы. Сама она брать на себя функции директора не отваживалась – хоть и экономист, а практически бизнесом не занималась никогда.

А пока еще было сегодня, надвигался хмурый сентябрьский вечер, за окном дождило. Она сидела в зале – кабинет без мужа стал чужим и холодным, там она чувствовала себя еще хуже, - готовилась к завтрашнему визиту, просматривала кое-какие документы, отражающие деятельность «Евсея» и

структуру бизнеса. Документы по ее просьбе привез главный бухгалтер. Вот-вот должна была прийти Ирина – по вечерам она занималась бальными танцами, дворец культуры располагался неподалеку, рядом со школой, и не было нужды отвозить и забирать дочку на машине. В это время раздался телефонный звонок. Зинаида Ивановна невольно вздрогнула. Помедлив почему-то, взяла трубку.

Незнакомый мужской голос в трубке вежливо поздоровался. И сразу, без предисловия, сказал:

- Зинаида Ивановна, вам незачем ехать завтра в фирму вашего покойного мужа. Мы покупаем у вас бизнес.

Она едва не выронила трубку. Собралась. Стала говорить как можно более спокойно:

- Кто это – «мы»? И что значит – «покупаем»? Я не собираюсь ничего продавать. Никому. Тем более тому, кого я впервые слышу.

В трубке раздался короткий смешок.

- Хорошо. Давайте познакомимся... Мы можем с вами встретиться? – неожиданно спросил мужчина.

- Я не желаю ни с кем встречаться. Не звоните сюда больше, - она раздраженно нажала кнопку отбоя. Звонок повторился через несколько секунд. Она не стала отвечать. Телефон, однако, звонил не переставая. Наконец, Зинаида Ивановна не выдержала.

- Я же сказала... - начала было, но голос жестко оборвал ее.

- Слушай сюда, курица, и перестань кудахтать. Я мог бы и не предупреждать, но такой вот я сегодня добрый. Либо ты сейчас соглашаешься и завтра подписываешь все, что скажут, либо не дождешься дочку домой. Пять секунд на размышление.

Зинаида Ивановна, заикаясь, едва смогла вымолвить:

- Не надо... дочку... я согласна...

- Другое дело, - удовлетворенно хмыкнул собеседник на том конце провода. – Думаю, не надо предупреждать, что в милицию лучше не соваться? Вот и славно, - голос снова стал приторно-вежливым. – Завтра у вас ведь занятия в университете с обеда? И хорошо. Я позвоню утром, скажу, что нужно сделать, куда подъехать, с кем встретиться. Спокойной ночи! И не беспокойтесь о девочке, с ней ничего не случится. Если, конечно, вы не захотите, - мужчина положил трубку.

Зинаида Ивановна тут же накинула на себя что-то, побежала встречать дочку. Просто сидеть и ждать она была не в состоянии. Занятия уже кончились, Ирина спускалась с высокого крыльца дворца культуры. Увидев мать, она обрадовалась:

- Ой, как хорошо! Погуляем? – и тут же удивилась. – А ты чего это? Никогда вроде не встречала...

- Соскучилась, - через силу улыбнулась Зинаида Ивановна. – А погулять... не хочется что-то. Голова у меня болит. Идем домой, ладно?

Дочь снова удивилась, по-детски обиженно пожала плечами. Но ни о чем больше спрашивать не стала.

На следующее утро, отвезя на машине дочку в школу – этого она тоже никогда не делала, но сегодня ее действия подчинялись особой логике, - Зинаида Ивановна селу к телефону ждать звонка. Она не допустила и мысли о том, чтобы обратиться в милицию или к друзьям. Вчерашний мужчина позвонил ровно в девять, дал необходимые инструкции.

- И захватите, пожалуйста, с собой те бумаги, что вам вчера принесли из фирмы. Они пригодятся...

Зинаида Ивановна, не сдержавшись, ругнулась в трубку.

- О, я вижу, вы совсем оправились! – немедленно съязвил вымогатель. – Это хорошо, с вменяемым человеком проще вести дела.

Пришлось позвонить в «Евсей», что сегодня никак не сможет приехать. Сослалась на внезапную болезнь.

Через полчаса примерно Евсеева, пробравшись между домами, осторожно подрулила на своей двухдверной «Ауди» к небольшому старому особняку в не самом далеком от центра, но грязноватом рабочем районе города. Здесь располагалась небольшая, не слишком известная в Краснохолмске адвокатская контора. Ее сотрудники и не стремились к широкой популярности: главное, на чем они специализировались, - юридическое обеспечение и при необходимости сопровождение разного рода сомнительных сделок, связанных с насильственным отъемом собственности. Деньги на этом зарабатывались грязные, зато большие.

За дверью Зинаиду Ивановну встретил охранник, попросил документ. Она показала водительское, однако охраннику этого почему-то показалось мало, он потребовал паспорт. Зинаида Ивановна пожалала плечами, достала паспорт. Тот долго сличал фотографии на паспорте и водительском удостоверении, время от времени сравнивал их с живым портретом.

- Справку из вендиспансера не надо? – обозлилась Зинаида Ивановна. – С фотографией в обнаженном виде?

Охранник посмотрел на нее невозмутимо и холодно. В его темных глазах было что-то такое, что заставило ее внутренне съежиться.

- Потребуется – принесете и справку, - так же невозмутимо и холодно ответил охранник. Вернув документы, он кивнул на лестницу. – Второй этаж, приемная. Увидите.

Зинаиде Ивановне не терпелось взглянуть в глаза мужчине, который звонил ей вечером и угрожал. Она отыскала приемную, открыла дверь. Ее встретила милая молоденькая секретарша. Спросила:

- Вы, очевидно, Евсеева? Максим Янович ждет вас. Сейчас я доложу, минуточку...

Максим Янович Северовский, директор адвокатской конторы, оказался примерно сорокалетним человеком среднего роста, с нейтральной блуждающей улыбкой на темноватом лице. В нем было намешано изрядно разных кровей, включая польскую и еврейскую. О наличии первой, видимо, должны были свидетельствовать прямые и необычайно светлые для смуглого лица волосы, второй – характерной конфигурации нос. Отличительной чертой Северовского была удивительная способность – даже глядя собеседнику прямо в глаза, он все равно смотрел как бы мимо и разговор вел так, как будто в это время думает о чем-то куда более важном, чем дела клиента. От этого делалось неуютно, клиент нервничал. Но Максиму Яновичу было все равно. Широкой клиентуры у него никогда не было, а те, кто нуждался в его услугах, твердо знали одно: большие деньги, вложенные в контору Северовского, окупятся с лихвой. По-другому пока не было. Оттого и платили ему щедро. При этом выглядел он и держался скромно – одевался обычно, по городу разъезжал на потрепанной старенькой «Вольво», купленной с рук, интервью прессе не давал и вообще старался поменьше «светиться».

Максим Янович вышел из-за стола навстречу посетительнице, улыбаясь своей блуждающей улыбкой.

- Здравствуйте, Зинаида Ивановна! Присаживайтесь, пожалуйста, располагайтесь, если хотите – курите. Может быть, предложить вам кофе?

Зинаида Ивановна удивилась. Голос Северовского – тихий, какой-то шелестящий, бесцветный – ничуть не походил на голос того, кто звонил ей по телефону. У того мужчины был баритон, не лишенный приятности, говорил он энергично и часто менял интонации. Владелец баритона к тому же казался моложе господина адвоката.

Евсеева села, взяла предложенную сигарету, хотя курила редко. Все же спросила:

- Скажите, это вы мне звонили вчера домой?

Северовский выставил ладонь.

- Что вы! Я такими вещами не занимаюсь. Я, понимаете, юрист, мое дело – бумаги. Пришел клиент, попросил об услуге – разумеется, не бесплатно, - я ему эту услугу оказал. Все законно, никаких звонков, никаких ненужных разговоров.

- Кто звонил, вы знаете? Мне бы хотелось увидеть этого человека.

Северовский снова выставил ладонь, изобразив легкое раздражение.

- Зинаида Ивановна, я же сказал: моя забота – бумаги. Кого и зачем вы хотите видеть, мне неинтересно, я вам в этом не помогу. Если вы не готовы к встрече, так и скажите. Я передам клиенту, что разговор не состоялся, и мы не станем с вами отнимать друг у друга время, - хитренькие глазки Северовского уставились мимо нее.

Евсеева поспешно ответила:

- Нет-нет, это я так... Я готова к разговору...

Оформление сделки по передаче частной фирмы «Евсей» со всеми дочерними предприятиями от вдовы Сергея Викторовича Евсеева к новому собственнику заняло всего несколько дней. Ей не назвали новых хозяев, а когда подписывала документы, фирменную шапку с названием юрист деликатно прикрывал листом бумаги. Сделка была не безвозмездной, но когда Зинаиде Ивановне назвали сумму, которую она должна получить за предприятие мужа, она не выдержала.

- Максим Янович, я не бизнесмен, но я экономист, - сдерживая ярость, говорила она Северовскому. – К тому же я изучала состояние бизнеса Сергея. И хорошо представляю себе, сколько он стоит. Имейте совесть! Цена, которую вы назначили, грабительская. Наша квартира стоит втрое дороже, а ваш клиент ведь не квартиру покупает.

Северовский молча пожал плечами, с неизменной своей улыбкой посмотрел мимо Евсеевой, встал, начал собирать в папку бумаги, давай понять, что в таком случае разговор окончен. Она с любопытством смотрела за его действиями.

- Что вы намерены теперь делать? – спросила Зинаида Ивановна.

- Разумеется, в первую очередь я обязан известить клиента, что сделка не состоялась. Продавец отказался.

- Я не отказываюсь, вы ведь понимаете – в моей ситуации отказываться невозможно. Но назначьте разумную сумму! Не может же быть цена бизнеса так унижительно мала.

- Зинаида Ивановна, - Северовский почти перестал улыбаться, взгляд его стал холодным, хотя был направлен все так же мимо, - я вам уже устал объяснять. Я ничего самостоятельно не назначаю. Мое дело – юридически

оформить процедуру передачи собственности. Цену назначает клиент. Если угодно, мои полномочия ограничены его прихотями. Решайте – или мы подписываем с вами предложенные документы, или... У меня много дел, Зинаида Ивановна.

Откровенный цинизм продажного адвоката, неприкрытый фарс, в котором не только низвергалось юридическое право, но топталась личность, - все это производило впечатление мерзкое, оставляло чувство гадливости. Делать было нечего. Зинаида Ивановна подписала бумаги, взамен получила деньги наличными – здесь же, не выходя из кабинета. Не выдержала, усмехнулась:

- То, что вы мне сейчас «черным налом» заплатили, тоже законно? У вас, юристов, так принято?

Северовский ничего не ответил – стоял, улыбался, ждал, пока она уйдет. Уже на пороге Евсеева, вспомнив, обернулась.

- Скажите, Максим Янович, а что это у вас охранник такой странный? Я уже несколько дней подряд к вам хожу, он всякий раз требует с меня паспорт и сличает фото так тщательно, будто я каждый день паспорт или хуже того – лицо меняю.

Северовский впервые за все время не просто улыбнулся – исторг что-то вроде смеха.

- Это он от скуки. Он раньше в ВОХРе служил, зэков охранял.

- То-то взгляд у него такой... фашистский, - Зинаида Ивановна вышла, унося с собой пустоту и омерзение.

На следующий день в ООО «Евсей» прибыли новые хозяева. Молодой человек с внешностью рэкетира и приятными манерами вошел в приемную директора, свободно улыбнулся.

- Здравствуйте, Танюша! Мы ведь с вами уже однажды знакомились? Вот и славно. Сделайте нам с коллегами кофе, подайте его в директорский кабинет. И пригласите сюда же в кабинет всех сотрудников, которые на месте.

Таня, не успев ничего ответить, растерянно наблюдала, как молодой человек в сопровождении еще двоих незнакомцев входит в кабинет ее покойного шефа. Она ничего не знала, но новых хозяев почувствовала сразу. Сделала три крепких кофе, отнесла в кабинет. Молодой человек – как она поняла, главный – сидел в директорском кресле. Он улыбнулся ей, сказал без предисловий:

- Если у вас нет других желаний, вы можете остаться работать на прежнем месте. Оклад мы вам повысим вдвое, вне зависимости от того, каким он был прежде. Устраивает?

Через несколько минут в кабинете директора собрались все сотрудники фирмы. Молодой человек, представившийся Иннокентием Никифоровичем – ветхозаветные имя-отчество никак не вязались с его обликом, - встал, прошелся по кабинету. Сотрудники недоуменно молчали, ждали.

- Уважаемые коллеги, - произнес он, наконец, - я должен сообщить вам новость. Вдова вашего бывшего директора и владельца фирмы Сергея Викторовича Евсеева, Зинаида Ивановна, после некоторых раздумий приняла единственно верное, на наш взгляд, решение. Она никогда не занималась практическим бизнесом, не имеет ни малейшего опыта руководства любым предприятием. И она решила поэтому не менять свою жизнь, не связывать дальнейшую судьбу с этим непривычным для нее делом. Бизнес мужа она, как законная наследница, передала нашей фирме. Почему она выбрала нас? – Иннокентий Никифорович пожал плечами. - Наверное, потому, что у нас солидная репутация на рынке.

- А кто вы? Как называетесь? – спросил кто-то.

- Об этом я скажу после. Это неважно. Название ООО «Евсей» мы менять не будем. И вообще ничего не станем менять. Кроме одного, - тут он улыбнулся. – Для всех, кто останется работать на своем месте, мы существенно пересмотрим систему оплаты труда. В сторону повышения. Увольнять не станем никого. Поэтому я и назвал вас коллегами, и намерен так называть впредь.

Иннокентий Никифорович замолчал, послушал тишину, установившуюся в кабинете. Удовлетворенно потер руки.

- Я так понимаю, что пока желающих уволиться нет? Вот и славно! Тогда позвольте мне сейчас представить вам новых руководителей предприятия. Федор Михайлович, ваш новый финансовый директор. Бывший финансовый директор станет его заместителем с сохранением прежнего заработка. Если, конечно, пожелает, - Иннокентий Никифорович сделал паузу. – Вот и славно! Григорий Леонидович, новый главный бухгалтер. А вы, - он указал пальцем на бывшего главбуха, - отныне занимаете должность его заместителя. Разумеется, прежний заработок мы вам сохраняем. Ну а теперь главное. Ваш новый генеральный директор. Первого руководителя мы не стали искать на стороне. У Евгения Павловича немало заслуг перед вашей – нашей, прошу прощения – фирмой.

Сотрудники в полном недоумении смотрели, как со стула поднялся бывший заместитель директора фирмы по кадрам Евгений Павлович Дегтярев. Тот самый, из кабинета которого Евсеев сделал свой последний в жизни звонок в редакцию. Дегтярев никогда ничем не блистал, да и возраст его – за пятьдесят – никак не предполагал в нем первого руководителя. Евгений Павлович пунцово улыбался, неловко кланялся коллегам.

Иннокентий Никифорович сделал широкий жест:

- Вас прошу на свое рабочее место, а вас, - обвел он рукой собравшихся, - прошу любить и жаловать нового директора. Любить, впрочем, не обязательно. Важно подчиняться.

Евгений Павлович суетливо сел в кресло директора. Представитель новых хозяев сказал еще несколько напутственных слов коллективу, затем попросил всех разойтись по рабочим местам. Они остались вчетвером в директорском кабинете.

Глава 15

Через несколько дней после разговора в редакции участники «оперативной группы» по расследованию чего-то, о чем сами пока имели смутное представление, собрались на конспиративной квартирке Сергея Юрьевича. Редактор хотел было по обыкновению прихватить с собою бутылочку-другую – «чтоб лучше думалось», - Света воспротивилась категорически. Ее поддержали Володя и Магомед, а после, по телефону, Вера – ее тоже известили о «планерке». Юрьич сопротивлялся, как лев, но против большинства оказался бессилён.

- На фига мы тебя взяли только, Светлана Юрьевна! – горестно качал он кудрявой головой. – Один от тебя деструктив, ничего больше!

Смирился.

Повод для общего сбора был серьезный. До сих пор, несмотря на принятое решение, группа сумела лишь пунктирно наметить какой-то план действий. Виной – отсутствие информации от Виталия Сергеевича Фролова. Чтобы что-то

предпринимать, надо было четко представлять себе, куда в конечном счете уходят деньги предприятий со счета фирмы «Евсей Плюс». Скорее всего, деньги уходили в выборный фонд Хлопкова. Журналисты были в этом убеждены. Сомнения покойной Лены Поздняковой они всерьез не приняли. Но все равно, чтобы все доказать и обо всем рассказать читателям – электорату, - нужны были, как говорил еще раньше Юрьич, детали и документы. Их мог раздобыть только капитан Фролов. Свистунов кипел нетерпением, ежедневно по несколько раз звонил капитану – скоро? Тот отмахивался: иди к черту! И вот, наконец, сегодня позвонил сам: «Есть разговор». В тоне его было что-то, от чего Свистунов радостно подпрыгнул – и помчался на встречу с капитаном: не по телефону же сообщать ему адрес «штаб-квартиры». Она располагалась неподалеку от редакции, почти в центре города, в одном из старых пятиэтажных домов, уютно укрытых от суеты проезжей улицы большими тополями, такими же старыми, как сам дом.

Чтобы не очень привлекать внимание соседей, приходили потихоньку, парами. Впрочем, соседи, главным образом пенсионеры, привыкли к тому, что в этой квартире время от времени появляются какие-то люди, иногда двое (Юрьич и... ну, кто-нибудь еще), реже несколько человек. Временами из квартиры доносится музыка – не слишком громкая, и вообще – кто бы там ни собирался, ведут себя прилично, хотя в доме и не живут. Соседи успокоились и на квартиру больше не обращали внимания.

Виталий Сергеевич пришел последним. Он обвел всех веселым взглядом, сделал руками что-то такое театральное – и стал рассказывать. Когда закончил, остальные выглядели растерянными. Юрьич медленно потянулся к пачке «мальборо», закурил.

- Получается, что все деньги, которые предприниматели под чьим-то нажимом вынужденно перечисляют на счет «Евсей Плюс», в итоге предназначены для поддержки германского медиа-бизнеса приснопамятного Василия Николаевича Лернера, - задумчиво проговорил он. – Круто. Все что угодно мог вообразить, кроме этого. Документы, надеюсь, имеются?

- Обижаешь, начальник, - сказал Фролов, и, похоже, действительно обиделся. Полез в портфель за документами.

- Не обижайся, Виталий Сергеевич. Просто... больно уж странно все. Кто и как мог надавить на краснохолмских бизнесменов, чтобы они так вот запросто решили поделиться своими денежками с бывшим замом губернатора?

- Которого к тому же ни один из них на дух не выносил? – добавил Магомед.

- Именно. Это вопросы. Но мы и ответ один получили.

- Конечно, - подхватил Свистунов, - теперь примерно ясно, о чем собирался рассказать тебе, Света, Сергей Евсеев и за что его убили. Телефонный разговор подслушали.

- Кстати, - хлопнула себя по лбу Вера, - забыла совсем: в «Евсее» новый директор. И не только директор, а еще финдиректор и главбух.

- Вдова так энергично принялась вести бизнес? – удивился Комаров.

- Если бы вдова, - усмехнулась Вера. – Вдова по неясной причине продала евсеевский бизнес некой фирме – название сейчас не вспомню, но оно у меня есть, я ведь по-прежнему их сопровождаю. По слухам, которые бродят в «Евсее», продала за копейки. Похоже, на нее наехали. А вчера я имела честь познакомиться с новым генеральным директором. Это бывший зам Сергея Викторовича, Дегтярев, абсолютно серая личность, в лучшем случае

аккуратный исполнитель. Посажен, похоже, как зиц-председатель. К делам «Евсея Плюс» его не подпускают, компьютер со всеми данными по банкам и счетам плательщиков перенесли в кабинет нового финансового директора. Неприятный тип... Вот бывают такие люди – совершенно без выражения лица. А посмотрит – как из могилы.

- Ты по делу, - нетерпеливо попросил Володя.

- Да, собственно, все. Новый главбух – такой же урод. Старых финансового и главбуха пока оставили в замах, но скорее всего, уволят.

- А кто представлял их от хозяев? – спросил заинтересованно Магомед.

- Не знаю. Говорят, какой-то молодой человек с приятными манерами, но внешностью «бычка». Не видела сама, и никто его не знает. Владельцы, кстати, нездешние, фирма, купившая бизнес у Евсеевой, «прописана» в Новосибирске.

Вера замолчала. Остальные тоже молчали, переваривая услышанное.

- Зря ты, Серега, все же водки не взял, - вздохнул Свистунов. – Слишком много новой информации враз, усваивается плохо.

- Я же говорил, - вяло усмехнулся Комаров. И встряхнулся. – Ладно.

Давайте анализировать и систематизировать. Начнем с сообщения капитана Фролова. Виталий Сергеевич, у тебя ведь есть список предприятий-плательщиков? Давай посмотрим.

В списке оказалось больше десятка одних только крупных фирм, еще десятка три предприятий помельче, вроде надуевского кафе. Главное – большинство владельцев имели репутацию вполне респектабельных бизнесменов. Хотя попадались и другие, вроде Куреева и Кускова. Но таких было мало.

- Слушай, Серега, а эти-то что тут делают? – Володя ткнул пальцем в «КоКур». – Куреев с Лернером были первыми друзьями, неужто он и их как-то сумел обусть?

- Шут его знает. Может, они по-дружески ему платят, добровольно.

- А может, они и стоят за всей комбинацией? Удобно ведь – «Евсеем» прикрыты, сами платят, никто ни в чем не заподозрит... - Магомед был уверен, что высказал верную мысль. Свистунов хлопнул его по плечу.

- Мага, бросай бизнес, айда в расследователи! Я не шучу – ты в точку попал, нюхом чую!

- Ну, и что нам это дает? – спросил сам себя Комаров. – Что будем делать? – и сам себе ответил: - Публиковать, конечно! Если мы напечатаем подробную информацию о том, как некие силы используют фирму «Евсей», да еще снабдим эту информацию списком предприятий, подвергшихся рэкету, шум поднимется непременно. Бизнесменам мы вряд ли навредим, от них утечка такого объема информации исключена, и это прекрасно понимают те, кто стоит за акцией.

- Почему исключена? – спросила Света.

- После убийства Евсеева? Да они сами и не знают ничего, я в этом уверен! Евсеев один знал, и то не все. Вряд ли он знал, например, кто конечный получатель собранных сумм. Виталий Сергеевич, я правильно понял, со счета «Евсея» деньги уходили не сразу в Германию?

- Не сразу, - отозвался Фролов. – Сначала они перечислялись на счет Новосибирского отделения столичного «Русьбанка», и только оттуда – в Германию.

- Новосибирск, говоришь? – переспросил Володя. – Ну, вот вам и Новосибирская фирма, и отделение банка в Новосибирске. Вряд ли такое совпадение случайно.

- Точно, - Сергей Юрьевич взял со стола принесенные Фроловым бумаги, стал листать их. Поднял голову на капитана. – Слушай, я только сейчас оценил: как тебе это удалось-то? У вас же там, в органах, сейчас, небось, разброд и шатание.

Фролов махнул рукой.

- Если бы разброд, проще было бы. На самом деле высокое начальство выбор сделало и уже служит отчаянно Хлопкову. Ну и на уровнях ниже работу перестраивает надлежащим образом. Есть несколько сотрудников, мыслящих примерно как я, но немного. Большинству наплевать, остальные, даже кто не согласен, предпочитают помалкивать. Сопят в тряпочку. Ну, а как удалось... Чему-то ведь меня в школе учили. Добыл – и ладно. Там, кстати, не только копии есть, но и подлинники.

- Мужики, давайте по делу, а? – взмолился Свистунов. – Конструктива хочу! Что делать будем?

- Так ведь сказано – публиковать, - Света справедливо рассчитывала, что сенсационный материал появится на страницах «Земли Краснохолмской».

Наконец, набросали план мероприятий на ближайшее будущее. Первым пунктом в нем значилась публикация обширной информации на первой полосе «ЗК», там же решили напечатать полный список предприятий, ставших жертвами наезда. Кроме того, необходимо было разобраться в роли Куреева и Кускова во всей истории. Это требовало времени. Решили, что Юрьич попробует разузнать что-то по своим каналам в областной администрации, а Володя попробует раскрутить знакомых газетчиков из Ланска.

- Ну, а с «Евсеем» что будем делать? – спросил Свистунов. – Надо ведь выяснить, кто заставил вдову продать бизнес. Может, так сумеем выйти на главных действующих лиц.

- Как же, скажет она тебе, жди! Напугали, небось...

- Ничего вы у нее не выясните, - вмешалась Вера. – Она уехала.

Оказалось, что несколько дней назад Зинаида Ивановна спешно уволилась из университета, забрала из школы дочку и уехала в неизвестном направлении. Квартиру попросила досматривать соседей, а к свекрови наняла сиделку.

- Ничего себе! – присвистнул Володя. – Здорово ее напугали... Значит, этот конец оборван.

- Не совсем, кажется, - у Юрьича была идея. – Бизнес был продан в считанные дни. Чтобы скоро оформить такую сделку, нужен опытный и не слишком брезгливый юрист. В нашем городе такой один: Максим Янович Северовский.

- Ты хватил! – усмехнулся Магомед. – На чем ты к нему подъедешь? Многие пытались...

- Давайте я попробую! – неожиданно предложила Света. – Вас, - она кивнула на Комарова и Свистунова, - в городе с некоторых пор в лицо узнают, а меня никто не знает. Придумаю легенду какую-нибудь – скажу, что племянница покойного Сергея Викторовича, что хотела бы свою долю получить от сделки, а тетка уехала – так, может, новые хозяева чем помогут? В общем, наплету. А?

Резон в ее предложении был. Действительно, когда минувшей весной они выпустили серию публикаций об убийстве директора завода цветных металлов Королева, о злоупотреблениях чиновников администрации Гусева и их связи с преступниками, это наделало много шума. Авторов и правда стали узнавать на улицах, благодаря многочисленным телевизионным интервью. А Света была в

газетной жизни человек новый, ее даже по имени никто не знал, тем более в лицо. С предложением согласились.

- Только над легендой вам нужно подумать лучше, - посоветовал ей Фролов. – Северовский – умный жулик, недаром до сих пор на свободе.

Остальным – Магомеду, Вере и самому капитану Фролову – было дано задание вынюхивать и выглядывать. На этом совещание на конспиративной квартире завершилось. Расходились, как приходили, по очереди. Договорились такие «штабы» проводить каждую неделю.

А назавтра события завертелись с такой фантастической быстротой, что нужда в совещаниях на некоторое время отпала.

Часть третья

Глава 16

Публикация в «Земле Краснохолмской» наделала шума больше, чем ожидали сами расследователи. Если раньше кто и не знал в городе о существовании такой газеты, теперь узнали все, кто вообще читает прессу. Тираж был небольшой, и номер передавали из рук в руки. В первые часы после появления «ЗК» на прилавках киосков «Розпечати» в редакцию позвонили несколько взволнованных или разгневанных, а скорее – испуганных предпринимателей, чьи фирмы попали в список. На звонки отвечал Юрьич, у Светы было другое задание. Он терпеливо объяснял звонившим, что список получили из надежных источников, что в публикации не содержится ничего, что могло бы повредить течению бизнеса.

- Бизнес не течет, его люди делают, а у людей репутация есть! – слышно было, как собеседник брызжет в трубку слюной. – А вы мне репутацию испортили!

- А вы опровержение напишите, - ядовито предлагал Юрьич.

Звонки, впрочем, скоро прекратились. Большинство владельцев предприятий, которых заставили перечислять деньги на счет «Евсея Плюс», скорее, готовы были поделиться с журналистами информацией. Но, во-первых, они сами знали меньше журналистов. Во-вторых, почти всех их запугали, так же, как запугали Евсева и финансового директора кафе «Ночное», надавив на слабые места. Кому-то пригрозили лишением здоровья, кому-то – расправой с семьей. Несколько горячих голов отважились не подчиниться: двое обратились в милицию, третий решил собственными силами расправиться с наглыми визитерами. Один из обратившихся в милицию в тот же день попал в автомобильную аварию и до сих пор лежал в реанимации, другому, который лично отправил налетчиков, вечером в собственном подъезде темные личности проломали голову металлической трубой, – его койка в палате реанимации стояла рядом с койкой коллеги. Хозяина процветающей страховой фирмы «Надежность» милиция и журналисты искали вторую неделю. Он бесследно исчез на следующий день после того как обратился в милицию. Больше никто из бизнесменов не отваживался на противодействие, в чем бы оно ни выразилось. Ну а после почти публичного расстрела Евсева, сопровождающегося застенчивым молчанием и фактическим бездействием правоохранительных органов и следствия, вовсе стало ясно: за акцией стоят не просто циничные и

беспощадные – очень влиятельные люди. Решили не изобретать приемов против лома. Себе дороже.

Теперь, когда вышла газета, многие с любопытством и некоторым беспокойством ждали, что же будет дальше. Всем – и бизнесменам, и тем, кто стоял за самой акцией – было ясно: утечка информации произошла не изнутри. Значит, кому-то на стороне известно если не все, то многое. Хорошо бы знать, кому. От этого зависит, кем и как информация может быть использована в дальнейшем.

Николай Иванович Кусков, гендиректор фабрики «КоКур», имел обыкновение по утрам прочитывать все газеты, где могли содержаться важные для него сведения. Читал он быстро, глаз имел наметанный и необходимое искал на первых страницах. Новости культуры и спорта его интересовали в свободное от работы время, а честно сказать – не интересовали вовсе. «Земля Краснохолмская» поступала к нему в офис регулярно. Обычно секретарша предварительно сортировала газеты, зная, что заинтересует шефа, что – нет, и приносила все разом. Сегодня она вошла в кабинет директора раньше обычного, принесла всего одну газету.

- В чем дело? – недовольно спросил Кусков. Как все люди, жаждущие власти, он был чванлив и не терпел нарушений заведенного порядка.

- Я думаю, Николай Иванович, вам это нужно прочесть как можно скорее, - секретарша, хотя и была старше Кускова вдвое, прежде никогда не отваживалась советовать ему. Он собрался было сделать ей разнос, взглянул мельком на первую полосу газеты – и подавился непроизнесенными словами. Пробежав заметку, прочтя сопровождавший ее список, он снова поднял глаза на терпеливо ожидавшую секретаршу.

- Что вы на меня уставились? – грубо закричал директор. – Срочно соединяйте меня с Николаем Сергеевичем! Срочно!

Через полчаса он сидел в кабинете у Куреева и грязно ругался.

- Ты смотри, что они пишут: «Есть предположение, что в Краснохолмске переправкой денег на германские счета Лернера руководят его старые дружки – владельцы ланской табачной фабрики «КоКур» Койчин и Куреев (первый, впрочем, от дел с некоторых пор отошел, второй сидит в кресле мэра Ланска), а также ее генеральный директор, больше известный как верный вассал Николая Куреева, Николай Иванович Кусков. Хотя фирма «КоКур» тоже значится в списке предприятий, перечисляющих свои средства на счета Лернера, скорее, это делается просто для полноты картины. Так сказать, в качестве дымовой завесы. Хотя не исключено, что Лернер неофициально участвует в бизнесе Куреева и таким образом просто получает за границей свои российские дивиденды». Пидарасы! – Кусков швырнул газету, вскочил с кресла, заходил по кабинету. Несмотря на молодой возраст – директору «КоКура» не было тридцати, - он был уже довольно грузен, и его быстрые метания от стола к стене со стороны выглядели забавно. – Откуда они узнали? Козлы, пидарасы!

Куреев хохотал, глядя на него из-за стола.

- Да успокойся ты! Тебя что больше разозлило – что писаки откуда-то узнали или что тебя моим вассалом назвали? Успокойся! Давай лучше трезво все взвесим и подумаем, что делать.

Куреев был человек неунывающий, вся внешность его об этом говорила. Высокий, спортивного сложения, светловолосый, с голубыми славянскими глазами, он улыбался почти всегда. Правда, иногда в его улыбке проскакивало что-то хищное, беспощадное. Но это замечали не все.

Сейчас смех звучал искренне, а в улыбке ничего хищного не было. Похоже, его публикация в газете не слишком взволновала. Так и было. Разрабатывая комбинацию, и он и его, так сказать, старшие партнеры хорошо себе представляли, что рано или поздно видимая часть айсберга откроется широкой публике. Не может такая массовая акция пройти незамеченной. И они были к этому готовы. В Дюссельдорфе, откуда Куреев недавно вернулся, они еще раз обсудили с Лернером перспективы. И пришли к выводу: если шум поднимется, это в каком-то смысле им даже на руку. Шум отвлечет от главного. А о главном пока не догадывается никто, даже эти сраные газетчики.

С другой стороны, допускать слишком большой вольности тоже нельзя. Публикации такого рода – вещь заразная. Телевидение проснется, другие газеты, начнут копать – смотришь, и докопаются до чего-нибудь. Уже того, что появилось на странице «ЗК», многовато. Слишком смелые выводы делают журналисты. Слишком прозрачно они намекают на возможную роль Куреева в убийстве бывшего хозяина "Евсея". Неверно, кстати, намекают, убийство Сергея Викторовича – не его рук дело, не его люди старались. Но все равно – лишнее, такая слава ему не нужна. Обременительна. Похоже, этот шелкопер Свистунов далеко пойдет. Если, конечно, вовремя его не остановить. А остановить можно.

Пока его «вассал» мерял шагами кабинет и изощрялся в ругани, Куреев придумал, как предотвратить дальнейшие действия журналистов. Свистунова, в частности.

Кускова он в тонкости всей операции не посвящал: во-первых, недостаточно умен, во-вторых... Впрочем, и первого хватит. И теперь, чтобы осуществить намеченный план, ему не пришлось раскрывать Кускову никакой дополнительной информации.

- Садись, - властно указал он Кускову на стул. Улыбка исчезла. Черты лица стали хищными. – Слушай меня. Значит, делаем так...

Ближе к обеду в редакцию позвонил начальник пресс-службы областной администрации Матвей Хабаров. Спросил прямо: откуда информация? Комаров посмеялся в трубку:

- Ну ты, братан, даешь! Кто же тебе скажет? Мы своих источников не раскрываем.

С Хабаровым они были в отношениях не то чтобы приятельских, но, в общем, друг другу симпатизировали. Тот руководил пресс-службой администрации почти весь период губернаторства Гусева, факт говорил о многом. "Ротация" кадров при генерале происходила стремительно. Редко кто из чиновников даже среднего ранга больше полугода держался на месте. Конечно, начальник пресс-службы администрации – не личный пресс-секретарь губернатора, но ответственность тоже очень большая. Хабаров был прекрасным дипломатом, умным и гибким политиком, когда надо – интриганом. При этом отличался достаточной для такой должности беспринципностью. Потому усидел. С прессой он держался не панибратски, но как свой. Этому способствовали два диплома: историка и журналиста.

Матвей помолчал.

- Но доверять-то ей можно?

- Слушай, Матвей Ильич, ты ведь меня не первый год знаешь. Я непроверенной, недостоверной информации не печатаю. "Земля Краснохолмская", правда, не совсем я, но все-таки...

- Ладно ты, - отмахнулся Матвей, - "совсем – не совсем"... Мне-то лапшу не вешай. Только дурак не знает, чей это заказ и кто его оплачивает. И кому платит. Потому тебя и спрашиваю – стопроцентно ли надежна информация?

- К сожалению, стопроцентно.

Хабаров шумно вздохнул.

- Тут, в Сером доме, сегодня такое творится из-за вас... Никто, главное, понять ничего не может. Если бы деньги уходили на чей-то выборный счет, было бы ясно. Почему Лернер? Почему за граница? Если это все-таки связано с выборами – кого он намерен спонсировать? В общем, полный ступор.

Хабаров опять помолчал. Потом спросил осторожно:

- А ты мне сами документики не покажешь?

Комаров опять засмеялся.

- Ты ж мне за этим и звонил! Нет, дорогой, при всем уважении – не дам и не покажу. Пользуйся вторичным источником. Он не менее достоверен, чем самые подлинные подлинники.

- Ну, ладно, - снова вздохнул Хабаров. – Тогда хоть звякни, если чего нового узнаешь.

На том распрощались.

В кабинет редактора зашел Свистунов.

- Ну, как? – кивнул на телефон. – Горячо?

Юрьич не успел ответить. Телефон зазвонил снова. Он развел руками – сам видишь! Снял трубку, посерьезнел. На этот раз звонил сам Виктор Александрович Борода. Он чуть-чуть осторожничал, не стал набирать "вертушку" (у Комарова с былых времен еще осталась прямая связь с Серым домом), связался через секретаршу. Комаров знаком попросил Володю не уходить, подождать окончания разговора.

Борода был непривычно резок.

- Привет, Сергей! – и без предисловия: - Вы что там, озверели все? Вы о чем пишите? Вы что за материалы раскопали? Какое они имеют отношение к нашим с тобой договоренностям? Короче, давай-ка сегодня вечером встретимся у меня – ты и твоя барышня, - поговорить надо, - Борода положил трубку, не дав возможности ответить. "Барышней" он называл Свету Чапанову.

Комаров озадаченно посмотрел на трубку, положил.

- Видал? Чепуха какая-то, - он пересказал короткий монолог будущего кандидата в губернаторы области. Собственно, пересказывать было особенно нечего. – Придется вечером сходить, повидаться. Чего это он вдруг такой недовольный? Хотя – догадываюсь, - он не стал продолжать. - Да, тут еще один важный человек звонил: Матвей свет Ильич. Бумажки просил посмотреть. В общем, вышло все как надо. Шуму мы наделали, воду замутили, теперь бы рыбки словить.

Комарову очень не хотелось объясняться вечером с Бородой. Он не просто догадывался – знал точно, чем недоволен спикер областного парламента. Среди фирм, "жертвовавших" свои кровные немецкому медиа-магнату Лернеру, была одна, к которой Виктор Александрович имел непосредственное отношение. В учредителях значились его жена и сын, на должности директора сидел двоюродный брат, а бухгалтерию вела племянница. Учредители могли и не знать, что часть денег предприятия уходит за границу. Директор и бухгалтер об этом не знать не могли. Бороде было неприятно, информация стала сюрпризом не только для него, но и для многих, кто знал об этой стороне его жизни. Особенно пикантно все выглядело, если допустить, что деньги, собранные

Лернером, все-таки в конечном счете предназначены для финансовой поддержки его соперника на выборах. Комаров все это знал и представлял примерно, о чем пойдет беседа. Как потом выяснилось, представлял не до конца.

Сотовый Свистунова заиграл "Чижик-пыжик".

- Да, Верочка, - ответил Володя. Юрьич невольно поморщился. Его отношения с женой выглядели несколько иначе. Во всяком случае, Анечкой он ее по телефону не называл. Да и без телефона нечасто.

- Ты не теряй меня, - сказала мужу Вера. – Я в Ланск поехала, вернусь вечером.

- В Ланск?! – удивился Володя. - Зачем?

- Позвонил Кусков, попросил приехать.

- Ничего не пойму. У них же здесь головной офис, или я ошибаюсь?

- Да нет, не ошибаешься. Понимаешь, они зачем-то часть бухгалтерии хотят туда, в Ланск перевести из Краснохолмска. Вообще, странно как-то. Логика в этом никакой. Ну, может, какой дурак посоветовал, там после смерти Лены главбух не очень... В общем, попросил приехать, проконсультировать.

- Непременно сегодня?

- Да, срочно.

- Все равно не пойму – почему не здесь, не в головном офисе?

- Ну, чего ты пристал? – начала терять терпение Вера. – Откуда я знаю? Клиент есть клиент. Может, хочет, чтобы я там, на месте, оценила технические возможности. Обещал хорошо заплатить за выездную консультацию. Все, отключаюсь, я уже к "Трем шестеркам" подъезжаю. Позвоню, как стану выезжать из Ланска.

"Три шестерки" – так назывался мост через Великую Сибирскую реку, по которому шла объездная дорога. Так его называли в строительных чертежах, так и сохранилось это неудобное название потом. До Ланска – часа три езды. Вера должна была вернуться, получается, поздно вечером. Не любил он, когда жена надолго исчезала из дома. Юрьич понял по его лицу, что Свистунов чем-то недоволен, поднял вопросительно брови. Тот объяснил. Юрьич махнул рукой – нашел, мол, о чем беспокоиться! И вдруг спросил:

- Слушай, а чего это Куреев с Кусковым не звонят? Их мы тоже помянули. Вот, получается, даже кстати, что Вера туда поехала – глядишь, узнает что-нибудь.

Володя согласился, но на душе после звонка жены почему-то стало тревожно. Чтобы наладить настроение, предложил Юрьичу выпить. Сегодня он был в редакции без машины. Редактор открыл бар.

... Через несколько километров от районного центра Осиновка, когда дорога в сторону Ланска становится просторной и хочется поднажать, Веру остановил сотрудник ДПС. Он поднял жезл и показал: прижаться к обочине. Она подчинилась. Совесть ее была чиста, она еще не успела разогнаться и, хотя на спидометр не смотрела, уверена была – скорость вряд ли превышала норму. Так, скучно мужику, вот и решил поговорить с умным человеком.

Опустив стекло, протянула документы. Не любила она выходить из машины, когда ее останавливали без дела. Однако гаишник вежливо, но настойчиво попросил выйти, открыть багажник. Пришлось снова подчиниться. Открывая багажник, боковым зрением увидела сзади черную "Ауди"- "шестерку". "Ауди" тащилась за ней от самого Краснохолмска. Вера терпеть не могла таких водителей, которые ездят на хороших машинах со скоростью черепахи, а главное – садятся на хвост и маячат сзади. В Осиновке

черная машина куда-то исчезла, Вера подумала – совсем, и забыла о ней. И вот снова появилась.

Сотрудник ДПС заглянул в багажник, зачем-то еще раз посмотрел водительское, свидетельство. Наконец, медленно протянул ей документы. "Ауди" между тем вовсе не собиралась объезжать Верину "короллу", наоборот – затормозила и остановилась у обочины позади, метрах в пяти. Открылась водительская дверь, из-за руля вышел высокий плотный молодой человек в черных очках, с короткой стрижкой, похожий на вышибалу, и направился к ним. Сотрудник ДПС, который осматривал машину Веры, вдруг сказал ей:

- Я полагаю, вам лучше пересесть.

- Куда? – она еще ничего не понимала.

- Туда, - безразлично кивнул гаишник в сторону черной "Ауди".

В следующее мгновение Вера сообразила: не бывает на дорогах одиноких сотрудников ДПС, да еще без автомобилей. Как она сразу не догадалась! Решение пришло мгновенно. Она изо всех сил толкнула лжемилиционера в сторону человека из "Ауди", рванулась к своей машине, прыгнула в тесный салон. Обычно сотрудники ДПС, остановив на дороге водителей, просят их заглушить двигатель. Сотрудник был не настоящий, и двигатель работал. Это сохранило драгоценные секунды. Она рванула рычаг переключения передач и сразу до конца надавила на газ. Коробка-автомат повела себя, как надо. Колеса брызнули землей с обочины, машину слегка занесло, волчьи шелкнул и захлопнулся багажник – "королла" помчалась вперед, бешено набирая скорость. Вера отлично понимала, что ее старенькая "японка" – не новая "шестерка"- "Ауди", что преследователи ее рано или поздно нагонят. И правда, через несколько секунд в зеркале заднего вида она разглядела черный автомобиль, который даже на беглый взгляд двигался заметно скорее, чем она. Вера лихорадочно соображала, как поступить. Если она сумеет вернуться в Краснохолмск раньше "Ауди" или хотя бы раньше вернуться в Осиновку, в людном месте преследователи не рискнут ее трогать. Но боковых дорог, ведущих прямо в областной центр или хотя бы в Осиновку, не было, для этого необходимо было повернуть назад. Вера поняла отчетливо, что попала в западню, из которой ей вряд ли удастся выбраться. Она по инерции давила на педаль газа, стрелка спидометра – это она мельком заметила – завалила за 150, и все же черная машина неотвратимо, как судьба, хотя и не так скоро, все же нагоняла ее. Вера готова была заплакать и заплакала бы наверняка, если бы это не стоило жизни.

Навстречу мчались автомобили. В каждом сидели люди, не имеющие представления о том, что несчастную белую "короллу" преследуют бандиты. Она по инерции продолжала давить педаль, обгоняя попутные машины. Впереди показался широкий вальжный корпус джипа "Тойота Лэнд Крузер". Вера включила левый поворот – и в этот момент узнала номер. Обогнав джип, она снова перестроилась в правый ряд и стала тормозить, отчаянно сигналив и мигая аварийкой. "Короллу" занесло и выбросило на обочину боком – хорошо, не сбросило с дороги вовсе. Вера на какой-то момент оцепенела – сидела, продолжая стискивать руль, и не могла сообразить, что надо выключить передачу. В боковое зеркало она видела, как встревоженный Магомед уже бежит к ней. Джип косо стоял у обочины, в нескольких метрах от ее машины. В тот момент, когда Магомед подбежал к машине, а она выходила навстречу, черная "Ауди" не торопясь догнала их. Вера хотела закричать Магомеду: "Ложись!" – не успела и от страха закрыла глаза. Ничего, однако, не произошло. Выстрела не

было. Вера открыла глаза – и увидела медленно (так ей показалось) исчезающий вдаль черный зад "Ауди". Машинально запомнила простой номер: К060КК.

Магомед стоял рядом и смотрел на нее в недоумении.

- Вера, что случилось? Ты белая!

Вера, не отвечая, без сил повисла на его руках.

- Мага, тут такое было...

До Краснохолмска Верину "короллу" вел напарник Магомеда по бизнесу, с которым они вместе ехали в джипе. Вера, пока возвращались, все рассказала Магомеду. Тот скрипел зубами. Но черная "Ауди"- "шестерка" была далеко.

Глава 17

В публикации, помещенной в очередном номере "Земли Краснохолмской" и наделавшей много шума, не стали упоминать о том, что фирма "Евсей" была продана вдовой неким новосибирским предпринимателям, а сама вдова спешно уехала. Оставили до того времени, когда сумеют раздобыть что-то более определенное. Света Чапанова взяла на себя обязательство навестить адвоката Максима Яновича Северовского. Она все утро готовилась к визиту – красилась, прикидывала, во что нарядиться. В самом конце сентября, в последние дни его случился рецидив лета: столбик термометра неожиданно подскочил до плюс восемнадцати, что для Восточной Сибири в эту пору – большая редкость. Одеться поэтому можно было повольнее. Хотя ни Света, ни Юрьич не знали, как Северовский реагирует на женщин, одетых вольно. Жены у него не было, жил он довольно скрытно, одно время ходили слухи, что Максим Янович интересуется больше мальчиками, чем девочками. Света все же решила рискнуть и надела на себя то, что считала максимально соблазнительным: короткую полупрозрачную кофточку с черным бюстгалтером под ней, поверх легкую накидку – что-то среднее между шарфом и платком, - рискованно короткую юбку, телесного цвета тонкие колготки и летние туфли на высоком каблуке. Все это пришлось доставать из чемодана, куда она обычно по осени убирала летнюю одежду.

В особняке, где располагалась адвокатская контора Северовского, ее на входе встретил тот самый охранник, что придирчиво изучал документы Зинаиды Ивановны Евсеевой. Он спросил без выражения, когда Света поздоровалась:

- Вам назначено?

- Нет, но надеюсь, сейчас будет назначено, - Света улыбнулась как могла обворожительно.

Охранник, не ответив взаимностью, кивнул на висящий на стене внутренний телефон:

- Звоните в приемную. Хотя вряд ли это случится так скоро. У Максима Яновича много дел.

Света отыскивала в списке номеров над аппаратом нужный, набрала. Ответила секретарь. Света, не называя фамилии, сказала, что она – племянница покойного Сергея Викторовича Евсеева, что поздно узнала о его смерти, приехала к тетке, но и ту не застала...

- Мы – не адресное бюро, - нетерпеливо прервала ее секретарь Северовского, - если у вас дело к Максиму Яновичу, говорите по существу.

Света стала говорить по существу. По ее сведениям, Зинаида Ивановна Евсеева, прежде чем уехать, продала бизнес мужа. Она, племянница, живет небогато, потому хотела бы получить свою долю от сделки. Она, конечно, не

ближайшая родственница, но все же не чужая и, наверное, ей что-то причитается по закону. Если нет – пусть ей, племяннице, об этом скажет квалифицированный юрист, и она уедет восвояси.

- Какое отношение ко всему этому имеет Максим Янович? – секретарь, похоже, была обучена как надо.

- Мне сказали, что именно он оформлял сделку по продаже фирмы Сергея Викторовича.

- Где вам это сказали?

Света секунду помедлила и лягнула наобум:

- В милиции.

В трубке возникла короткая пауза. Затем секретарь изменившимся тоном – похоже, она сдерживала смех – сказала:

- Хорошо. Вы сейчас побудьте там, на вахте, я доложу Максиму Яновичу о вашей просьбе – посмотрим, чем мы сможем вам помочь. Я позвоню через несколько минут.

Света поняла, что сморозила глупость насчет милиции. Было, однако, поздно. Оставалось и дальше играть роль полной дуры.

Минуты через три выяснилось, что красилась и наряжалась она напрасно. Максим Янович назначил ей встречу на завтрашнее утро.

- На десять часов вам будет заказан пропуск. Только без опоздания, пожалуйста. У Максима Яновича много дел, - секретарь положила трубку.

Света попрощалась с охранником, тот ей не кивнул даже. "Хам!" – подумала она и вышла из неприятного заведения. В редакцию не поехала. Делать ей там сегодня особенно было нечего. Номер вышел, судя по всему – пользовался популярностью, об этом она узнала, заглянув в пару киосков "Розпечати". Они заранее предвидели, что после его выхода в редакцию будут звонить, и от ответов на телефонные звонки ее тоже избавили заранее. Пусть Юрьич отдувается. Может она, в конце концов, за полтора месяца первый день потратить на себя? Редактор она или кто? И Света решила устроить себе выходной.

Для начала она набрала мобильный номер Сергея. Они вторую неделю встречались, и Свете в общем нравилось то, что у них складывается. Хотя... Было одно, что ее смущало. Женская интуиция тоньше мужской. Света чувствовала, что Сергей с ней не до конца искренен. Не тогда, когда о чем-то рассказывает или делает комплименты – как раз комплименты выходили вполне искренними, а делами его бизнеса она по привычке, приобретенной еще со времен замужества, не интересовалась. Сергей был неискренним в постели, и это ее огорчало. Вроде и ласкал он ее, и удовлетворение взаимное они в этих ласках находили, а чего-то не хватало. Присутствовала в его жестах, даже в эмоциях какая-то дежурность. Света старалась не обращать внимания, списывала все на природную холодность, эмоциональную сдержанность Сергея и намеревалась со временем ледок растопить. В остальном же все было хорошо, и каждой встречи с ним она ждала с нетерпением. Случались, правда, эти встречи не так уж часто.

Сергей ответил сразу. Она сказала, что внезапно выпал выходной, спросила, не может ли он так же внезапно устроить выходной себе. Он извинился, сказал, что днем никак не может, а вот вечером... У Светы радостно стукнуло сердце.

- Значит, вечером увидимся?

- Конечно, девочка!

Договорились, что к восьми часам она подъедет к Сергею домой.

Света побродила по городу, зашла в кафе, съела мороженое, выпила кофе. Еще побродила. Зашла на парочку живописных выставок краснохолмских художников, одна – традиционная осенняя, с участием многих настоящих мастеров – ей очень понравилась, и она долго расспрашивала служителей выставочного зала, как и за сколько можно приобрести понравившиеся работы. Света мечтала после выборов купить квартиру – Юрьич пообещал помочь найти недостающую сумму, - а в квартире повесить хорошие картины. В общежитие покупать их не имело смысла.

С ворохом буклетов художников она зашла в церковь, поставила свечку, помолилась про себя: "Прости, Аслан, если что не так! Ты ведь хотел мне счастья..." Хотя и была она женой мусульманина, сама себя считала христианкой. В церковь, впрочем, ходила редко.

Потом еще побродила, зашла пообедать в кафе, съела невкусный бизнес-ланч... Посмотрела на часы, вздохнула, поймала такси – и отправилась в редакцию. Было около трех часов дня.

В кабинете шефа Света застала редактора, Володю Свистунова, Магомеда и Веру. Удивилась – что это подруга здесь делает посреди рабочего дня? Хотела спросить – не спросила: Веру отпаивали валерьянкой и коньяком.

- Что случилось?

Ей рассказали.

Володя негодовал, все подсакивал к телефону, порываясь позвонить "этим мудакам". Юрьич не давал ему звонить.

- Ну, наберешь ты Куреева – и что скажешь? Что ты ему предъявишь, какую претензию? Что по дороге в Ланск, где он мэром, твою жену собирались не то убить, не то похитить? Второе, кстати, скорее: хотели бы убить – убили бы.

- Я тебе уже как-то говорил, Серега, что тоже тебя очень люблю! - горячился Свистунов. – Что ты предлагаешь взамен – все им простить, все оставить, как есть? Хороший друг!

- Да успокойся ты! Или тебе тоже валерьянки накапать? – Комаров почти насильно усадил Володю на стул. – Я ничего не предлагаю оставлять, как есть. Но действовать надо ра-зум-но. Или ты не согласен и с этим? – Володя счел за благо промолчать. – Вот что я предлагаю...

Придя немного в себя после изрядной дозы валерьянки и поряточной – коньяку, Вера, наконец, смогла говорить и действовать спокойно. Она набрала ланский номер телефона Николая Ивановича Кускова. Разговор на всякий случай решили записать на диктофон. Когда Кусков взял трубку, Вера придушенным голосом спросила:

- Николай Иванович?

Тот замешкался, услышав ее.

- Да, я...

- Это Вера Свистунова. Я не смогла до вас доехать сегодня, вы уж простите...

Кусков уже совладал с собой.

- Почему? Я ведь не случайно просил, нам это срочно надо сделать.

- Думаю, вам знакомо понятие – форс-мажор.

- Какой, к черту, мажор?! Какой форс?! – Николай Иванович стремительно вживался в роль, начинал по-театральному фальшивить. – Мы ведь вас не за красивые глазки любим – мы вам деньги платим!

Чтобы осмыслить этот экзерсис Кускова, Вере потребовалось время. Она хоть и не филолог, но с русским языком в общем ладила. Кусков был не только непроходимо туп, но и абсолютно безграмотен.

- Приезжайте немедленно, – продолжал кричать в трубку директор "КоКура", - иначе мы откажемся от ваших услуг раз и навсегда!

- Николай Иванович, меня похитили! – тем же придушенным голосом произнесла Вера.

- Что?! Похи...- Кусков подавился фразой. Такой наглости он от Веры не ожидал. – Кто похитил? Куда?..

- Я сейчас нахожусь... в общем, я понятия не имею, где я нахожусь. Не знаю ни похитителей, ни цели. Просто перехватили по дороге, пересадили в машину – я запомнила, черная "Ауди"- "шестерка", - мешок на голову, привезли неизвестно куда, - Вера вела себя нарочито нахально, голос придушивала по-театральному, тоже нарочито.

Кусков, наконец, пришел в состояние, которого они добивались – потерял самообладание.

- Ты издеваешься, сучка? – заорал он. – Ты... да я... да мы тебя... и всех вас... - он задыхался от злобы. – В общем, слушай меня, коза драная, и передай все, что я скажу, своим уродам – мужу, еще там кто с вами... Если еще хоть одна публикация появится типа той, что сегодня у них в газете вышла – все, уроем всех без права переписки! Поняла?

- Я не поняла – это фирма "КоКура"? Это Николай Иванович Кусков говорит, ее генеральный директор?

- Я, я это говорю, Кусков, и ты прекрасно знаешь, что я! – Кусков, похоже, забрызгал микрофон слюной. – Чего ты картину гонишь? Не поймали тебя на дороге – и ты радуешься? Сука! Все вы там – суки, пидарасы!

- А вы это о чем сейчас говорили только что, о какой публикации? Я ведь в дела мужа не очень вникаю – только когда сам рассказывает. И газет не читаю... – Вера "не замечала" гнусной ругани Кускова. А тот, похоже, совсем съехал с катушек.

- Ты знаешь, блядь, о какой публикации я говорю, знаешь! Иначе не сорвалась бы так просто с крючка! О той самой, где сказано, что мы деньги в Германию из Краснохолмска перечисляем, Лернеру. Все-е-е знаешь, все! Погоди, еще что-то напечатаете – достанем всех! Всех уроем!

Вере надоело общаться с психопатом. Глядя на Комарова, она пожалала плечами – может, хватит? Тот кивнул.

- Ладно, Николай Иванович, убедили, - Вера сказала это обычным голосом, - я вас поняла. И поверила. Думаю, не только я. Наша с вами задушевная беседа записана на пленку. Те, кому я пленку покажу, поверят тоже в ваши угрозы, в этом я не сомневаюсь. Вы ведь человек дела, не так ли? Сегодня вы пытались меня похитить, чтобы прекратить дальнейшие публикации о ваших темных делах, - я правильно поняла?

Кусков, видимо, понял свой прокол и теперь молчал, ошеломленный.

- Молчание – знак согласия, - удовлетворенно сказала Вера. – Ну а теперь...

- А теперь, - Сергей Юрьич забрал у нее трубку, - теперь слушай меня, Кусков. Это Комаров говорит. Если еще хоть раз вы попытаетесь тронуть пальцем хоть одного из наших товарищей, неважно – сотрудник он газеты или родственник, - мы эту запись передадим куда надо. И тогда посмотрим, кто кого уроет. Кстати, Вера тебе сказала не совсем точно: мы записали разговор не на

пленку, а на цифру. Подлинность цифровой записи легче установить. Что скажешь?

Кусков долго молчал. Наконец, промычал:

- Что нужно сделать, чтобы...

- Я понял тебя, - бесцеремонно перебил его Комаров, - я понял, что ты хочешь сказать. Но это мы станем обсуждать с твоим боссом. Предварительно можешь ему передать: цена вопроса стандартная, мы вам запись... нет, не так, - поправил Юрьич сам себя, - мы на ваших глазах стираем запись, не оставляя копий, а вы рассказываете нам подробно, куда и зачем уходят деньги из Краснохолмска.

Кусков что-то снова замычал в трубку - Комаров опять его перебил.

- Ты не думай, у тебя это плохо получается. Ты передай все Курееву, ладно? А мы подождем от него звонка. Только учти, недолго будем ждать.

Кусков, рыча, бросил трубку и помчался к Курееву. Тот жил за городом, у него был роскошный особняк красного кирпича, трехэтажный, с подземным гаражом на пять машин, обнесенный кирпичным же забором и охраняемый частной фирмой. Пару часов назад они оба - директор и хозяин - нетерпеливо ждали известий от того, кто должен был привезти им Веру Свистунову. Когда раньше времени раздался звонок, Куреев сразу понял: дело сорвалось. Узнав подробности, не смог даже материться, только выдохнул устало:

- Профессионалы, вашу мать!.. Разбираться у Громова будем.

У Громова потом, действительно, разбирались. Николай Петрович даже смазал слегка по физиономии владельца черной "Ауди" - не больно, но обидно. Тот обиду запомнил.

Теперь, после звонка Комарова, Кусков не стал пересказывать ситуацию по телефону, предпочел явиться к боссу лично. От ворот позвонил в домофон, сказал, захлебываясь: "Я! Новости!.." Куреев принял без промедления, внимательно выслушал его рассказ, все время улыбался, и улыбка казалась такой же искренней, как утром. Когда Кусков закончил, Николай Сергеевич встал, медленно прошелся по кабинету - и вдруг наотмашь ударил Кускова по лицу.

- Ты что?! - вскочил тот. На губах выступила кровь. Кусков утер ее.

- Сядь, идиот! - прикрикнул Куреев. - Презервативами очередную зарплату выдам тебе.

- Зачем? - Кускову поведение босса было непонятно.

- Чтоб не размножился. Давай сюда телефон.

С Сергеем Юрьевичем Комаровым Куреев был знаком шапочно. Так, встречались несколько раз на светских пьянках, узнавали друг друга - и не общались: хорошо знали, кто есть кто, и друг друга не любили. Сейчас, однако, по телефону поговорили вполне мирно, выказывая всячески взаимное уважение. Хотя Юрьич уважение выказывать не старался, больше ерничал. Издевался. Куреев это понимал, и злость в нем кипела. Но обстоятельства подчиняли, и злость приходилось смирять. Договорились встретиться на следующий день, ближе к вечеру, предварительно созвонившись. На нейтральной, конечно же, территории.

- Где гарантии, что вы не скопируете запись? Цифру скопировать легко.

- Гарантии получите в морге! - радостно ответил Юрьич.

Но на завтра встреча Комарова с Куреевым не состоялась. По обстоятельствам, которые трудно отнести к числу объективных.

Глава 18

В редакции Света пробыла долго. День получился насыщенный событиями, они бурно обсуждали все, что случилось сегодня с Верой, планировали дальнейшие действия. Было ясно: Веру пытались похитить, чтобы заставить журналистов прекратить всякое расследование. Попытка не удалась. Они честно намеревались стереть запись телефонного разговора Комарова с Кусковым (разговор с Куреевым тоже записали – на всякий случай) – после того, конечно, как скопируют ее в компьютер. Сергей Юрьич дал поручение Леше, тот через пять минут отрапортовал: сделал.

У Светы зазвонил мобильник. Сергей освободился раньше, предлагал встретиться сейчас, он готов был забрать ее на своей машине. Света обрадовалась, засобиралась. Остальным, собственно, тоже нечего было делать – рабочий день закончился и по времени, и по существу.

На парковке у редакции осталось к этому времени немного машин. Черная "Ауди" А6 с госномером К060КК подкатила, когда все – Магомед, Юрьич, Свистуновы и Света – спустились вниз. Света, увидев за опущенным стеклом "Ауди" знакомое лицо, стала бегло прощаться. Вера вдруг схватила ее за руку.

- Послушай, это номер того автомобиля, который меня преследовал по пути в Ланск!

Света обиделась.

- Издеваешься? Это мой друг.

- Кто твой друг-то, Света? Ты его хорошо знаешь? Нам ты никогда толком о нем не рассказывала. Так – возвышенно...

- Слушай, Вера, ты мне подруга, конечно, но... Какое отношение может иметь к нашим делам человек, приехавший из Новосибирска, занимающийся бизнесом – би-зне-сом, ты поняла? Не политикой. Как он может тебя преследовать? И зачем? Ты же знаешь – даже я знаю, хотя машины у меня нет: номера теперь раздают как попало, цифры могут совпадать полностью.

- А буквы? – Вера не хотела ссориться, но интуиция подсказывала ей, что она права. – Буквы тоже могут совпадать?

- И буквы могут! – окончательно разозлилась Света. – Все, коллеги, до завтра! – и она побежала к "Ауди". Машина гостеприимно распахнула двери. Водителя они так и не разглядели толком. "Ауди" умчалась.

- Это точно та машина, - твердо сказала Вера. – И лицо, по-моему, того человека. Только без очков черных.

- Да перестань! – Володя приобнял жену. – У Светки же есть какое-никакое чутье. Чего бы она с дерьмом-то связалась?

Вера только покачала головой.

Свету искренне возмутили Верины подозрения. Возмущение носило характер скорее иррациональный: она только-только почувствовала себя... ну, нет, не счастливой еще, но где-то на пути к счастью, - и вдруг смута, сомнения, да еще такого рода... Нельзя сказать, что слова Веры были совсем пустыми. Зерно сомнения они заронили. Но почва оказалась неподготовленной. Зерну не суждено было прорасти.

Света жарко обняла Сергея.

- Соскучилась!..

Тот ответил нежным поцелуем.

- Едем ко мне? – и сам ответил, не дожидаясь: - Едем!

Было все, как обычно. Они выпили по коктейлю – Света терпеть не могла коктейли, а Сергей оказался их приверженцем. Пришлось научиться и ей. Коктейли он готовил сам. Простенькие: две доли крепкого – водки или коньяку, - три – шампанского или белого сухого вина, лимон... Случались и другие комбинации. Он не готовил по рецептам – импровизировал. Сергей налил коктейли в длинные узкие бокалы, зажег свечи, притушил верхний свет. Конечно, включил музыку – когда Света приходила, он чаще всего ставил классику. Она классику любила, еще любила джаз, но он джаз терпеть не мог и ругался все время по поводу джазовых музыкантов: "Лают, как собаки, ни мелодии, ни ритма – ничего! И петь не умеют, и играть. Недоучки, в общем!" Света сначала пыталась спорить, приводила примеры из классики джаза, даже приносила несколько раз диски из своей фонотеки, - на Сергея это не действовало. Она успокоилась. "Что, в самом деле, важнее – чтобы оба любили одну и ту же музыку или чтобы оба... любили?"

- Устала, девочка? – Сергей ласково прикоснулся к ее щеке. – Много работы? Понимаю. Чем ближе к выборам – тем больше. Тем горячее...

- А ты мою газетку-то хоть видишь? – Света потерлась щекой о ладонь. – Бизнес, конечно, и все такое. Занятой ты человек. Но хоть для порядка – знать, чем я занимаюсь.

Сергей виновато пожал плечами.

- Не читаю я газет, понимаешь? Принцип такой: меньше знаешь о сегодня – позднее наступит завтра. Принципам я даже – извини уж, - даже с тобой не изменяю.

Света засмеялась.

- Ну а если я принесу ее сюда и насильно тебя заставлю читать, насильно?! А пока не прочитаешь...

Сергей схватил ее в охапку, закружил, потом опустил на пол, раздел... Дальше – как всегда. Сегодня ее почему-то больше обычного задела та дежурность, с которой он все проделывал. Она, конечно, промолчала. Сходила в ванну, включила холодную воду, смыла с себя, как ей казалось, раздражение. Сергей поцеловал ее на ходу, тоже пошел в ванную. "Ну ладно, ладно, чего ты кипятишься? – уговаривала себя Света. – Все еще впереди. Столько еще впереди – мама дорогая! Еще успеешь его перевоспитать. И джаз полюбит. И тебя..."

Зазвонил мобильный Сергея. Долго звонил. Света не решалась его трогать. Мобильный утих, потом зазвонил снова. Наконец, она не выдержала, подошла к двери ванной, спросила громко:

- Там мобильный звонит, дать тебе?

- Ну его к черту! Пускай звонит.

Она только теперь поняла, что ее неуловимо раздражало в Сергее помимо постельной холодности. Слово "звонит" он произносил с ударением на первом слоге.

Света пожала плечами, отошла от двери. Машинально глянула на дисплей "Самсунга" Сергея – там запечатлелся номер, с которого звонили. Номер показался ей знакомым. Потребовалось немного времени, чтобы вспомнить: номер принадлежал Леше, ответсекретарю и верстальщику "Земли Краснохолмской" в одном лице. Света удивилась. Непроизвольно в памяти всплыл эпизод, когда Вера узнала в номере машины Сергея номер своих преследователей. Света так же произвольно отмахнулась и от воспоминания, и от смутных мыслей, возникших по поводу знакомого номера.

Сергей вышел и ванной – большой, распаренный, розовый, в махровом халате. Желанный. Он расчесывался, хотя темный короткий "ежик" на голове можно было и не расчесывать.

- Там тебе Леша звонил, - томно сказала Света. – Интересно, что у тебя за дела с нашим верстальщиком?

Сергей, кажется, на мгновение замер.

- С кем? Ах, да, с Лешей... Бизнес у нас совместный.

Света удивилась.

- У Леша – бизнес?! Ну, тихушник!

Сергей перезванивал Леше с мобильного, прикрыв двери в комнату. Свету это чуть-чуть покорило. "Странная какая-то игра в шпионов, честное слово!" Но она не стала заостряться. Она так умела – не заостряться, когда не надо.

Несколько раз за оставшийся вечер Света ловила на себе внимательный, пристальный взгляд Сергея. Относила его на счет предложения, которое он сделал ей будто полшутя.

- Что, если бы я тебе предложил замуж за меня выйти?

У Светы стало холодно в животе. Она обрадовалась – и испугалась.

Испугалась больше.

- Подумаю... я подумаю... ладно? – это прозвучало как-то беспомощно, по-детски.

Сергей прохладно засмеялся.

- Ладно. Думай, девочка...

И не добавил: "Только недолго думай". Света женским чутьем угадала – предложил несерьезно. Стало тоскливо. В остальном вечер прошел, как всегда.

Хорошо прошел.

Став редактором "ЗК", Света завела у себя железную дисциплину. Рабочий день начинался в девять утра. По крайней мере, технические работники и она сама появлялись на месте не позже. Корреспондентам она прощала поздние приходы и ранние уходы. За полчаса до того, как идти к адвокату Северовскому, Света вспомнила о вчерашнем звонке Сергею с Лешиного мобильного. Из чистого любопытства решила спросить. Леша повел себя не то что странно – он испугался. И не сумел этого скрыть. Заикаясь, он отвечал ей:

- Я звонил Сергею? Кто такой Сергей? Никакого Сергея не знаю!

Света удивилась и насторожилась. Наконец, справившись с собой, Леша стал говорить более-менее внятно.

- Ну, да, у нас совместный бизнес с... Сергеем – так ты его назвала?

- А ты что, не знаешь, как зовут твоего партнера по бизнесу? – изумилась Света.

- Да знаю, знаю, - досадливо произнес Леша, – просто... тебя проверяю.

Глупость и нелогичность фразы были очевидны. Но времени не оставалось. Надо было на встречу. Она напоследок пристально взглянула на Лешу. Что-то здесь было не так. Махнув рукой, Света пошла к Северовскому.

Давешний охранник внимательно изучил ее паспорт, сделал соответствующую запись в толстой книге, попросил расписаться. Жестом показал, открыв "вертушку": проходите! Света поднялась на второй этаж. Секретарь Северовского оглядела ее придирчиво. Сегодня Света поленилась экспериментировать с одеждой, оделась в обычный свой ежедневный брючный костюм. Кажется, угадала: удовлетворенная секретарша разом подобрела.

- Подождите минуточку! – сказала она Свете и нажала кнопку селектора. – Максим Янович, к вам Чапанова.

- Да-да, мы ее давно ожидаем! – раздался в динамике веселый скрипучий голос. – Пусть войдет!

" Почему давно? И кто это "мы"?" – эти вопросы Света задала себе мысленно, уже входя в любезно распахнутую секретаршей дверь. А войдя в кабинет, немедленно получила ответ. Из-за стола, глядя на нее и мимо нее, ей навстречу поднялся адвокат Максим Янович Северовский. А на стуле рядом с его столом, развалившись и куря тонкую коричневую сигарету, сидел улыбающийся... Сергей. Он тоже встал ей навстречу.

- Ну, что, девочка? Замуж за меня прямо здесь пойдешь или повременим? Света медленно опустилась на стул.

- Так это все-таки... ты?..

Сергей улыбался, помахивал рукой с сигаретой.

- Я, девочка. Я...

- Ну да, - некстати вспомнила вдруг Света, - и фраза эта о том, что не бывает плохих спектаклей, бывает мало коньяку в буфете – она ведь не твоя, она Володи Свистунова. Зачем тебе это все? И кто ты? Тебя ведь не Сергей зовут. Как тебя зовут на самом деле?

- А это, девочка, - Сергей все так же весело помахивал сигаретой, - ты вряд ли узнаешь. Ни к чему тебе это знать.

Через полчаса в редакцию "Вечернего Краснохолмска" позвонили. Скрипучий голос Северовского попросил Комарова. Когда Сергей Юрьевич взял трубку, Максим Янович сообщил ему:

- У нас сейчас тут ваш сотрудник, Светлана Юрьевна Чапанова. Она очень просит, чтобы вы лично принесли нам диктофон с записью известного вам разговора. А еще она очень просит, чтобы вы ни в коем случае не печатали больше ничего такого, что касалось бы известных вам тем. Я не буду пояснять – надеюсь, вы именно такой умный человек, каким я вас себе представляю.

- Вы, Северовский, охренели? Людей стали похищать? Вы же юрист – знаете, что за это полагается.

Комаров сказал это от бессилья. Накануне вечером у него состоялась беседа с Виктором Александровичем Бородой. «Барышню» он с собой брать не стал: пощадил Свету. Борода приказал однозначно: "Тема, что вы подняли, мне на х...й не нужна! Закрывать и забыть, как о дурном сне. Пока еще я, то есть мои спонсоры, финансируют газету. Не послушаешься – пеняй на себя! Хер ты у меня получишь, а не денег". На душе у Юрьича потому было мутно. Он не знал, как сообщить об этом разговоре Свистунову, Свете и остальным. По звонку Северовского выходило: обложили.

Северовский скрипуче засмеялся в трубку.

- Бросьте, Сергей Юрьевич! Мы – то есть я и моя адвокатская контора – никого не похищали. Ваша сотрудница сейчас сидит у меня в кабинете, мы мирно пьем чай, она кланяется вам.

Света в это время, действительно, сидела в кабинете Северовского, но чай не пила. Не могла. Рот ей ласково зажимал Сергей или как там его звали на самом деле. И грозился если что – свернуть голову. По жесткому выражению глаз его Света понимала: не шутит. Ей было страшно. Поэтому она даже не пыталась сопротивляться.

Юрьич устало потер ладонью лоб.

- Ладно, Северовский. На этот раз вы выиграли. Отпустите девушку. Мы не будем ничего публиковать.

- А запись? Запись где?

- Я привезу сейчас запись. Ждите.
- Только не вздумайте сделать копию. Неприятности вам зачем?
- Незачем. Тут вы правы.

Комаров вспомнил, что Леша уже сделал копию с записи. "Ну, погодите, сволочи..." Он попросил Ларису вызвать водителя. Ни с кем не советуясь, через пятнадцать минут Комаров отвез диктофон с записью телефонного разговора с Кусковым в адвокатскую контору Северовского. Тот, глядя мимо редактора, собственноручно стер запись и вернул диктофон владельцу. "Чужого нам не надо, а лишнее... лишнее уничтожим". Церемонно раскланявшись, Северовский проводил Комарова со Светой до выходной двери на первом этаже. Сергея при этом уже не было.

В редакционной машине Света расплакалась от напряжения и пережитых волнений. Она тихонько выла, размазывая по щекам слезы, Юрьич успокаивал ее как мог.

- Ладно, не переживай! Эти сволочи от нас все равно никуда не уйдут. Запись-то мы сохранили, мы все равно ее выдадим в газете и передадим Фролову.

- Где сохранили?

- Леша ее в компьютер переписал.

Услышав это, Света завывала пуще прежнего.

- Леша – стукач, шпион! Он у них на жалованье! Ни записи, ни Леша в редакции, скорее всего, уже нет! А все из-за меня – а-а-а!..

Ни записи, ни Леша в редакции и правда не оказалось. Леша пропал, не появился ни завтра, ни через неделю. Борода категорически приказал закрыть тему перекачки денег из Краснохолмска в Германию. Приходилось выбирать – заниматься расследованием или зарабатывать на выборах. Козырей на руках не было, зато все время существовала опасность со стороны ненормального Кускова и безжалостного Куреева. На коротком совещании, которое Комаров провел у себя в кабинете в тот же день с участием Свистунова и Чапановой (Веру и Магомеда не удалось отвлечь от дел), он своей волей решил расследование временно прекратить. Свистунов на него обиделся, наорал и хлопнул дверью. Света беспомощно смотрела на шефа. Она еще помнила состояние заложницы, состояние тоски, страха и полной безысходности. Комаров хмуро закурил "мальборо", тут же безжалостно раздавил сигарету о пепельницу, выругался, достал из холодильника запотевшую бутылку водки, стопки, закуску, выглянул в приемную. Попросил Ларису позвать Свистунова.

- Если этот псих, конечно, не ушел еще, - добавил Юрьич. Лариса удивленно глянула на шефа.

Света смотрела не менее удивленно.

- Бороться будем! – твердо сказал Юрьич и стукнул по столу кулаком. – И насрать!..

- Как же? – растерянно проговорила Света, хотя уже понимала: она – за. – А если...

- И что? – яростно тряхнул кудрями Юрьич. – И пошли они в жопу!

Глава 19

Последние дни сентября и в Москве выдались теплыми на редкость. Складывалось впечатление, что вот-вот все зацветет. Столичные жители, в последние годы скорее привычные больше к неожиданным и ранним

заморозкам, свирепым зимним снегопадам и почти сибирским морозам, выходили по утрам на работу, недоверчиво надев на себя или в лучшем случае неся в пакетах теплые осенние куртки и зонты. Погода, однако, вела себя честно: солнце улыбалось искренней широченной улыбкой, светило весь день – и отчаянно грело. Температура стояла выше двадцати градусов.

В один из таких солнечных теплых дней на Гоголевском бульваре, на одной из скамеек, расположенных в тени старых лип, встретились Юрий Измаилович Поддубный и еще один человек среднего возраста, среднего роста, среднестатистически одетый, неприятной внешности: треугольный подбородок, маленький рот, низкий лоб, ничем не выдающий наличия интеллекта, непропорционально большой висячий нос, глубокие темные глазки – не глаза, именно глазки, хотя и не такие уж маленькие. При всем этом – серый "кабинетный" цвет лица, привычка нервно скалиться при разговоре и поминутно оглядываться. Сидели они, как сказано, на одной из скамеек, а на противоположной стороне две скамейки заняли молчаливые типы в одинаковых черных костюмах – охрана неприятного человека.

Человек сказал Поддубному:

- Опуская всякие предисловия, диспозиция такова. Как вы знаете, сам ВВП никогда не выказывает напрямую своих политических симпатий, тем более никогда никому не оказывает прямой поддержки на выборах. Той же методы придерживается администрация президента – при известных, конечно, поправках. При этом вы так же хорошо знаете, что предпочтения есть, поддержка обеспечивается, симпатии очевидны. Как и что вы будете делать, нам неважно. Важно, чтобы нового губернатора Краснохолмской области звали... ну, что вам говорить, сами все знаете. Цена, которую вы заплатите за это, нас тоже мало интересует. Вы сами ввязались в эту игру. Назвался груздем – не коси под сыроежку. Что вы получите взамен? Во-первых, вас не тронут, а многих трогать будут. Во-вторых, область в вашем распоряжении. Мы знаем о вашей акции, в которой участвует некий гражданин не то Германии, не то России, не то вообще Израиля, зовут которого не то Лернер, не то Зейтунцян, не то вообще Бернштейн. Мы этой акции не препятствуем. Усекли? И хорошо. Но, - человек нервно оскалился и несколько раз оглянулся, будто опасаясь кого-то, хотя опасаться было некого, - но! Если вы просрете выборы, если имя нового губернатора будет... что говорить – сами знаете, - если все это случится, мы вас сожрем. Со всем тем говном, что в вас есть. Мы не брезгливые. Усекли? И хорошо.

Неприятный человек поднялся со скамейки, пошел по направлению к памятнику Энгельсу. Охрана снялась и направилась за ним. У памятника стояли две машины с мигалками. Человек сел в первую, охранники – во вторую. Визгнув сиренами, "мигалки" отъехали. Человека звали Георгий Варганович Зарифьян. Он был заместителем главы администрации президента России. Поддубный боялся его, как огня. Так и не вымолвив ни единого слова, Юрий Измаилович посидел еще несколько минут, сухо сплюнул, встал и направился через бульвар к своей машине.

Через короткое время в Краснохолмске арбитражный суд начал задыхаться от обилия дел о банкротстве. Все они были подлинными, все требовали немедленного рассмотрения. В области один за другим разорились несколько крупных промышленных предприятий. Акционеры внезапно почему-то решали заменить директора, новый руководитель с согласия совета директоров и – если нужно – собрания акционеров брал в банке крупный, но почему-то безумно

короткий по сроку возврата кредит на выправление дел, дела не выправлялись, кредит не возвращался, банк подавал в суд, предприятие объявлялось банкротом. Все происходило стремительно, как в мультфильме.

Поразительное совпадение: все кредиты отпускались одним и тем же банком. Не просто одним банком – одним и тем же его филиалом. Кредитором выступал во всех случаях Новосибирский филиал столичного "Русьбанка". Основным акционером банка была финансово-промышленная группа Владимира Олегова "ИнтерГросс". Основные финансовые активы, которые в банке находились, принадлежали компании "Заполярская медь".

В один из таких последних сентябрьских дней, как раз тогда, когда журналистское расследование зашло в тупик и надо было решать, что делать дальше, а точнее – практически все начинать заново, не считая, конечно, информации, полученной от Виталия Сергеевича Фролова, - в один из таких унылых дней Свистунову внезапно позвонил новосибирский приятель. Собственно, приятелями они были когда-то. С Ильей Пашкевым они учились вместе в Иркутском университете на заочном отделении. Над фамилией Ильи – Пашкев, с ударением на последнем слоге – однокурсники подшучивали, говорили, что пьяная паспортистка пропустила букву. На что Илья невозмутимо объяснял: фамилия, дескать, древняя, означает... впрочем, что она означает и означает ли вообще что-то, он и сам не знал, а просто напускал тумана. Уж это он умел. Много раз возникали ситуации, когда он являлся на экзамен или семинар совершенно не подготовленным, в результате получал в зачетку «отлично» или «зачет». Играли роль обаяние и умение нести «прекрасную чушь» с фантастической уверенностью.

Володя тогда уже работал в газете, Илья тоже, но жил тогда еще не в Новосибирске, а в Ангарске. Общаться начали уже перед самым окончанием университета, на предпоследнем курсе. С Ильей было интересно поговорить о литературе – «спасибо университету, - говорил он, - здесь меня научили читать книжки», - о профессии, о жизни вообще. Потом Свистунов из университета ушел, завалил сессию и не стал пересдавать. Журналистская судьба вроде начала складываться независимо от диплома, и он просто поленился лишний раз ехать в Иркутск. Это время совпало с периодом семейных неурядиц, стало не до учебы. Отношений с Ильей они не поддерживали.

Несколько месяцев назад Пашкев неожиданно объявился в Краснохолмске. Позвонил в редакцию. Они встретились, выпили, поговорили. Умение Пашкева уверенно пускать пыль в глаза сгодилось: после защиты диплома он окунулся в рекламный бизнес. Сразу организовал свою контору, обзавелся постоянной клиентурой, дела пошли неплохо. Рекламу сменили пиар-технологии – правда, в политику Илья не лез, в выборах участия не принимал. Боялся или брезговал. Но в искусстве паблик рилейшнз поднатерел сильно, преподавал эту дисциплину в одном из новосибирских вузов, писал учебник.

В Краснохолмске он появился с единственной целью: предложить Свистунову совместный проект. Речь шла об издании справочника региональной политической и деловой элиты, за который сама элита и должна была заплатить. Свистунов вяло согласился, сделал несколько честных попыток «раскрутить» местных деловых людей и политиков... Не то лицом не вышел, не то умением убеждать, – ничего из этого не получилось. Он позвонил однокурснику, извинился, на том и распрощались.

Нынешний звонок Пашкева потому Володю удивил. «Небось, опять новый проект...» Он заранее приготовился как-то противостоять бешеной напористости Ильи. Оказалось, все иначе.

Дежурно осведомившись о здоровье Володи и жены, Илья, не дослушав до конца такой же дежурный ответ, предложил вдруг:

- Слушай, Вова, давай-ка ты собирайся, прикатывай ко мне в Новосиб на пару-тройку деньков. В командировку. Информация есть – как раз для тебя.

Свистунов удивился.

- Где «Вечерний Краснохолмск» - где Новосибирск? Какая связь?

- Старик, связь очень тесная, поверь бывшему однокурснику. «Земля Краснохолмская» - ваш проект? Недавняя публикация забойная – сам знаешь, какая, - тоже ваша? Больше вопросов не задаю, и ты не задавай.

Однокурсник Свистунова был умным человеком. Он понимал, что телефоны редакции могут прослушиваться.

- В общем, приезжай – не пожалеешь. Продам информацию – пальчики оближешь!

- Продашь? Не подаришь?

Илья ответил серьезно:

- Старик, это мой бизнес. Извини...

Свистунов посоветовался с редактором. Станный звонок, странный разговор. С другой стороны, Володя знал Пашкева настолько, чтобы понять: ради ерунды тот не стал бы звонить, не стал делать намеки, да еще говорить о каких-то деньгах, бизнесе. В связи с основной темой их расследования в последние дни несколько раз упоминался Новосибирск. Там находилась фирма, купившая по-дешевке компанию «Евсей». Там располагалось отделение «Русьбанка», через которое перекачивались деньги из Краснохолмска в Германию.

- Ребята, - заволновалась Света, - а ведь тот... Сергей, - он тоже из Новосибирска.

- Вот все и сходится! – удовлетворенно заключил Свистунов. – Ну что, шеф? Надо ехать?

- Надо, - ответил задумчиво Юрьич. – Что-то и мне подсказывает, что звонок – не туфта.

На оформление командировки ушло полчаса. С билетами в это время года проблем, как правило, не бывает. Володя взял купе в ночном поезде, прибывавшем в Новосибирск около девяти утра. Пашкеву позвонил: еду, можешь встречать!

- Да чего тебя встречать? – изумился тот. - У меня контора в двух шагах от вокзала. Правда, обычно я на месте раньше десяти не бываю и водку с утра не пью. Но ради такого случая и такого гостя устрою исключение - двойное. Пиши адрес.

В поезде Володе не повезло. Так он решил сначала. Кроме него, в купе оказалось трое не очень молодых подвыпивших мужиков. Не успел проводник собрать билеты и разнести белье, они попросили у него четыре стакана и пятый для запивки, вынули из портфеля бутылку водки – портфель при этом многообещающе звякнул, - достали закуску. В тугом портфеле, закуске, в том внушительном виде, с каким они все это проделывали, чувствовалась основательность. «Не спать мне до утра», - с тоской подумал Свистунов. Прав оказался отчасти. Разложив закуску, разлив водку, мужики протянули стакан Володе. Он было отказался – на него взглянули так внушительно, что... словом,

пришлось присоединиться. Первую почему-то пили молча. Водка была теплая, закуска – холодная, атмосфера тоже не грела. Мужики мрачно закусывали. Потом один из них, по виду не самый внушительный, но к которому остальные обращались уважительно, называя его по отчеству – Степаныч, заговорил, ни на кого не глядя, но обращаясь к Володе.

- Ты, парень, не смотри, что мы такие молчаливые да мрачные. Не бойся. Мы не бандиты. Не зэки, хотя и похожи. Мы с приисков золотых, знаешь? На севере такие есть.

Свистунов знал о приисках, хотя сам там никогда не был, о знаменитой артели старателей «Удача», которую вместе с прииском и всеми потрохами в виде рабочей силы купила недавно компания «Заполярская медь». О поселке, где жили рабочие приисков и обслуживающий персонал, рассказывали легенды – так там будто было хорошо.

Он кивнул.

- Мы отсюда едем. Я бригадиром был, они – в бригаде у меня. У нас контракты кончились, вот и едем по домам... А что мрачные... И правда, чего мрачные? – Степаныч поглядел на спутников. Те усмехнулись без улыбок. Бригадир тяжело посмотрел на Володю, потянулся к бутылке – наливать. – У нас товарищ погиб. Нам его даже похоронить по-человечески не дали. Так что, вроде, поминки у нас.

Он замолчал. Видно было, что ему действительно тяжело говорить. Снова выпили, и снова молча. Степаныч снова глянул на Володю – испытующе.

- Это хорошо, что ты не расспрашиваешь нас, как и что. Очень правильно... Мы не отошли еще – вон, кулаки до сих пор дрожат, – он кивнул на маленького очкастого мужичонку. Если приглядеться, тому было лет пятьдесят. Руки его, непропорционально большие, жилистые, сильные, и впрямь были сжаты в кулаки и подрагивали на коленях. – Знаешь, почему? Начальника чуть не зашиб. Не дали – он бы зашиб, хоть и мелкий на вид. А как было? – пожал плечами Степаныч. – Да так было, - сам, не торопясь, стал рассказывать, то и дело наливая в стаканы и выпивая, не чокаясь и не дожидаясь остальных.

В поселке, который так и назывался Золотой прииск и находился на севере Краснохолмской области, работали вахтовым методом. Вахта длилась полгода, рабочий день – двенадцать часов. Золото добывали в шахтах. Условия для жизни рабочих были там, в общем, вполне приличные. Жили в общежитиях барачного типа, но вполне чистых, с горячей и холодной водой, теплым (хоть и общим) туалетом, кухней, сменой белья каждые десять дней. Была на шахте столовая – не бесплатная, но недорогая. Основную зарплату выдавали по окончании срока работы, остальное время подкармливали рабочих небольшим авансом. Впрочем, при тотальном сухом законе денег этих на месяц хватало с избытком. Все это скрашивало тяжелый труд шахтеров и подручных рабочих.

Так продолжалось до недавнего времени. Пока прииски (их было несколько) не купила компания "Заполярская медь". До этого хозяином его был известный краснохолмский предприниматель Вахтанг Сысоев. Несмотря на русскую фамилию, по матери он был грузин. Что заставило его продать бизнес группе "ИнтерГросс", никому не известно. Решение он принял стремительно, и сразу же после завершения сделки уехал из области. С тех пор наезжал, но редко, и на вопросы – почему, зачем – не отвечал.

Как только прииски и поселок перешли в собственность московских бизнесменов, на шахтах стремительно стали менять начальство. Всех уровней. Кроме бригадиров – те, как и основная масса работающих, менялись раз в

полгода. На место старых опытных инженеров с большим стажем пришли во многих случаях молодые, совершенно не смыслящие в деле "менеджеры". Кто поумнее да похитрее из них, те сразу сговорились с бригадирами и только делали вид, что руководят работами, на самом деле все доверили бригадирам. Это неправильно – но это было лучшее, что можно придумать. Там, где новые "менеджеры" брались руководить всерьез, работа с первых дней пошла наперкосяк.

- Это бы еще ничего. Оботрут, перемелят, глядишь – у нас чему научатся, - говорил Степаныч. – Другое хуже...

Новые хозяева стали считать расходы, но не так, как это делал Вахтанг Сысоев. Тот не скупился на "социалку", на хорошие продукты с материка. У новых был новый счет. Через месяц после смены власти столовая подорожала ровно втрое, кормить там стали хуже и меньше, горячую воду в общежитии стали давать только по утрам и вечерам, вне зависимости от времени года. В довершение ко всему услуги прачечной теперь стали платными. Рабочие возмутились, собрались на стихийный митинг, пригрозили массовым увольнением, - им сунули в нос ими же, рабочими, подписанные контракты: никакого подробного перечня социальных благ в контрактах нет, зато точно указан срок, сколько длится вахта. И еще указано: итоговая оплата – после окончания вахты. Митингующие покряхтели – и пошли работать.

- А последняя пакость, которую они учинили, как раз и угробила нашего товарища, - Степаныч вздохнул. – Месяц назад еще должны были включить там отопление. Это здесь еще осень у вас, да красивая такая, теплая. А на севере давно зима, хоть и без снега, но по температуре. Не включили, хотя всегда так было. Мы к начальнику участка, директору шахты – в чем дело, почему? Холодно в общежитии! Они нам и заявляют: "У прежнего руководства обнаружился большой перерасход средств, мы вынуждены экономить, в том числе на отоплении. Отопление будет, но не раньше чем через месяц". Главное – и месяц прошел уже, а все равно не дали. И заодно объявили нам, что форменной теплой одежды в нынешнем году тоже не будет. Тоже из экономии. Снова повозмущались, а куда бежать? Денег-то надо все равно дожидаться. А не станешь работать, забастуешь – вообще ничего не получишь. Не материк, свои законы. Ну вот, наш товарищ без теплой одежды – ее обычно тоже в начале осени выдавали – попал в "душ"; так бывает, когда внезапно где-нибудь на глубине во время проходки натыкаешься на водяную линзу. Промок, замерз, раньше окончания смены поднять его наверх не разрешили. В общежитии кутали его, кормили таблетками, горячим чаем поили – водки там нет, - ничего не помогло. Воспаление легких, через неделю умер. Этот вот, - кивнул бригадир на маленького мужичонку, - пошел к директору и едва его не убил. Вовремя вмешались.

- Зря вмешались, - мрачно сказал мужичонка. – Лежал бы он сейчас, гнида...

- А ты бы сидел – хорошо, что ли? Вот так, в общем. И на похороны нас не пустили – наша смена была. Как ни просили поменять, не разрешили. Кое-как дожили до конца срока – и вот теперь едем, вспоминаем да пьем.

...Уснул Свистунов, как ни странно, довольно скоро. Но снилась всякая чертовщина. Будто бы Вахтанг Сысоев, которого он видел только раз в жизни, стоит по пояс в ледяной воде – видно прямо, какая она ледяная, - а сверху на него откуда-то тоже льется вода. Он протягивает руки к кому-то невидимому и просит: "Ну, хоть стакан горячего чаю, умоляю вас! Или водки – хоть глоток! Я

ведь простыну, воспаление подхвачу и умру, - вам отвечать-то! Умоляю!" А невидимый хохотал хрипло и голосом Ильи Пашкева говорил: "Откуда же здесь водка, старик? Здесь сухой закон! Дурак ты! Помирай, хрен с тобой, раз по-человечески не можешь..." И вот уже никакой не Сысоев, а сам Илья Пашкев стоит не по пояс – по горло в ледяной жиже, ничего уже говорить не может, только хрипит и тянет руки, вращает выкатывающимися из орбит глазами. Вдруг в последнем усилии он выплевывает изо рта мутную воду, грозит сурово кулаком и говорит вдруг бодрым голосом проводника: "Ну, вставайте, пассажиры, вставайте! Через полчаса санитарная зона..." Володя открыл глаза. "Дрянь какая! Только спяну такое..."

За окном начинались пригороды Новосибирска. Его спутники тоже зашевелились, вставали. Он слез с верхней полки, пожелал всем доброго утра и пошел умываться. На душе было мутно, а вот в организме почему-то не осталось никаких следов похмелья.

Глава 20

Выйдя из вагона и распрощавшись со спутниками – один из них жил в городе, двум другим надо было еще добираться до места на междугороднем автобусе, - Свистунов первым делом набрал телефон Комарова. Вкратце пересказав ему содержание разговора в купе, предложил отправить кого-нибудь из сотрудников редакции в срочную командировку в Золотой прииск. Еще в вагоне он предусмотрительно записал разговор с товарищами погибшего шахтера на диктофон – конечно, с их согласия. Тем было теперь все равно. Они не собирались больше работать на золоте.

- Понимаешь, можно хороший, крепкий материал сделать для "Земли".

- Кого же отправить-то, черт? – чесал затылок Юрьич. – Нет никого, кто бы справился.

- Это уж ты сам думай. Мне кажется, возможность упускать нельзя.

Как потом выяснилось, Юрьич подумал – и взял на работу нового сотрудника. Молодого, но перспективного журналиста Григория Калиниченко. На следующий день тот отправился автобусом до города Северного, оттуда тоже автобусом должен был доехать до Золотого прииска. Разумеется, никого в Прииске об этой командировке редакция не предупреждала. Да это по форме и не было командировкой. Калиниченко отправился в Прииск по вербовке, рабочим в шахту. Он не собирался находиться там полгода – недели, как решили они с Юрьичем, довольно, чтобы понять, что там происходит. Обычно рабочим новой вахты аванс выдавали немедленно по прибытию. Сумма аванса составляла примерно недельный заработок. Так что ни сам Григорий, ни хозяйка золотого прииска не оставались внакладе.

Комаров и Калиниченко в замыслах ошиблись. Недооценили новых хозяев "Удачи". Но это выяснилось позже. Ошибка не стала роковой только по чистой случайности.

...Позвонив в Краснохолмск, Свистунов пешком направился по адресу, который продиктовал ему Пашкев. Офис его конторы находился и правда очень близко от железнодорожного вокзала. Пашкев арендовал квартиру в жилом доме, на втором этаже. В Краснохолмске не очень-то принято было устраивать офисы на этажах выше первого, зато все первые этажи в центре города были заняты магазинами и фирмами. В Новосибирске предприниматели разных

калибров нередко занимали квартиры не только на нижних этажах. Аренда обходилась дешевле.

Поднявшись по грязноватой лестнице обычного подъезда, воняющего собаками и кошачьей мочой, Володя увидел на двери прямо перед собой роскошную золоченую вывеску: "Агентство публичной информации "Новая Сибирь". Усмехнулся: пафосно, совсем в духе Ильи. Прочие квартирные двери были замурованы. Илья снимал, оказывается, не просто квартиру – все четыре квартиры на площадке. Получился довольно внушительный по площади и по оформлению офис. Свистунов надавил кнопку переговорного устройства, охранник спросил его, к кому, он назвал себя, сказал, что к Пашкеву. Электрический замок немедленно шелкнул, запищал, он открыл двери. Охранник вежливо проводил его в приемную директора. Секретарша гостеприимно им улыбнулась, кивком поблагодарила охранника, неожиданно для секретарши протянула вдруг руку.

- Здравствуйте! Вы – Владимир Николаевич, - утвердительно произнесла она. – Мне Илья Донатович о вас рассказывал. Меня зовут Нина. Я – его помощница. Илья Донатович вас ждет. А я сейчас принесу все, что требуется.

Непохожа была Нина на простую помощницу, тем более – на простую секретаршу.

Илья – большой, вальяжный, в толстых очках, производящий впечатление человека по меньшей мере тридцатипятилетнего, уж никак нельзя ему было дать его законные двадцать восемь, - поднялся с крутящегося кресла, обнял его.

- Привет, старик, привет! Рад тебя видеть живым и здоровым! И даже отчасти, - он оглядел Володю, отстранившись, - отчасти утратившим природную субтильность!

- Умеешь ты изысканно изъясняться, - улыбался Володя. От Ильи, от его офиса, от всей обстановки веяло каким-то странным, домашним, уютom. Похоже, он проводил здесь времени больше, чем дома. Скорее всего, так и было. Тем более что семьей Илья не обзавелся до сих пор, Володя это знал.

Они сели. Нина через минуту принесла запотевшую раскупоренную бутылку "Беленькой", мясную нарезку, маринованные огурчики, хлеб и крупно нарезанное сало. Сало, как и такие же запотевшие, как бутылка, стопки были из холодильника. Нина очаровательно им улыбнулась, пожелала приятного аппетита и исчезла.

- Сервис! – восхищенно произнес Свистунов. – Наша Лариса, конечно, тоже хороша. Но тут... - он развел руками.

- Да, не жалуюсь, - Илья сделал нарочито скромный вид. – Ну, что, - он потер руки, взял бутылку.

- "Беленькую" предпочитаешь? А мы все больше "Гжелкой" давимся...

После того как выпили за встречу и потом еще – за удачу... ну и, конечно, по третьей – за любовь, в голове у Володи зашумело. "Старые дрожжи", - подумал он с беспокойством, и дальше пить отказался. Но Илья и сам уже убирал бутылку, а Нина несла чай. Свистунов попросил себе зеленого – и получил. Оказалось, водка подействовала не так сильно. Или сильно подействовал зеленый чай. Во всяком случае, через полчаса хмель почти улетучился, остался только легкий шум в голове. Говорили все это время о разном, вспоминали университет, перебирали, что кому известно об однокурсниках. Наконец, Володя поставил пустую чашку.

- Чего звал-то, Илья? Информацию обещал...

Круглое лицо Ильи посерьезнело, хмельной блеск из глаз пропал.

- Ну, вот слушай...

Одним из крупных и постоянных рекламных клиентов Агентства публичной информации "Новая Сибирь" было Новосибирское отделение "Русьбанка". Не так давно, несколько месяцев назад, рекламный менеджер банка – начальник управления по связям с общественностью, если точнее, - с которым Илья работал уже второй год, позвонил ему вечером и срочно попросил о встрече. Звонил, судя по качеству связи, из телефона-автомата. Они встретились. Менеджер, бывший студент Ильи и его дипломник, не знал, с чего начать.

- А ты с сути! Чему тебя в школе учили?

Тот еще некоторое время объяснял, что он сильно уважает своего преподавателя и только потому решился... Наконец, собрался с мыслями и рассказал... то, о чем рассказал бывший студент бывшему преподавателю, Володе было в основном известно.

- ...А тут, - закончил Илья, - беру в ворохе приходящих по подписке и черт знает еще каким путем газет некую "Землю Краснохолмскую" – я на все выборные медиа-проекты велел подписываться не глядя, - не сам беру причем, а Нина приносит и пальцем тычет: "Почитай... те!" Читаю – и узнаю знакомую историю! Только у меня, в отличие от вас, как я понимаю, есть на руках документальные свидетельства того, что именно через нас перекачиваются деньги из Краснохолмска в Германию. Настоящие, подлинные свидетельства. Не копии, - подчеркнул Пашкев.

Володя в ответ выразительно похлопал себя по карману – мол, готов выложить, сколько скажешь. Пашкев поднял палец.

- Это не все. Это, - он махнул рукой назад, - это я тебе и бесплатно отдам. У меня есть то, за что ты действительно выложишь, сколько назову. И не задумаешься!

- Что же? – Володя и впрямь был заинтригован.

- Вот этого я тебе пока не скажу! - громко засмеялся Илья. – Помучайся маленько!

- Ну ты гад! И что, за этим я ехал, чтобы ты меня мучал? Ну, гад ты!..

- Да ладно! – снова посерьезнел Илья и стал рассказывать. – Ты, конечно, помнишь о недавней череде банкротств краснохолмских предприятий? Она продолжается, помнишь? Ну, вот. У меня есть на руках бумажки – опять подчеркиваю, подлинные, украденные из банка, - по которым можно точно воспроизвести весь механизм получения странно коротких кредитов ваших предприятий в нашем филиале "Русьбанка". Там все до мелочей – суммы, получатели, поручители, условия... Ну, как?

Свистунов был ошарашен. Вот это бомба! Они еще не успели заняться вплотную странными банкротствами, просто не хватило времени. Так, кое-что подозревали. Но теперь-то ясно, что банкротства тесно связаны с выборами нового губернатора, связаны со структурами Олегова и Хлопкова. Получи он сейчас такие документы на руки – это была бы такая бомба, которая способна если не вычеркнуть Хлопкова из списков кандидатов в губернаторы, то, по крайней мере, сильно поколебать его позиции.

- Что – как? – дико уставился он на Пашкева. – Где у тебя эти документы? Сколько они стоят? Сюда их немедленно!

Оказалось, документы Ильи хранил не в офисе. "Это слишком опасно", - непонятно объяснил он. В кабинете его стоял маленький несгораемый сейф со всякими "примочками". Что ж там были за документы, если даже в таком месте их держать опасно? Потом, впрочем, Володя сообразил. Небольшой сейф

вынести из офиса легко. А потом можно потратить сколько угодно времени для того, чтобы его вскрыть.

Они вышли из офиса, направились к метро. Свистунов удивился:

- Ты что – до сих пор машиной не обзавелся?

- Ну, машин у нас в конторе три, - самодовольно ответил Пашкев. – А я... посмотри на эти линзы – какой из меня, к черту, водитель? То есть можно, конечно. Но одним дураком на дороге больше станет.

- Ладно, - согласился Володя. - А служебной машиной почему не воспользоваться?

- В Новосибе сейчас пробки почти как в Москве, - объяснил Илья. – Ехать нам две остановки на метро, идти в сумме десять минут. Смысл машину гонять? Пускай сотрудники ездят. Для них престиж важен.

Они стали спускаться в метро на площади Гарина-Михайловского, рядом с железнодорожным вокзалом. Когда уже почти спустились по мраморным ступенькам, Свистунова вдруг очень сильно толкнул поднимающийся навстречу мужчина высокого роста в легком плаще, в больших зеркальных очках. Толкнув, он же набросился на Свистунова:

- Ты чего толкаешься, сволочь? Пути не видишь, дороги? Шары залил с утра? Козел! – опустив низко голову, мужчина по-бычьему наскочил на Володю, норовя ткнуть его в подбородок. Тот, как мог, уворачивался, растерянно прижимался к стене.

- Охренел ты, что ли?

- Я охренел?! Ну, бля!..

Мужик, кажется, вовсе озверел и пошел на него, молотя кулаками воздух. До сих пор Свистунова спасало то, что его "партнер", по всему выходило, драться не умел. Но был больше и явно сильнее. Он нависал над ним горой, Володя только успевал уворачиваться от его кулаков. При этом он не мог видеть, что творится за спиной нападавшего. И недоумевал: где Илья? Почему он не поможет? Он сильнее, и подраться, как Володя помнил, не дурак. Только подумал – неведомая сила откинула мужика назад, тот поскользнулся, пытался упасть – его подхватили.

- Стоять, не дергаться! – услышал он. – Милиция!..

И то хорошо. Володя с облегчением отер мокрый лоб, поднял глаза... и не обнаружил ни нападавшего на него мужика, ни милиции. Зато у противоположной стены, прислонившись к ней, на ступеньках сидел Илья и беспомощно улыбался. Он обнимал себя руками, как будто ему было холодно. По щекам, между тем, стекали крупные капли пота. Вокруг на некотором расстоянии жались по стенам толпа. Володя еще ничего не понял, как кто-то из толпы негромко сказал:

- Убили человека. "Скорую" надо бы...

Дикость и нелепость фразы подбросили его, он подбежал к Илье, склонился. Тот, все так же беспомощно улыбаясь, деревянно произнес:

- Меня... убили...

Тело его дрогнуло, рука непроизвольно вцепилась в рукав Володиной куртки. На губах выступила красноватая пена. Он шумно и глубоко вздохнул – и выдохнул:

- Нина!.. – хотел продолжить, но глаза остановились, тело завалилось назад. Илья был мертв.

"Скорая" и милиция подъехали одновременно. Тело Ильи накрыли пологом, вход в метро оцепили. Скоро появились эксперты. Пока они работали

над телом, определяя положение, фотографируя, замеряя, вежливый милицкий следователь опрашивал свидетелей. Их, конечно, не было. Никто, как водится, ничего толком не видел. Тот, кто сказал: "Убили человека", - куда-то запропастился. Показания остальных выглядели противоречиво. Не надо быть профессионалом, чтобы понять: ничего из этих показаний не выжать. Ясно одно. Сцена с нападением на Свистунова была разыграна нарочно, а в это время кто-то каким-то непостижимым способом сумел убить его однокурсника. Непостижимым – потому что ни крови на одежде, ни следов ножа или пули, следов удара на теле не было.

Володя сидел на грязноватом мраморе ступеней. Кто-то из милиционеров дал ему сигарету, он курил, не ощущая вкуса. К нему подсел следователь.

- Я прошу прощения, Владимир Николаевич, что снова пристаю к вам в такой... неподходящий момент. Но по горячим следам проще установить истину. Давайте еще, с самого начала. Зачем вы приехали в Новосибирск?

Ответы Володи звучали однообразно. Журналистская интуиция, которую он уже успел приобрести, то гонясь за фактами, то, наоборот, убегая от преследователей, как это было во время расследования дела об убийстве директора Королева, подсказывала ему: нельзя ничего говорить начистоту. По крайней мере до тех пор, пока есть варианты. Может обернуться плохо.

Он приехал повидать однокурсника. Они посидели в офисе, немного выпили. Потом однокурсник пригласил его в ресторан, отпраздновать встречу как следует.

- Это с утречка-то? – с осторожной брезгливостью уточнил следователь.

- Ну, мы же русские люди... - вяло усмехнулся Володя.

Что потом? Потом произошло непонятное, – тут Свистунов был действительно искренен. На него напал какой-то мужик, он от мужика отбивался, а потом увидел сидящего Илью... ну, и так далее.

- Я только одного не пойму, - сказал Свистунов, - если его убили – то как? Никаких же видимых следов, ни крови, ничего.

- А вам много раз приходилось видеть, как убивают? – следователь внимательно смотрел на него. Володю этот взгляд не смутил.

- Я журналист, понимаете, и, несмотря на возраст, видел уже достаточно.

Следователь еще раз испытующе взглянул на него. Вздохнул.

- Скажу, так и быть. Эксперты предполагают, что вашего друга убили чем-то вроде шила – длинным и тонким предметом. След – едва заметный – обнаружили на груди. На одежде – след проникновения предмета. Попали прямо в сердце. Бил профессионал. Крови в таких случаях не бывает...

Тело Ильи увезли в судмедэкспертизу. Володю попросили задержаться в Новосибирске до завтра, чтобы после окончательного заключения экспертов еще раз, уже под запись, дать показания. Прежде чем распрощаться, следователь осведомился, где остановился журналист. Тот неопределенно пожал плечами.

- Пока нигде...

Следователь сунул ему визитку и вежливо, но весьма настойчиво попросил обязательно позвонить, как только определится. Володя кивнул и, не прощаясь, пошел в сторону расположенной через площадь гостиницы "Новосибирск". Через полчаса, с ненавистью заполнив анкету (в двух экземплярах, как в советское время) и уплатив кучу денег за двое суток – на всякий случай он сразу снял номер с запасом, ибо его предупредили, что с продлением здесь могут быть проблемы, слишком много желающих, - он вселился в одноместный номер. Телефон и телевизор здесь были, душ работал, больше ничего не требовалось.

Глава 21

Первым делом, только бросив вещи и заперев номер изнутри, Володя набрал на гостиничном телефоне код Краснохолмска, собрался набрать номер редакции... и положил трубку. Достал мобильный, позвонил.

- Сергей, слушай меня внимательно. Наша акция, похожа, под пристальным наблюдением. Илью убили. Меня милиция задержала до завтра, но я намерен пробыть здесь еще день. Вопросов не задавай. Звонить буду сам, - не дожидаясь ответа шефа, он отключился.

Только после этого позвонил следователю, сообщил, в каком номере остановился. Потом спустился в бар, купил бутылку коньяка, вернулся в номер, налил полстакана, выпил – и крепко задумался.

Илью убили, конечно, из-за информации, которую он намеревался передать журналистам краснохолмской "Вечерки". Значит, там была действительно бомба. Почему тогда не убили и его, журналиста Свистунова? Уверены были, что Илья не успел передать ему никаких сведений? Тогда не проще ли было проследить до конца, а когда информация будет на руках, укокошить обоих? Или просто отнять бумаги? И тут Володя вспомнил факт, который он, получается, утаил от следствия наряду с другими. Когда выходили из офиса, у Пашкева в руках был портфель – черной кожи, с кодовым замком, такой, с какими сейчас ходит великое множество деловых людей. В руках у умирающего Ильи портфеля не было, это Володя помнил точно. Значит, нападавшие рассчитывали найти то, что они искали, в портфеле. Это означало, что, во-первых, офис "Новой Сибири" не прослушивался, иначе им было бы известно, что документы в другом, более надежном, месте. Во-вторых, это означало, что на офис возможно нападение. Как, впрочем, возможно нападение и на него, журналиста Свистунова. Володе стало вдруг холодно. Он подошел к входной двери, прислушался. На всякий случай набросил цепочку, хотя прекрасно понимал: профессионалу открыть любой замок, тем более замок на двери гостиничного номера – раз плюнуть. Даже с цепочкой.

Резко зазвонил телефон. Володя вздрогнул, медленно вернулся в кресло. Сердце бухало. Он успокоил себя: чего дергаешься? Единственный человек, который знает, где он остановился, - милицейский следователь. И следователь прокуратуры, вспомнил Володя мрачного сонного типа, который коршуном неслышно кружил над местом убийства. Его вызвали сразу после прибытия дежурной бригады, он практически ни во что не вмешивался, ни в каких расспросах не участвовал. Но все слушал и запоминал. Ему, конечно, милиционер тоже сообщил, где остановился заезжий журналист.

Телефон звонил. Прервался на несколько секунд – и зазвонил снова. Володя налил еще полстакана коньяка, подумал – отлил половину обратно в бутылку. Медленно выпил. Вздохнул – и взял трубку.

- Если мужчине нужна женщина... - мягко промурлыкала трубка.

Свистунов матюгнулся и бросил трубку на рычаг. Теперь не отвяжутся. Предупредить, что ли, дежурную по этажу, чтоб ему не звонили? По опыту он знал: все дежурные, включая администратора, связаны с этим особого рода гостиничным бизнесом. Он потянулся к трубке – в это время телефон зазвонил снова. Он снова матюгнулся, взял трубку, чтобы достойно ответить, но его опередили.

- Если все-таки мужчине нужна женщина, - голос был уже не мурлыкающим, а звучал взволнованно и странно знакомо, женщина говорила торопливо, будто боясь, что ее прервут, - он сможет найти ее в баре на первом этаже. Он ее легко узнает. Они уже встречались. Хотя, - возникла пауза, после этого голос зазвучал снова мурлыкающе и внушительно, - хотя вполне может и не узнать, - эти слова были сказаны с нажимом, после чего трубка запищала отбой.

Несколько секунд Володя озадаченно смотрел в пространство. Потом все понял. Он был неважный конспиратор, но ему не только все разжевали – положили в рот и заставили проглотить. Минуту подумав, он поднялся, надел куртку, еще подумал – и взял сумку, уложив в нее все дорожные вещи. Сунул туда и початую бутылку "Ани". Интуиция подсказывала: он может сегодня не вернуться в гостиницу. В коридоре на всякий случай глянул в обе стороны – никого не обнаружил. Сдав ключ дежурной по этажу и получив карту гостя, он спустился вниз.

В баре было не оченьлюдно, но и не совсем пусто. Четыре столика были заняты посетителями – за двумя сидели одинокие мужчины, потягивая спиртное, два других занимали семейная пара и компания из четырех молодых людей. Никто из присутствовавших на беглый взгляд не вызывал подозрений. У стойки бара на высоком табурете сидела девушка. Свистунов узнал ее со спины. Внутренне подобрался – черт их знает, что за посетители, может, внешне респектабельны, а в кармане... Он небрежно подошел к стойке, заказал сто граммов коньяку.

- Какой желаете? – изогнулся бармен. – Есть "Камю", "Реми Мартен", "Мартель", "Хенесси". Армянский, наконец.

- Мне бы дагестанского... ну, там, "Старая крепость", "Дербент"... "Московский", на худой случай.

- Такого не держим, - бармен потерял к нему интерес.

- Ну что ж, тогда... - Володя внимательно оглядел стойку со спиртным, - тогда давайте "Камю".

Он специально выбрал, что подороже, чтобы позлить бармена. Тот, однако, моментально расцвел.

- Лимончик?

Володя неопределенно махнул рукой – мол, на ваше усмотрение. Бармен растаял окончательно. Подогретая рюмка с янтарным напитком возникла через секунду, рядом – крохотное блюдо с нарезанным лимончиком.

- Что-нибудь еще? – спросил бармен и, когда Володя отрицательно махнул головой, предупредительно отошел.

- Что, красавица, будем знакомиться? – он произнес это нарочито громко, развязно повернулся к соседке. Бармен блудливо усмехнулся.

Нина только делала вид, что пила коктейль. На самом деле она сидела неподвижно, вцепившись в стойку бара, изо всех сил стараясь сохранять хоть какое-то лицо. Она была чрезвычайно бледна.

В ответ на Володину фразу Нина через силу улыбнулась, покосилась на бармена. Тот не слушал. Уж она-то ему была точно неинтересна.

- Я все знаю. В офис приходил милиционер и еще один, с какой-то покойницей внешностью, задавали вопросы... Как это случилось, вы мне при случае расскажете. Вот что важно для вас. Я знаю, где и как взять то, что вам должен был передать Илья.

Володя поперхнулся коньяком, закашлялся. Бармен учтиво дернулся было в его сторону – он отмахнулся: ничего не нужно!

- Слушайте внимательно. На железнодорожном вокзале автоматическая камера хранения, номер 3223. Код... - Нина секунду помешкала, Володя взглянул удивленно. – Код 2174, - она внезапно не то всхлипнула, не то судорожно вздохнула. Он посмотрел на нее тревожно. – Это день рождения Ильи – второе января 1974 года. Вы догадываетесь, конечно, что я была не просто его помощницей...

Володю внезапно захлестнула волна жалости. Он невольно придвинулся к Нине. Та чуть заметно отстранилась.

- Не надо меня жалеть только, а то разревусь. Я и так на пределе... Запомнили? Илья понимал, что информация важна, подстраховался. На самом деле ему не важны были ваши деньги, это для него была такая игра – в бизнес. Он был человек бескорыстный, как ни странно это звучит, отдал бы вам бумаги просто так, еще бы и посмеялся – мол, как плохо подумал об однокурснике!

- А вы знаете, что там, в тех бумагах? – спросил Володя.

- Он мне что-то говорил, но не все. Да я и не старалась вникать. А он щадил, не рассказывал. Видно, потому что было... действительно опасно, - Нина снова судорожно вздохнула. Бармен вопросительно покосился на них. Володя снова отмахнулся и показал на пустую рюмку: наполнить! Тот кинулся исполнять.

Подождав, пока бармен снова отойдет на почтительное расстояние, Свистунов сказал:

- Вы-то сами понимаете, что и вам грозит опасность? Сейчас те, кто убил Илью, взламывают или уже взломали его портфель, ничего там не нашли – значит, следует ждать нападения на офис, потом на вас...

-...И на вас, - закончила Нина, невесело усмехнувшись. – Все я понимаю. И вы, надеюсь, тоже. Смывайтесь отсюда. Милиция вас не спасет, вы же понимаете.

- А вас спасет?

- Нет. Но мне есть, куда бежать. Я вам на всякий случай - вы уж извините, - на всякий случай не скажу, куда именно. Не обижайтесь...

Он не обиделся. Залпом допил коньяк, развязно поманил рукой бармена.

- Счет, любезный! Даму посчитайте тоже со мной вместе, - и повернулся к Нине. – Ну что же, красавица, раз любовь не задалась, хоть коктейль твой давай оплачу!

Бармен посмотрел на него с укоризной. С этакой-то телкой, бледной, как поганка, непривлекательной, нервной какой-то, да и не молодой вовсе, он пытался флиртовать? О мужики, о нравы!.. Бармен был разочарован щедрым посетителем.

Вышли они порознь – сначала Володя, потом Нина. Договорились, что больше друг с другом не встретятся. Свистунов пошел на вокзал не сразу. Сначала уверенно направился в прямо противоположную сторону, вышел на Красный проспект, зашел в книжный магазин, купил какой-то дешевенький во всех смыслах детектив. Потолкался на проспекте, увидел кафе, почувствовал, что голоден, вспомнил: не ел ничего с самого утра, а утром была не еда – закуска. Зашел, пообедал. Наконец, убедившись, что никто за ним не следит, кружным путем вернулся к вокзалу.

Камеру нашел быстро. Набрал код, замок щелкнул. В камере ничего не оказалось, кроме прозрачной полиэтиленовой папки-файла. Володя недоуменно

вынул ее. В папке лежал листок с текстом, заверенный синей печатью. Он прочитал: "Я, Пашкев Илья Донатович, паспорт такой-то, выдан там-то и тогда-то, доверяю пользование банковским сейфом номер такой-то, арендованным мною в банке таком-то по адресу..., Свистунову Владимиру Николаевичу, паспорт такой-то, выдан тогда-то и там-то..." Подпись, заверенная нотариусом и скрепленная печатью. Свистунов, торопясь, будто боясь, чтобы не украли, сунул файл в дорожную сумку. На всякий случай огляделся – все в порядке. Никто за ним не наблюдал.

Выйдя с вокзала, он посмотрел на часы. Было три с четвертью. "Надо же, сколько вместилось в такой короткий день!" – усмехнулся Володя. В ближайшем газетном киоске он купил путеводитель по Новосибирску с указанием магазинов и банков. Нашел нужный банк, он оказался на знакомом Красном проспекте. Свистунов знал Новосибирск плохо, хотя прежде приходилось бывать здесь несколько раз. Но Красный проспект знал. Он снова не торопясь отправился на главную улицу города. Указанное в доверенности центральное отделение банка оказалось неподалеку от площади со скульптурой вождя мирового пролетариата. Холеный банковский менеджер с повадками мужчины нетрадиционной ориентации внимательно прочел доверенность, улыбнулся и застенчиво попросил паспорт. Сверив паспортные данные, он так же застенчиво спросил:

- Ключ от сейфа у вас есть?

Свистунов сообразил моментально.

- Нет, вы знаете, ключа нет, хозяин забрал его с собой. Он в отъезде, а документы потребовались срочно...

- Ничего страшного, - ласково улыбнулся менеджер, - в договоре в таких случаях предусмотрено использование запасного ключа.

Он проводил Володю в помещение с сейфами, выдал ключ, еще раз призывно улыбнулся и закрыл за собою дверь. Свистунов отер холодный пот со лба. Он разволновался. Открыв сейф, Володя обнаружил внутри пухлую папку. Раскрыл. Беглый осмотр нескольких документов, находящихся сверху, заставил сердце биться активнее. "Это точно бомба! – подумал Володя. – И уезжать надо сегодня. Даже если потом меня объявят во всероссийский розыск..."

Покинув банк и раскланявшись с ласковым менеджером – Володе показалось, что тот плотоядно облизнулся, пожимая ему руку, - он поймал такси. "В аэропорт!" В машине Володя задремал. Ему мнились бандиты с внешностью банковского менеджера, которые размахивали кривыми мультипликационными ножами, обступая его со всех сторон. "Сдавайся, сука! – ласково просили они и плотоядно облизывались. – Сдавайся! Тебе же лучше будет..." Он во сне только крепче прижимал к себе дорожную сумку.

Расплатившись с таксистом, который как-то странно посмотрел на него – видно, Володя во сне охранял свою сумку слишком громко, - он почти бегом направился к кассе аэропорта. Оказалось, опоздал. Самолет на Краснохолмск летал раз в сутки. Но через полтора часа был рейс на Абакан. Не раздумывая, Володя взял билет туда.

Прежде чем зарегистрироваться и пройти паспортный контроль, Свистунов сделал еще одно дело. Он зашел в почтовое отделение, которое располагалось здесь же, в здании аэропорта, попросил два листа бумаги и конверт. Написал: "Я, Свистунов Владимир Николаевич, такого-то года рождения, паспорт такой-то, проживающий по адресу..., являюсь свидетелем убийства Пашкева Ильи Донатовича, происшедшего тогда-то и там-то..." Он подробно изложил

обстоятельства своего приезда в Новосибирск, утаив, конечно, главное, до мельчайших подробностей расписал все, что видел у метро. В конце туманно указал причину своего внезапного отъезда – якобы потребовалось его срочное присутствие на рабочем месте. Перечитал, кое-что поправил. Запечатал объяснение, на конверте написал адрес, указанный в визитке милицейского следователя. На всякий случай осведомился, сколько будет идти письмо внутри города, получил неопределенный ответ: "А кто его знает! Может, день, а может, неделю..." Он вздохнул – и все же мысленно похвалил себя за находчивость.

Через полтора часа старенький Ту-154 взлетел из аэропорта Толмачево и взял курс на Абакан.

Примерно тремя часами раньше двое неизвестных аккуратно вскрыли номер в гостинице "Новосибирск", в котором поселился журналист Свистунов. Они обшарили все, даже вывернули наизнанку постель – и ничего, конечно, не нашли. Один из них – судя по всему, главный – позвонил с гостиничного телефона. Коротко доложил: "Ничего". После этого оба, осторожно выглянув в коридор – дежурная, как водится, пила чай в комнате горничных, – бесшумно закрыли дверь и ушли.

Одновременно с этим еще двое пытались вломиться в опечатанный офис "Агентства публичной информации "Новая Сибирь". Это оказалось не так просто. Они долго возились с замком, наконец, открыли – тут-то их и накрыла милиция. Взломщики, однако, оказались непростыми. С трудом уговорив командира опергруппы освободить одну руку, главный слазил за пазуху, вынул оттуда некую книжечку, предъявил... Взломщиков не просто отпустили с извинениями. Охранники по требованию одного из них – теперь он здесь командовал – вскрыли офис. Используя специальные средства, двое очень скоро раскупорили маленький сейф, что стоял в кабинете Ильи Пашкева, вытряхнули оттуда ворох ненужных бумаг. Нужных бумаг не нашли. Для порядка пошарили по шкафам и столам. Досадливо отпихнув стоявшего на дороге командира опергруппы, главный взломщик вышел на площадку, запер за собою дверь. Набрал номер на "мобильнике". "Ни черта тут нет, - доложил он неизвестно кому. – Видно, у писаки в гостинице. Нет? Может, эта сука увезла?" Послушав трубку и матюгнувшись, он вернулся в офис "Новой Сибири". Хмуро кивнул напарнику:

- Ничего. Пошли.

Свирепо взглянул на охранников и оперативников, загадочные взломщики вышли, не прощаясь.

Глава 22

Григорий Калининченко приехал рейсовым автобусом в город Северный. Здесь ему предстояло пересест на другой автобус, следующий маршрутом Северный – Золотой прииск. До рейса было два часа, он решил пошляться по старинному сибирскому городу. Прежде бывать здесь ему не доводилось. Он знал, что в городе есть несколько действующих восстановленных церквей, есть монастырь, попасть в который, впрочем, никому из праздношатающихся пока не удавалось. Есть краеведческий музей и художественная галерея. Он походил по городу, поочередно зашел в две церкви и краеведческий музей. Церкви ничем особым не выделялись – так, было несколько старинных икон, остальное – "новодел". Но чистенько, уютненько, приветливые, услужливые старушки... Музей был, как все краеведческие музеи. Григорий вздохнул и пошел искать

пристанище последней надежде. Художественная галерея, однако, оказалась закрыта. Звонок на косяке был, но давить на него оказалось бесполезно. Он сначала робко, потом, обзлившись, изо всей силы постучал в высокую деревянную дверь. Наконец, дверь открылась. Дородная деревенского вида тетка, в длинном пестром платье, с косынкой на голове, однако в круглых "учительских" очках с цепочкой, жуя, лучезарно улыбнулась в приоткрывшуюся щель.

- Что хотели?

Григорий растерялся.

- У вас обед? Извините...

- Да нет у нас обеда, нет, - тетка махнула рукой. – Так что хотели- то?

- Картинки посмотреть, - застеснялся почему-то Григорий.

- Ну так проходите! Чего стоите-то? – тетка снова улыбнулась лучезарно, но теперь Григорий понял: эта улыбка заменяла ей оскал.

Картинки в галерее висели разные. Были хорошие художники, настоящие. Но мало. В основном – местного разлива пейзажисты и авторы натюрмортов. Галерея была разделена на несколько маленьких зальчиков, располагавшихся друг за другом. Григорий переходил из одного в другой. Служительница забегала вперед, щелкала выключателем, загорались лампы дневного света в очередном зале. А как только журналист проходил дальше, она немедленно гасила свет. Григория это веселило. Тетка, разглядев, очевидно, ироническую улыбку на его лице, охотно объяснила:

- Электричество экономим. Долги у нас. Отключить обещали...

Ему стало неловко за свою неконтролируемую реакцию. Он прошел экспозицию до конца, ни на чем особенно не задержавшись взглядом. Щелкнув последним выключателем, тетка стала открывать входную дверь, которую она зачем-то заперла за ним на замок. Он недоуменно спросил:

- А платить-то не надо?

- Вы разве не студент? Студенты у нас бесплатно...

"Ясно, почему вам за электричество нечем платить!" "Взрослый" билет в галерею стоил 10 рублей.

Калиниченко вышел на улицу, еще некоторое время пошатался по городу. Идти было особенно некуда, и он медленно направился к автовокзалу.

Новая работа, а главное – новое тайное задание редакции будили в воображении молодого журналиста грандиозные перспективы. Он видел себя успешным знаменитым расследователем, на хрестоматийный опыт которого будет ссылаться Андрей Константинов, когда надумает делать очередное переиздание своего учебного пособия по журналистскому расследованию. Он своими глазами увидит, в каких условиях содержат наемных рабочих новые хозяева прииска, на своей шкуре почувствует, что такое добывать золото, работая на частный капитал, и сделает разоблачительный, взрывной материал, который не стыдно будет опубликовать в каком-нибудь столичном издании. Юрьич, инструктируя его перед командировкой, так и сказал: "В первую очередь меня интересует публикация в "Земле Краснохолмской", потом делай что угодно". Григорий шел к автовокзалу города Северного, горя нетерпением как можно скорее прибыть на место. Он еще раз прокрутил мысленно эпизод, когда пришел в представительство компании "Удача" в Краснохолмске, чтобы завербоваться на прииск. Сотрудник кадровой службы, пожилой мужчина с бесцветными глазами и усталым равнодушным взглядом, показался ему смутно

знакомым. Он не придал этому значения. В ответ на немой вопрос усталых глаз объяснил, зачем пожаловал. Кадровик пожал плечами.

- Вообще-то вы опоздали, вахта уже улетела несколько дней назад. Но вакансия, на ваше счастье, есть. У вас какая специальность?

- По профилю – никакой, - в свою очередь пожал плечами Григорий. – Я слышал, вам не квалифицированные рабочие нужны... Мне заработать вот так надо! – он провел рукой по горлу.

Кадровик вдруг бросил на него мгновенный взгляд – вовсе не усталый, а внимательный, цепкий.

- Ну, а до этого вы где работали? Трудовая книжка есть?

- Понимаете, - Калининченко начал старательно пересказывать придуманную в редакции легенду, - работал на стройке у частного предпринимателя. Он деньги перестал платить. Я терпел, потом пришел к нему – говорю, так и так, или отдавай зарплату, или я на тебя в суд подам. Он смеется: подавай! Я тебе трудовую не отдам, и вообще скажу – в первый раз тебя вижу! Товарищи твои против меня свидетельствовать не станут, побоятся оказаться на улице. Так и разошлись – ни денег я не получил, ни трудовой.

Взгляд кадровика снова стал усталым. Он выписал Григорию направление, сделал какие-то пометки в своих бумагах, объяснил, куда и когда тот должен прибыть.

- Подъемные получите на месте. Удачи!

Это было вчера. Сегодня Григорий сидел на скамейке перед маленьким кривым зданием автовокзала, ждал автобуса в Золотой прииск. Рядом с ним сел молодой парень, примерно его ровесник, с озабоченным лицом. Парень покрутил головой на крепкой шее, как-то особенно, по-цирковому поиграл мускулами. И вдруг вполголоса, не глядя на Григория, обратился к нему.

- Слышь, Калининченко... Тебе не надо ехать в Прииск. Садись сейчас в другой автобус и мотай обратно в Краснохолмск.

Рядом больше никого не было. Григорий растерянно молчал.

- Чего молчишь? - снова вполголоса проговорил парень. – Я тебя предупреждаю. Не жди автобуса, не ездь в Прииск. Слушайся меня, и останешься цел.

Журналист справился с растерянностью. Григорий был человеком самолюбивым и потому вспыльчивым. Он насмешливо, как ему казалось, посмотрел на парня.

- А если все-таки поеду? И вообще, с чего ты мне угрожаешь? Я завербовался на работу, меня там ждут...

Парень бесцеремонно его перебил:

- Я знаю, кто ты и зачем завербовался. Мотай отсюда по-хорошему, писака сраный!

- Да пошел ты... - снова растерялся Григорий. Парень лениво поднялся со скамейки, бросил: "Я предупредил!" – и не спеша зашагал в сторону автомобильной стоянки.

Григорий не понимал, что ему теперь делать. И не понимал, когда и как его вычислили. Очень нужно было позвонить в редакцию, посоветоваться. Он лихорадочно полез в сумку за мобильником. В это время объявили посадку на автобус до Золотого прииска. Калининченко соображал. Попытался дважды набрать номер сотового телефона Комарова – абонент оказался недоступен. В конце концов он решил: будь что будет! В крайнем случае, разберемся на месте. Подумал что-то еще насчет того, что если Бог не выдаст – свинья не сожрет.

Встал и направился к автобусу. Внезапно прямо перед ним резко затормозили пыльные красные "Жигули", распахивая на ходу дверцу. Григорий дернулся, его что-то мягко и сильно ударило сзади в затылок, больше он ничего не слышал и не чувствовал.

Пассажиров на площадке было немного, они ждали контролера и не могли видеть, что происходит по ту сторону автобуса. Да никто и не обратил бы внимания на красные "Жигули", сначала резко остановившиеся, а через мгновение так же резко взявшие с места и скрывшиеся за поворотом, оставив за собою клуб пыли и больше не оставив ничего и никого. Мало ли придурков носится по дорогам.

Григорий не мог знать, что ранним нынешним утром в поселке Золотой прииск, в квартире, с некоторых пор занятой человеком, которого раньше в Прииске не видели, да и теперь встречали не часто – у него были особые задачи, не связанные с частыми появлениями на публике, - в этой квартире раздался телефонный звонок. Человек делал зарядку и не хотел подходить к аппарату. Но телефон звонил настойчиво. Пришлось подойти.

- Да! – недовольно буркнул он в трубку.

- К вам едет журналист по фамилии Калиниченко, зовут Григорий, - без предисловий сказала трубка. – Едет под видом рабочего, но я знаю, что у него задание от редакции "Вечернего Краснохолмска" или "Земли Краснохолмской", что одно и то же.

- Откуда информация? – сухо спросил человек в Прииске.

- Он пришел ко мне вербоваться. Косил под работягу, которого обидел хозяин на стройке, не отдал трудовую. Но имя он назвал собственное. Я его узнал. Он однокурсник моей дочери.

- Детали?

- Выяснить детали оказалось нетрудно. Накануне утром в редакцию звонил из Новосибирска еще один сотрудник газеты Свистунов. Наши люди звонок зафиксировали. Свистунов ехал в поезде с работягами, которые с вахты. Помните недавний скандал со смертельным случаем? Вот, они ему, видимо, про это рассказали. Свистунов просил редактора кого-то отправить в Золотой прииск. Ну, вот он и отправил. Думаю, нельзя, чтобы Калиниченко доехал до места.

- Вы мне будете советовать? – брезгливо осведомился человек в Прииске. – Делайте свое дело, - он, не поблагодарив и не попрощавшись, отключился.

Секунду подумав, набрал номер, говорил минут пять. Потом бросил трубку на аппарат, с сожалением посмотрел на гантели. Времени продолжать зарядку не осталось. Человек был пунктуален и все делал строго по графику. Он побрился, принял ледяной душ, оделся, приготовил себе простенький завтрак, сел за стол. Усмехнулся вдруг.

- "Думаю, нельзя, чтобы доехал до места..." Доедет он, как же!

* * *

Григорий пришел в себя. Голова не болела, но было ощущение, что вместо мозгов в ней – студень, и при каждом движении он колышется. И вместе с ним колышется все, на что падает взгляд. Взгляду, впрочем, падать было особенно не на что. Григорий находился в каком-то темном помещении, свет пробивался только в щель сверху и справа. Он лежал на полу – наощупь это больше напоминало деревянный настил. В помещении было холодно. Григорий

пошевелил конечностями – они оказались свободны. Если его похитили и не связали – значит, отсюда выбраться нельзя. Еще не до конца соображая, он приуныл. Надо было, однако, что-то делать. Калиниченко встал, покачиваясь, повел руками вокруг, за что-то ухватился, чтобы не упасть. И сообразил: качается не только у него в голове, качается все помещение, в котором он находится. Прислушался, хотя это оказалось нелегко, мешал шум в голове, - слышал едва уловимый плеск воды. Не поверил, послушал еще – точно. Не надо много ума, чтобы догадаться – помещение, где он очнулся, скорее всего, трюм какого-то речного суденышка. Вопрос – как и, главное, зачем он здесь? Он снова присел на корточки, пошарил руками вокруг в поисках своей сумки. Никакой сумки, конечно, не нашел. Он крикнул – из легких вырвался странный звук, больше похожий на сухой смешок, чем на крик. Рот был сухим, вместо языка – кусок наждачки. Григорий попытался прокашляться, крикнул еще раз. Получилось. Звук прозвучал гулко, как в бочке. Однажды ему доводилось спускаться в трюм небольшой металлической самоходной баржи, на каких перевозят грузы на север по Великой Сибирской реке. Там был точно такой же звук.

Калиниченко осторожно пошел в направлении щели, откуда пробивался лучик света. Щель находилась выше его роста. Григорий споткнулся – оказалось, он налетел на лестницу. Потер ушибленное колено, решил: была не была. Поручня у лестницы не было. Григорий стал осторожно подниматься по металлическим ступенькам. Ступенек оказалось пять. Он уперся головой – видимо, это был люк. Без особой надежды поднатужился – люк, к удивлению, открылся легко. Откинув металлическую крышку, Григорий с опаской выбрался наверх.

Стояла ночь. Свет, пробивавшийся сквозь щель в трюм, был светом луны. Журналист осмотрелся. Он не ошибся, судно оказалось маленькой речной самоходкой. Она стояла у пустынного берега, слегка покачиваясь на волне. Узкая палуба завалена была каким-то хламом. Ближе к корме Григорий рассмотрел крохотную рубку. Очевидно, там должен был находиться кто-то, кто вел баржу. Вдруг в рубке послышалось движение, дверь распахнулась, оттуда вышел низенький плотный мужик, подошел к борту, на ходу расстегивая ширинку. От воды послышался характерный звук. Григорий сделал шаг в сторону мужика. Тот обернулся – и застыл, забыв застегнуть ширинку. Потом, спохватившись, стал суетливо застегиваться, агрессивно спросил:

- Ты кто? Ты что, мать твою, тут делаешь? Я вот сейчас ружье вытащу да как п...здану, так башку тебе и снесу! А ну иди отсюда, козел! – видя, что гость не уходит, мужик и правда вернулся в рубку за ружьем.

Григорий беспомощно ждал. Тот вышел, в руках его была двуствольная охотничья бердана. Журналист поднял руку, как бы обороняясь.

- Да не стреляйте вы! Я не вор, не бандит. Если скажете – сейчас же сойду на берег, и больше вы меня не увидите. Но я даже не знаю, где мы. Меня оглушили и бросили к вам в трюм. Я не знаю, кто и когда.

От такой нелепицы хозяин самоходки растерялся, но ружье опустил.

- Как это – оглушили и бросили? Ты что, пьяный был?

- Не был я пьяный. Я журналист из Краснохолмска. Я был в командировке в Северном, должен был ехать в Золотой прииск, чтобы рассказать потом читателям, как новые хозяева издеваются над рабочими, - Григорий торопился, и рассказ его звучал потому сбивчиво. Но мужик слушал внимательно. – А потом

кто-то, кому наше расследование не нравится, стукнул меня чем-то по башке, погрузил в машину и... дальше ничего не знаю. Очнулся здесь.

Хозяин самоходки раздумывал. Григорий молчал. Наконец, тот спросил:

- Документы есть?

- А черт его знает! – ответил журналист и пошарил в карманах куртки.

Удивительно, но его похитители обошлись с ним гуманно. Сумку с диктофоном, блокнотом, фотоаппаратом и вещами, правда, зачем-то забрали, забрали и телефон, а вот документы и толику денег в бумажнике оставили. Он вынул журналистское удостоверение и сделал шаг по направлению к хозяину.

- Стой! – тот угрожающе повел ружьем. – Кидай!

На изучение удостоверения ушло минут десять. Мужик подсвечивал себе карманным фонариком. Григорий почувствовал, что его мутит. Видимо, легкое сотрясение ему обеспечили. Ужасно хотелось пить. Наконец, хозяин баржи вернул ему бумагу – не кинул, сам подошел, отдал в руки.

- Журналистам я верю, - сказал он спокойно. – А на прииске действительно беспредел, это я знаю. Пойдем в каюту, выпьем, закусим.

Кабюта была как бы двухъярусная: первый – рубка со штурвалом и крохотная кухня с газовой плитой, внизу – спальные места. Там по бокам стояли две металлических кровати, привинченные к полу. На одной кто-то лежал.

- Напарник, - пояснил мужик. – Мы груз возили на север, задержались, позднеенько возвращаемся. Торопимся, две ночи не спали, сегодня уж неважно. Товарищ спит без задних ног, а я вот... поссать вышел, а тут... - он хрипловато засмеялся.

- Попить бы, - напомнил Григорий.

- Да-да, сейчас!

Он налил в эмалированную кружку тепловатого чая – это и означало "выпьем", - достал тушенку, хлеб. Греть не стал: ночь все-таки. Григорий с жадностью выпил чай, поел. Мужик достал откуда-то потрепанный засаленный спальник, сказал:

- Спать тебе придется на палубе, уж извини.

Григорию было все равно. Голова начала болеть, продолжала кружиться. На воздухе, может и лучше.

Наутро самоходка отчалила от берега. Шла она медленно, и в Краснохолмске Калининченко оказался только через двое суток. Он пытался сунуть спасителям остатки денег, но едва не получил в морду. Поблагодарив их, прямо от причала отправился в редакцию. Деньги пригодились на такси. Когда Григорий вошел в кабинет Комарова, у находившихся там двух редакторов и Володи Свистунова дружно стукнули отпавшие челюсти. Несколько секунд, раскрыв рот, они молча смотрели на грязное и небритое явление. Явление между тем деловито выкладывало на стол малосольных осетров и стерлядку, которых ему сунули вдогонку речники. Наконец, Юрьич медленно произнес:

- Вот тебе, бабушка...

Часть четвертая

Глава 23

Начало октября, подхватив сентябрьскую эстафету, выдалось теплым. Бабье лето затянулось. Желтые и красные леса вокруг города не торопились

снимать с себя листья. Ветер обдувал леса осторожно, щадя красу. Плюс восемнадцать уже не было, но термометр стабильно показывал плюс десять-двенадцать.

В штабе Хлопкова царило возбуждение. Сегодня Геннадия Александровича должны были официально назвать кандидатом в губернаторы. Собранные подписи были сданы в облизбирком днем раньше, комиссия тщательно их проверила. Нарушения были незначительными, а общее количество собранных подписей оказалось таким, что обнаруженные нарушения никак не влияли на результат. В том, что Хлопкову с минуты на минуту выдадут удостоверение кандидата в губернаторы области, не сомневался никто. По этому случаю в Краснохолмск прибыл сам Юрий Измаилович Поддубный. Он сначала, с утра, повидался с кандидатом, они о чем-то недолго совещались. Поддубный вышел из кабинета Хлопкова, находящегося в краснохолмском представительстве компании "Заполярская медь", в отличном расположении духа. Оттуда направился в офис Николая Петровича Громова. Там пробыл тоже недолго. Громов-Мичурин весело доложил о проделанной работе. Поддубный в очередной раз подивился прыти своего бывшего коллеги. Подивился – и насторожился, не подав, конечно, виду. Такой, с такой-то прытью, и подсидит – не заметишь. Поддубный очень хотел занять кресло заместителя губернатора, если не первого, то, по крайней мере, простого зама. Не просто хотел. Таково было задание, главная цель – держать все время в поле зрения ставленника олигархов. Очень уж было похоже, что те, которые заказали эту музыку, метили Хлопкова в президенты страны. Такого допустить было нельзя ни в коем случае.

Поддубный хоть и уволился официально из органов, но, как известно, бывших ФСБ-шников не бывает. Мичурину хорошо: "погиб" – и ладно, и никакими обязательствами ни с кем, кроме работодателя, не связан. А тут другое. Взвесив все в течение тридцати секунд, Поддубный твердо решил: как только кампания кончится, Громов-Мичурин должен исчезнуть. Совсем. Физически. Так будет лучше и спокойнее всем.

Твердо пожав руку Николаю Петровичу, Поддубный отправился в местный штаб Хлопкова. Там былолюдно и оживленно. Начальник Краснохолмского штаба, в обычной должности заместитель Поддубного Саша Мазаев, как пес, караулил "трубу". Его люди сопровождали Хлопкова в облизбирком, они должны были позвонить сразу, как только кандидату выдадут удостоверение. Там же находились две верных телекомпании, неверные, впрочем, были тоже. После звонка начальник штаба должен был дать отмашку газетчикам, чтобы в завтрашних выпусках на первой полосе появилось фото кандидата. Купленных газетчиков он попросил своих фотокорреспондентов не присылать на регистрацию, достаточно было тех снимков, которые нащелкает фотограф штаба. По крайней мере, там кандидат будет выглядеть заведомо безукоризненно.

Поддубный зашел в кабинет Мазаева. Секретарша, которая Поддубного в лицо не знала, вскочила было с места – Юрий Измаилович обернулся, внимательно на нее посмотрел и сказал:

- Чай я пью без сахара, зеленый! – и захлопнул двери кабинета.

Секретарша была не дура. Зеленый китайский чай она принесла через пять минут.

- Как дела? – осведомился Поддубный у Мазаева. Тот, стряхивая со лба выступившее мыло, откинулся в кресле.

- Похоже, все идет по намеченному. Одно беспокоит.

- Ну? – насторожился Поддубный и перестал дуть на чай.

- Новосибирский хвост. Документы-то банковские пропали. Где они всплывут и когда?

Поддубный поставил чашку.

- Нет бы, хорошее шефу сказал... Меня самого головняк из-за этого Новосибирска мучает. Все там обшарили, наших из служб подключили – провалились бумажки!

- Может, все-таки у журналиста? Или у этой сучки – секретарши?

- Секретарша пропала, найти ее не можем. Но если у нее – хрен с ним, она побоится, да и не додумается, что с ними сделать. Разве что продать нам захочет – ну, тут уж, сам понимаешь, мы ее без проблем зацепим. А вот журналист... - Поддубный потер подбородок. – Геморрой, бя. С одной стороны, вроде никак не мог он документы получить. Где? Когда? Через кого? Обложили мы его там плотно, ну никак не мог... С другой – какого хера он тогда так резко исчез из Новосиба? Даже в гостинице не ночевал, хотя заплатил за двое суток. Можно, конечно, было бы взять их всех сейчас за жопу прямо в редакции, подключить через Шакалина наших ментов, местную контору ФСБ... Но Хлопков уперся, сучонок: "Шум! Мне шума не надо!" А компру тебе надо, мудака?! – Поддубный двинул по столу, чай выплеснулся из чашки. Мазаев покосился на новенький офисный стол, ничего не сказал. Поддубный заметил, усмехнулся.

- Ладно ты! Не твое, чего жалеешь?

- Привычка! – виновато ответил Мазаев.

Телефон зазвонил. Мазаев схватил трубку. Несколько секунд слушал, потом показал Поддубному большой палец: готово!

Через несколько минут местные радиокomпании прервали свои музыкальные программы, чтобы сообщить электорату: областная избирательная комиссия выдала сегодня удостоверение номер один кандидата в губернаторы Краснохолмской области Геннадию Александровичу Хлопкову. С этого момента кандидат и его штаб могут официально начинать агитацию. Редакции ведущих краснохолмских газет судорожно вставляли в заготовленные на первых полосах "окна" расширенные информации, высосанные из пальца репортажи, сопровождавшиеся полученными по интернету цветными и черно-белыми (это зависело от издания) снимками главного кандидата. Там главный кандидат выглядел на голову выше, чем на самом деле, умно и красиво улыбался. Никто не сомневался, что Геннадий Александрович – кандидат номер один не только по удостоверению. И завтра многие газеты готовились об этом сообщить. Чтобы электорат сделал свой выбор не у щелки избирательной урны, а, как положено, заранее и осознанно. Подписи, собранные его основным соперником Виктором Александровичем Бородой, были сданы в избирком на день раньше, но вот незадача: избирком никак не успел проверить списки, не то нарушений там было много, не то... В общем, не успел. И в сознании электората лидером избирательной гонки с момента регистрации стал Хлопков.

Ну а оппозиция в лице одной телекомпании и пары газет столь же судорожно готовила к вечеру ехидный сюжет, строчила в завтрашние номера обвинительные, "антизахватнические" материалы.

В "Вечерке" все было иначе. Материалы в завтрашние выпуски "ВК" и "ЗК" были подготовлены загодя. Еще неделю назад Гриша Калиниченко живо описал свои приключения в городе Северном. Живой репортаж сопровождался интервью, которое Владимир Свистунов записал в поезде с бывшими рабочими Золотого прииска. Эта публикация должна была увидеть свет в завтрашнем

выпуске "Земли Краснохолмской". Но не она была главной. В "ВК" должна была взорваться настоящая бомба. Там предполагалось поместить материал о том, как по инициативе и при заинтересованном участии финансово-промышленной группы "ИнтерГросс", через кредиты, полученные в Новосибирском филиале подконтрольного этой группе "Русьбанка", банкротятся краснохолмские промышленные предприятия. Основной текст публикации сопровождался не просто ссылками на документы – некоторые бумаги, полученные Свистуновым в Новосибирске, они для убедительности отсканировали. Как только стало известно о регистрации Хлопкова, сверстанные заранее полосы пошли в печать.

Издательский комбинат "Газета" был предприятием государственным, унитарным. Его директор Семен Ананьевич Шаркунов подчинялся напрямую областным властям. От властей неделю назад была получена установка: как можно тщательнее контролировать содержание двух оппозиционных газет, печатающихся в комбинате, и всеми способами тормозить их, если что. Одно оппозиционное издание – "Московский комсомолец" в Краснохолмске", вторым была "Вечерка". Шаркунов насовал во все цеха стукачей, те бегали и вынюхивали.

Стукач позвонил директору издательства:

- Ананьич, Комаров тут такую торпеду запустил! Если она взорвется, п...здец Гендосу!

- Ну, ты не очень-то!.. – Шаркунов был труслив, как нашкодивший кот. – Сейчас спущусь!

Он выскочил из кабинета, нажал кнопку лифта. Из двух, как обычно, работал один. И тот не торопился двигаться. Шаркунов, рыча, бегал по площадке: "Уволю всех! Лифт не могут наладить!" Наконец, лифт подошел. Когда двери открылись, Шаркунов увидел в кабине Свистунова. Тот вышел ему навстречу, посторонился, улыбнулся приторно.

- Здравствуйте, Семен Ананьевич!

Шаркунов только скрипнул зубами. "Вечерка" недавно выиграла у него суд, и он люто ненавидел любого из редакции. Лифт закрылся, поехал вниз. Володя тут же вынул мобильник.

- Давай, мужики, тормози!

Лифт, пройдя вниз два этажа, вдруг застрял между третьим и вторым.

Володя уже на ходу набрал еще один номер, коротко сказал:

- Поднимайся!

Потом он бегом спустился по лестнице на второй этаж, на бегу кивнул поднимавшемуся снизу Магомеду, они миновали череду административных кабинетов, влетели в нужный цех. У монтажного стола над пленками стоял, склонившись, один из Шаркуновских стукачей, начальник смены, пьяница и мерзавец с красноречивой фамилией Сучков. Он обернулся на звук распахнувшейся двери, все мигом понял и машинально поднял руки, защищаясь. Магомед подходил к нему, улыбался. Свистунов посмотрел на стол – на пленке была их газета. Он замахнулся – и опустил руку. Сучков заикаясь проговорил:

- А чего вы врываетесь? Это производственное помещение, между проч...

Магомед тихонько взял его за горло и минуту подержал. Сучков слегка покраснел и успокоился. Только всхлипывал.

- Я же не сам это придумал, мужики! Мне Ананьич велел!

- Ты и сам гнида, а уж Ананьич твой... - Свистунов внимательно обследовал пленки. Все было на месте, это был тот самый номер. Он осторожно

снял пленки со стола, понес их в соседний зал. Там отдал рабочим. Через некоторое время офсетные пластины отправились в печатный цех. Володя дождался, пока заработает конвейер, снял с конвейера только что отпечатанный номер. Облегченно вздохнул, попрощался с печатниками. Посоветовал им почитать газету, если будет время. Вернулся в цех, где Магомед присматривал за Сучковым. Тот тоскливо поглядывал на дверь. Володя усмехнулся.

- Не придет твой босс, не жди! Он в лифте застрял. Лифты у вас в издательстве говенные, - кивнул Магомеду, и они вышли.

На следующий день город узнал о том, как с помощью новосибирских банкиров, подконтрольных группе "ИнтерГросс", с непосредственным участием самой компании "Заполярская медь" (компания несколько раз выступала в роли гаранта по кредитам – не сама компания, конечно, но "дочки" либо аффилированные с нею структуры) банкротятся краснохолмские предприятия. В публикации "ВК" были приведены названия, прописаны полукриминальные схемы, названы фамилии. Кроме того, там же был помещен материал Свистунова о том, как неизвестные лица убили человека, который передал ему документы в Новосибирске. О роли Нины он благополучно промолчал в публикации. Не хватало еще, чтобы и ее нашли. Журналист увязывал содержание документов с убийством однокурсника. Вывод делался такой: из области намеренно уводят собственность, чтобы потом на этой собственности нажились временщики в лице... понятно, кого. И там, и там публикации начинались с фотографии улыбающегося Хлопкова и официального сообщения облзбиркома о вручении удостоверения кандидату номер один.

Бомба взорвалась. Тираж "Вечерки" был небольшим, хотя этот номер вышел тиражом вдвое большим, чем обычно. Газету рвали из рук, продавщицы киосков "Розпечати" устали отвечать, что номер разобрали. В редакции заливались телефоны. Трубки можно было не поднимать: звонившие либо восхищались журналистами, либо люто их ругали. Либо требовали газету.

И публикация в "Земле Краснохолмской" сделала свое дело. По ее поводу тоже звонили, нашлись даже те, кто сам успел пострадать от новых хозяев компании "Удача". Словом, получился мощный двойной удар, эффективность которого превзошла расчеты. Следовало ожидать, что после таких публикаций в дело вмешаются прокуратура, ФСБ, антимонопольщики, комиссия по рынку ценных бумаг – все, кому вообще должно быть дело до движения собственности... Вышло по-другому.

Часов в одиннадцать утра в редакцию позвонил помощник Бороды, попросил Светлану Чапанову и соединил ее с шефом. Виктор Александрович, как всегда, бодрый и жизнерадостный, долго тряс по телефону Светину руку и целовал ее в щеки.

- Молодцы, ребята! Просто молодцы! Даже не знаю, что сказать, - спикер был совершенно искренен, голос его звучал возбужденно. – Подеремся! Меня эти суки никак зарегистрировать не могут – теперь, думаю, регистрируют! В общем, с вашей помощью надеюсь отбить область от пришельцев. Правда, - тут спикер чуть замаялся, - правда, снова намекать на то, что перекачка денег за границу из области тоже связана с выборами не надо было. Я же просил Комарова...

- Это все – к Сергею Юрьевичу, - очаровательно улыбнулась в трубку Света. – Мне никто никаких установок не давал.

Юрьичу спикер звонить не стал.

Глава 24

Поддубный рвал и метал. Он бегал по кабинету Мазаева и ругался на чем свет. Начальник штаба выглядел растерянно, курил за сигаретой сигарету. В сотый раз перечитывал вкривь и вкось исчерканные страницы обеих газет. Поддубного это раздражало.

- Ты тупой, что ли, с первого раза не понял?!

Сорваться больше было не на кого. Но и Мазаев понимал, что если кто и виноват в появлении бомбы на страницах газет противника, так уж точно не он.

- Чего вы орете, Юрий Измаилович? – спокойно и не без достоинства спросил он. – Если кто виноват, так уж точно не я. Скорее, вопросы могут возникнуть к вашим людям.

Поддубный задохнулся от ярости – возразить, однако, было и правда нечего. Он сел, стиснул кулаки.

- Ты звонил Мичурину, как я просил?

- Мичурину? – удивился Мазаев. – Кто такой Мичурин?

- Действительно, - спохватился Поддубный. – Не Мичурину, конечно.

Громову звонил? Курееву, Кускову?

- Звонил. Все едут, будут вот-вот.

- На кой черт мне твоё вот-вот! – снова заорал Поддубный. – Мне они сейчас нужны, сию секунду!..

В это время распахнулись двери, в кабинет друг за другом вошли Громов, Куреев и Кусков. Мазаев ехидно улыбнулся, театрально повел рукой.

- Все – как вы скажете, Юрий Измаилович! По вашему велению...

Совещались долго. Поддубный скоро остыл, стал рассуждать трезво. Если вдуматься, все активные участники и руководители кампании делали зависящее от них вполне добросовестно. От случайностей же никто не застрахован. Никто не мог предположить, что журналист Свистунов встретится в купе поезда с бывшими рабочими Золотого прииска. Как никто не мог предположить инициативы его бывшего сокурсника Пашкева, случайно (им так и не удалось выяснить, от кого именно) получившего в свои руки компрометирующие кандидата документы и пожелавшего передать их коллеге. Тех, кто в Новосибирске шел по следу краснохолмского журналиста, ввело в заблуждение одно обстоятельство. Илья Пашкев обещал Свистунову документы в обмен на деньги. Но денег ему Свистунов не передавал, это точно. Если бы это было иначе, у мертвого Ильи деньги непременно оказались бы при себе. Либо в сейфе на работе. Никуда больше он их физически просто не успевал поместить. Правда, оставалась еще его секретарша, эта сучка... Достать ее не удалось, она пропала бесследно. Денег ни в бумажнике журналиста, ни в сейфе агентства не оказалось – по крайней мере, такой суммы, в какую он, по предположениям, мог бы оценить бумаги. Из этого преследователи сделали вывод: бумаги в Краснохолмск не попали. Не вывод, конечно, маловато было аргументов для окончательного вывода. Но вполне уверенное предположение. Утвердившись в этой мысли, люди Поддубного и Громова расслабились, следствием чего и стали публикации в "ВК" и "ЗК".

- Подгадали как, сволочи, - злобно усмехнулся Поддубный, - ровно на следующий день после регистрации!

- В том-то и дело! – отозвался Мазаев. – Мы думали, если компра у них на руках, они ее сразу в дело пустят. В крайнем случае подтянут под регистрацию. А они перехитрили, козлы...

- Ладно, - махнул рукой Поддубный. – Следует признать: обосрались мы перед газетчиками.

Эти слова вызвали очередной прилив лютой ненависти у Громова-Мичурина. В запарке, организуя и проводя порученные ему операции, он как-то забыл, ради чего вляпался во все это дерьмо. Теперь, после слов Поддубного, в его памяти отчетливо всплыли картины, когда сопливый писака Свистунов, сам того, в общем-то, не планируя, обыгрывал опытного майора ФСБ Мичурина. И в конце концов обыграл. Громову в очередной раз так захотелось свести счеты, что ладони зачесались отчаянно. Он, однако, ничем не выдал своего злобного волнения. Кроме Поддубного, в штабе никто больше не знал, кто такой Николай Петрович Громов. Выдавать свою причастность к делам недавнего прошлого в планы бывшего майора не входило. Но отомстить журналистам он хотел непременно.

- Что станем делать, господа? – обвел присутствующих взглядом Поддубный. – Пока мне не звонил ни Хлопков – он сразу после получения удостоверения улетел в Москву, - ни кто повыше. Москва еще спит, но как проснется, вставит по самые гланды. К тому времени надо что-то придумать. Нужна контратака. Нужно нейтрализовать, дискредитировать публикации в "Вечерке" и "Земле". Любыми способами, вплоть до дезы. Вы думайте, а я на минуту отлучусь.

Юрию Измаиловичу пришла в голову мысль, которой он не хотел делиться с другими участниками кампании. Выйдя из кабинета начальника штаба, он жестом попросил удалиться из приемной секретаршу, набрал на городском телефоне номер. Долго слушал. Наконец, на том конце взяли трубку.

- Иван Николаевич? Здравствуй, дорогой. Поддубный беспокоит. Ты газеты читаешь? Слышу по реакции – читаешь. Разговор есть. Примешь? Прямо сейчас, минут через двадцать. Меры надо принимать, как считаешь? Ну, вот с твоей помощью и примем.

Поддубный вернулся в кабинет Мазаева.

- Придумали что-нибудь?

Саша кивнул, коротко доложил. Поддубный одобрил, сказал:

- Действовать надо немедленно, не дать им форы.

После этого он попрощался с каждым за руку, сел в свой "Мерседес", бросил водителю:

- В обладминистрацию, быстро!

Минут через пятнадцать Поддубный уже снимал дорогое осеннее пальто в приемной исполняющего обязанности губернатора области Ивана Николаевича Шакалина. Секретарь Шакалина Зоя была предупреждена о его приезде, нейтрально и ослепительно улыбаясь, приняла у него одежду, повесила в шкаф. Не стала спрашивать, что он намерен пить: и так знала. Поддубный прошел в кабинет, Шакалин встал ему навстречу из-за стола. Тот махнул рукой – сиди! Зоя принесла чай, плотно прикрыла за собою дверь.

- Ну что, Иван Николаевич? Надо что-то предпринимать...

* * *

Москва проснулась. Отсканированные бумажные версии обеих газет по электронной почте из Краснохолмска доставили в столицу Геннадия Александровичу Хлопкову, предварительно позвонив ему и попросив срочно посмотреть почту в интернете. Тот глянул – охнул, стал звонить в Краснохолмск,

в штаб и на трубу Поддубному. Не успел он сказать все, что думает о штабе и руководителе кампании, на другом аппарате, который связывал его напрямую с Владимиром Потаповичем Олеговым, замигала красная лампочка, аппарат разразился резким неприятным звонком. Бросив Поддубному: "Перезвоню позже!", - Хлопков снял трубку.

- Доброе утро, Владимир Потапович!

- Какое, к черту, доброе? – буркнул олигарх. – Как будем проблему решать?

- Есть решение, Владимир Потапович. Только что мне Поддубный доложил о планах. Они там, на месте, оперативно наметили, что делать...

- Лучше бы они раньше оперативно сделали, что надо! Что, блядь, происходит-то вообще? Ты понимаешь, что если администрация нам в помощи откажет, нам всем п...здец? И тебе, между прочим, я проигрышей не прощаю. Я со своей стороны все сделал, что мог. Но мне, как понимаешь, дороже бизнес, чем политика. Хер с ней, с политикой, если я бизнеса лишусь. Или если я его не умножу... Так что, Гена, сдам я тебя, это я тебя конкретно предупреждаю. Думай. И действуй. Мне подробности знать ни к чему, Поддубному я верю. Пока верю.

Олегов положил трубку. Геннадий Александрович вздохнул. "Легко тебе говорить!.. Сам меня сунул в эту бодягу, говнюк, сам же теперь пугаешь..."

Примерно в это же время в Краснохолмске зазвонила трубка мобильного телефона у Поддубного – того телефона, номер которого знали очень немногие. Он посмотрел на цифры, которые выдал АОН, вздохнул. Дождался.

- Я слушаю вас, Георгий Вартанович! Здравствуйте...

Зарифьян был, как всегда, немногословен и содержателен.

- Вы помните, Юрий Измаилович, о чем мы с вами беседовали некоторое время назад? Точно помните? И хорошо. Что случилось? Что у вас там, в Краснохолмске, за х...ня непредвиденная началась?

- Могу сказать одно: все, кому было поручено дело, его сделали если не на "отлично", то на "хорошо" уж точно. Остальное – следствие цепи форс-мажорных обстоятельств.

Зарифьян надолго замолчал. Как догадался Поддубный, он в это время хищно скалился и оглядывался.

- Ладно. На этот раз я вам верю и "цепь обстоятельств" прощаю. Но только на этот раз. Принимайте меры и постарайтесь не повторяться. – Помолчав, Зарифьян спросил: - Я правильно осведомлен о том, кто финансирует газету "Земля Краснохолмская"?

- Полагаю, вы правильно осведомлены, Георгий Вартанович.

- Хорошо, - в трубке снова возникла долгая пауза. – На этом, пожалуй, кончим. Не забывайте моих слов, пожалуйста. Иначе... - трубка щелкнула сухим смешком. – Удачи вам, и ни пуха.

Поддубный утер пот со лба.

Георгий же Вартанович, после того как закончил разговор с Поддубным, немедленно набрал другой номер.

- Василий Леонардович? Будь добр, дорогой, отыщи телефончик Дерибаса и соедини меня с ним. Немедленно, хорошо, дорогой?

Георгий Вартанович устало откинулся в кресле. Уроды все. У-ро-ды. Даешь – не берут, только обосрать все норовят. Уроды...

Телефон зазвонил. Зарифьян не торопился брать трубку. Открыл маленький бар, занимающий место тумбочки около большого офисного стола, вынул оттуда бутылочку "Джонни Уокера", налил четверть стакана, оттуда же из

крохотного морозильничка вынул три кубика льда, бросил в стакан, взболтал, сделал глоток... Телефон звонил. Зарифьян отпил еще глоток, поставил стакан, снял трубку.

- Давай, Василий Леонардович. Соединяй.

Через несколько секунд трубка отозвалась хрипловатым взволнованным "алло!" Зарифьян некоторое время полюбовался, с каким волнением Дерибас выслушивает его, Георгия Варгановича, зловещее молчание, с каким нетерпением орет в трубку: "Алло! Ничего не слышу!" Наконец, Зарифьян отозвался.

- Сейчас услышишь, дорогой! Слышишь? И хорошо... - и, не давая владельцу алюминиевых заводов и нерубленных лесов прервать себя, заговорил скучноватым тоном. Этого тона те, кто хорошо знал Георгия Варгановича и часто с ним общался, боялись больше всего. – Ты, Остап, что себе позволяешь? Ты, блядь, забыл, как пять лет назад акции скупал на проходной своего же завода в Николаеве? Во что ты был одет тогда – в телогрейку? А полосатую робу и другую телогрейку, с номерком, не хочешь? Не хочешь внести свой вклад в развитие лесной отрасли России, только не так, как ты сейчас вносишь, а лес порубить топориком? Мы для тебя специально его затупим, чтобы судьба олигарха легкой тебе не казалась, блядь!

Трубка смущенно молчала. Потом Остап Дерибас, в недавнем прошлом простой украинский хлопец, и правда скупавший некогда акции на проходной глиноземного комбината в Николаеве, выбравшийся из грязи в князи и до сих пор выглядевший обычным налетчиком с рабочих окраин, залопотал нечленораздельно:

- Да ты шо, Вартаныч? Да я ничего такого... Шо случилось-то?

Зарифьян удовлетворенно хмыкнул.

- Знаешь, сучок, "шо случилось-то". А не знаешь – хрен с ним, растолкую. Больно хорошо к тебе отношусь. Ты в политику не лезешь, в президенты не стремишься. Наш человек, сукин ты сын! В общем, так... - Георгий Варганович подробно рассказал Остапу, что нужно делать, как себя вести, чтобы вернуть добрые отношения с администрацией президента. Дерибас внимательно слушал и, похоже, записывал. В заключение Зарифьян попросил его повторить, выслушал, удовлетворенно оскалился. – Надеюсь, тебе судьба Гусинского памятна еще? И Береза вон... с родиной в переписке состоит. Он, конечно, хорошо там живет, но и здесь жил бы не хуже. Тут – родное все, поля, березки... бабы наши – куда там лондонским! Один губернатор из ваших вон клубик хоккейный купил – мы ему ничего не сказали, за ручку не схватили. А могли бы. Почему не схватили? Потому что ведет себя правильно. Аванс мы ему выдали. А вот и тебе аванс, ага? Плохой поворот тебе зачем? Лей себе алюминий, леса руби... Бумагу делай. Я на этой бумаге потом благодарность тебе напишу, - Георгий Варганович почувствовал, что достаточно напугал Дерибаса. – Давай, помни мои слова и делай, как надо. Понял? И хорошо! – Георгий Варганович отключился.

Посидел, глотнул еще "Уокера". Пробормотал:

- Уроды! – и отправился на доклад к главе.

Еще один человек живо интересовался происходящим в Краснохолмске. Вдали от родины, в красивом городе Дюссельдорфе сидел в своей гостиной Василий Николаевич Лернер, потягивал пиво "Альтбир" и внимательно изучал только что распечатанную на принтере копию газетных страниц "Вечерки" и "Земли Краснохолмской" – тех самых, конечно. Газеты ему помощник Куреева

прислал по электронной почте. Лернер вначале встревожился было, даже хотел позвонить Курееву и предложить убрать-таки надоевших журналистов. С другой стороны, этот шаг пришлось бы согласовывать с Поддубным, а тот скорее всего стал бы возражать. Его кандидату не нужен шум, тем более связанный с "мокрухой". Лернер решил оставить все, как есть. Пусть сами разбираются. У него есть задача поинтереснее. И поприятнее.

Вздернув по-заячьи верхнюю губу, он вытянул из-под многих бумаг на журнальном столе одну папку. Повертел ее, не торопясь открывать. Отхлебнул пива. Пиво ему доставляли непосредственно с завода, где производили этот уникальный сорт. Оно было темное, ароматное и густое. Лернер заглянул в папку. В ней хранились отчеты, регулярно присылаемые ему Николаем Петровичем Громовым посредством экспресс-почты. Такие же точно отчеты шли в Москву, в головной офис компании "Заполярская медь", Поддубному. В них указывалось, сколько фирм в Краснохолмске за последнее время сменили хозяев. Новые хозяева этих фирм – чаще всего, фиктивно обанкроченных – представляли собою либо структуры, учредителями которых являлись люди Лернера, либо были связаны - аффилированы, говоря специальным языком – с компанией "Заполярская медь". Последнее случалось реже. Будущий губернатор Краснохолмской области – человек осторожный. Еще осторожнее его патрон, Владимир Потапович Олегов. Лернер полистал папку, издал довольный смешок. Богатство его заметно прирастало Сибирью. Он допил пиво, встал, папку и другие бумаги сунул в сейф, вмонтированный в стену и снабженный сигнализацией.

...На следующее утро Комарову позвонил по "вертушке" сам Виктор Александрович Борода. Голос его звучал растерянно.

- Сергей, поговорить бы. Можешь прямо сейчас подскочить?

Через пятнадцать минут редакционная "Волга" остановилась у Серого дома.

Борода долго не мог приступить к главному. Выпили уже по две чашки кофе, Комаров выкурил три сигареты. Борода расспросил его подробнее о газете, о новых сотрудниках, потом стал спрашивать о семье... Наконец, Юрьич не выдержал.

- Виктор Александрович, мозги не долби. В чем дело?

Тот вздохнул, вынул зачем-то из пачки Комарова сигарету, покрутил ее. Борода не курил, почти не пил, вел здоровый образ жизни.

- Херня, Серега, получается...

Комаров в ярости выходил из Серого дома, когда у него зазвонил мобильник. Свистунов растерянно сказал:

- Юрьич, ты где? В редакции обыск. Ты здесь нужен...

Коля-водитель, не спрашивая шефа ни о чем – за несколько лет совместной работы научился разбираться в настроениях и желаниях, - рванул, насколько можно рвануть в центре города.

В редакции были "маски". Они контролировали вход, лестницу, лифт, двери редакторского кабинета. Юрьич сперва не понял даже, сколько их. В кабинете "маски" орудовали в шкафах, методично выворачивали содержимое редакторского стола. Аккуратно, впрочем.

Свистунов, Света, Лариса, другие сотрудники стояли в приемной, наблюдали за происходящим в кабинете. Туда их не пускали – вежливо, но настойчиво человек в камуфляже и маске с прорезьями оттеснял желающих. Поигрывал при этом коротким автоматом.

Комаров подошел к охранявшему дверь кабинета бойцу, показал удостоверение. Тот внимательно его посмотрел, суну в карман.

- Слышь, капитан! – обернулся он к коллеге в кабинете, который был вооружен не автоматом, в отличие от других, а пистолетом и, судя по всему, являлся главным. - Сам пришел! Берем? – и тут же, повернувшись к Юрьичу, сделал шаг вперед, быстро взял его за запястье и защелкнул на обеих руках невесть откуда взявшиеся наручники. – Спокойно, братишка...

Комаров, впрочем, и не думал сопротивляться. Он испугался. Румяное обычно лицо его побледнело, лоб покрылся испариной.

- Ребята, да вы чего? – влез было Свистунов, но один из бойцов как-то по-особенному, незаметно для окружающих, ткнул его в бок, - Свистунов осел, хватая ртом воздух.

Из редакторского кабинета вышел тот, которого подчиненный называл капитаном. Посмотрел на сидящего на полу Свистунова, с укоризной взглянул на подчиненного – ну, зачем ты так? Повернулся к редактору. Тихо сказал:

- Сергей Юрьевич, я вам свое мурло показывать не буду. Неловко очень. Мы с вами встречались не раз, извините... Мы сейчас выполняем приказ нашего... начальства. Мы не вправе отказаться его выполнять. Вы понимаете? Ничего плохого с вами не случится, я гарантирую. До тех пор, конечно, - капитан вздохнул, - до тех пор, пока вы у нас. Думаю, что не случится вообще. Все – "маски-шоу". Показуха. Заказ...

Все сотрудники редакции сопровождали шефа до лифта. Потом, когда два бойца ввели его в лифт и нажали кнопку, капитан отослал вниз по лестнице остальных – их было еще четверо, - поманил пальцем Свистунова. Володя уже оправился, хотя чувствовал себя неважно. Больше морально: его унизили. Он нехотя подошел к капитану, с ненавистью глядя в прорезь маски. Тот тихо проговорил:

- Извините моего бойца, перестарался. Светлана Юрьевна Чапанова есть? Надо, чтобы ее не было в ближайшие дни. Мы ее в редакции не нашли. Вы меня понимаете? Мы, - капитан говорил раздельно, медленно, будто не надеясь, что Свистунов сможет понять его иначе, - мы – ее – в редакции – не нашли. Вы поняли? Ее не было здесь. Иначе она должна была бы составить компанию Сергею Юрьевичу. – И, наклонившись совсем низко, прошептал почти: - Спрячьте ее! Она ведь женщина...

Спикера областного Законодательного собрания Виктора Бороду в тот же день зарегистрировали кандидатом в губернаторы Краснохолмской области, выдав ему удостоверение под номером два.

Глава 25

Свету спрятали. Владимир Свистунов, которого незадолго до этого Комаров произвел в заместители главного редактора, на правах начальника категорически запретил Свете показываться в конторе, пока все не уляжется. В общезнании ее тоже оставлять не стали. Свистуновы поселили ее у себя.

Как только Комарова увезли из редакции в наручниках – вместе с ним, кстати, забрали и компьютер из кабинета редактора, что, несмотря на общий шок, вызвало иронические улыбки: все без исключения сотрудники знали, что Комаров компьютером практически не пользуется, и стоит он у него на столе просто потому что так положено, - так вот, когда шефа увезли, Володя набрал сотовый телефон Евгения Нартова, директора телекомпании "Телевидение

Краснохолмска", сокращенно "ТК". Этот тридцатипятилетний тележурналист не просто был областной телезвездой и директором телевизионной компании, чья позиция совпадала с позицией "Вечерки". Он руководил выборной кампанией Виктора Александровича Бороды. Причем спикера в роли кандидата в губернаторы он поддерживал не только из-за денег, что, конечно, тоже было важно, но и из идейных соображений. Это и связывало его с журналистами "Вечернего Краснохолмска". Свистунов не раз встречался с Нартовым. Не сказать, чтобы испытывал к нему особую симпатию... Больно уж цинично тот импровизировал на тему повальной журналистской продажности, а еще больно смачно матерился в присутствии своих же сотрудниц. Конечно, как себя вести с подчиненными, каждый начальник определяет самостоятельно. Однако и это характеризует его в определенной степени. Что же касается грубой и огульной оценки собственной профессии только с точки зрения ее рыночной стоимости, цинизм здесь был неприкрытый, нарочитый какой-то. Свистунову это не нравилось. Возможно, потому, что сам он пока только-только обживался в профессии, еще не утратил романтического к ней отношения.

Так или иначе, дружить домами приходилось.

- Жень, это Свистунов, привет. У нас тут...

- Я в курсе, - Нартов оборвал его на полуслове. - Я в курсе, мне уже рассказали. Сочувствую, старик. Боюсь только, помочь ничем не смогу.

- То есть? - растерялся Володя. - Мы же вроде одно дело делаем. Ты не можешь дать сюжет про то, что арестован редактор оппозиционной газеты? Почему?! Разве это не соответствует главному направлению кампании?

Нартов вздохнул.

- Тебе, очевидно, Комаров не успел рассказать о своей сегодняшней встрече со шкипером? - так они между собой называли спикера Бороду. - Ну, понятно. Давай, чтобы не по телефону, ты подгребай сейчас ко мне в штаб. Я тебе все расскажу.

Володе стало не по себе. Появилось чувство, будто воздух вокруг становится разреженным, а под ногами вместо твердой почвы зачавкала болотная жижа. Он съездил в штаб, располагавшийся в офисе одной из местных фирм, поддерживавших спикера. Нартов ему подробно все объяснил. Свистунов вылетел из кабинета Нартова, яростно пнул выходную дверь, охранник недовольно что-то буркнул - он послал охранника по известному адресу. Тот изумленно посмотрел вслед ненормальному журналисту.

В редакции его ждал еще один сюрприз. Из областной избирательной комиссии с нарочным прислали повестку. То есть по форме, конечно, это не повестка, но по сути - требование прибыть завтра на заседание комиссии по факту нарушения законодательства о выборах. Поскольку главного редактора на месте не было, явиться предстояло его заместителю. В случае неявки комиссия была вправе привлечь на помощь милицию и обеспечить принудительный привод руководителей двух связанных друг с другом изданий. Свистунов мрачно покачал головой: делать нечего, надо идти.

До завтра, однако, было время. Он наскоро провел планерку, вкратце объяснив оказавшимся в этот час в редакции сотрудникам, что происходит. Надвигался конец рабочего дня, но почти никто не ушел. Сотрудники были подавлены и возбуждены случившимся, в курилке активно обменивались мнениями. Свистунов собрал в своем кабинете всех. Было тесно, но выбора не оставалось. Редакторский кабинет был опечатан командиром подразделения ОМОН. Володя сообщил, что, по его сведениям, Комарова заперли в СИЗО по

дурацкому обвинению в хищении секретной информации и сборе компромата на граждан России. Обвинение официально не выдвинуто, да и вряд ли будет выдвинуто, но предварительная формулировка выглядит именно так.

А главным для присутствующих стало сообщение о том, что руководители избирательной кампании кандидата в губернаторы области Виктора Александровича Бороды решили прекратить финансирование выборного проекта под названием "Земля Краснохолмская". Со всеми вытекающими. И втекающими.

Народ заметно приуныл. В ходе реализации проекта в карманы сотрудников – и творческих, и технических – "втекало" заметное количество дополнительных денег. После долгой паузы внезапно откуда-то сзади, из-за спин раздался вкрадчивый голос Григория Калиниченко:

- Владимир Николаевич, я правильно понял: нам больше не дают денег, и мы больше не сможем выпускать газету? Или правильно только первое утверждение?

- Ты к чему, Гриш?

- Я к тому, Володя, что газета может, в принципе, сама зарабатывать себе деньги. Зато мы теперь имеем возможность стать вовсе независимыми. Мы теперь можем кампанию Бороды освещать так же, как кампанию Хлопкова. Объективно, в смысле. Может, даже выиграем от этого. Ленимся будем меньше, рекламу станем искать. Сказано же в писании: стань объективным – и рекламодатель к тебе потянется. Вы с Сергеем Юрьевичем такой вариант не обсуждали?

У Свистунова заблестели глаза.

- Мы с Сергеем Юрьевичем сегодня вообще ничего обсудить не успели. Но ты, Гриша, молодец. И если остальные считают так же, думаю, Юрьичу ничего не останется как присоединиться к мнению большинства. Давайте планировать очередной номер.

После общей планерки он провел еще одну, закрытую. Он позвонил Магомеду, Фролову, попросил их собраться на конспиративной квартире Юрьича. Запасные ключи от квартиры у него были, Юрьич выдал на всякий случай. Как знал. Звякнул и Вере на работу. Свету тоже попросил подъехать, но так, чтобы ее поменьше видели.

Совещание вышло недолгим, но содержательным. То, что Борода по воле своих спонсоров, на которых, безусловно, скинули коршуна откуда-то с большой высоты, прекратил финансирование газеты, было гадко, но не катастрофично. Газету они будут делать все равно, это ясно. Сейчас, когда на руках есть забойные материалы, после первых публикаций и первой спонтанной реакции следует ждать более содержательных звонков. От тех, кого так или иначе коснулись описанные в публикациях процессы. Даже те предприниматели, что раньше прятались в тень, теперь могут стать более разговорчивыми.

- Непременно будут звонки! – горячо говорил Володя. – Они теперь видят, какие у нас козыри на руках!

- Ну, ЭТИ тоже без козырей не сидят, - Фролов потер гладкий подбородок.

- Так что – ничего не делать? – Володей владело экстремистское настроение.

- Делать, делать, - успокоил его Виталий Сергеевич. – Только искать еще надо. В разных направлениях.

На том, собственно, и порешили. Еще решили обязательно подготовить и опубликовать с подписями письмо в защиту Комарова.

- Да, кстати, - Свистунов немного помялся. – Есть предложение включить в нашу "штабную" группу еще одного человека.

- Чье предложение? – за всех спросил Фролов. – И что за человек?

- Мое предложение. Человек – Гриша Калиниченко, - ответил Володя, - молодой, перспективный и... наш, одним словом. Как?

- А что Юрьич?

- Не знаю. Но предполагаю, что согласится.

- Так какие вопросы? Вы банкуете, господа журналисты!

В десять часов следующего утра Владимир Николаевич Свистунов, временно исполняющий обязанности главного редактора газет "Вечерний Краснохолмск" и "Земля Краснохолмская", вошел в помещение областной избирательной комиссии. (Света, по редакционной версии, еще до начала бурных событий срочно уехала к родственникам на Кавказ; хотя никаких родственников на Кавказе, кроме родственников мужа, у нее не было. Света сидела в квартире Свистуновых, пинала балду, смотрела телек, читала книжки и изнывала от безделья.) Комиссия располагалась в здании областной администрации. Он увидел за длинным столом несколько знакомых лиц, было трое или четверо журналистов из тех изданий, что поддерживали Хлопкова. Рассмотрение "дела" заняло пять минут. Собственно, все было заготовлено заранее. Юристы облизбиркома, держа в руках номера газет, прочитали свое заключение. Они обнаружили в публикациях обеих газет признаки преждевременной агитации. Володя пытался возражать: в названных материалах ни слова не было сказано о Бороде. Юристы пояснили: здесь агитация не "за", а "против". Так ведь и о Хлопкове упомянуто лишь постольку, поскольку некоторые лица, представляющие его интересы, связаны с мутными процессами повального банкротства краснохолмских предприятий. Где тут агитация? "Ну вот же, вы же сами только что сказали: имя упомянуто, - улыбались юристы, - агитация налицо!" Володя плюнул. Решение комиссии было таково. Главный редактор должен заплатить в качестве штрафа кругленькую сумму. Окончательно решение утвердит суд. Комиссия же в рамках собственной компетенции дополнительно выносит редакции предупреждение. Пока – свободны. Володя вышел так же молча, как вошел. Внутри кипело, но делать было нечего.

В редакционной "Волге" работало радио, настроенное на местную волну. Возбужденный Коля, как только Свистунов сел в машину, добавил громкости.

- Слушай, что про нас говорят.

"В настоящий момент около здания издательского комплекса "Газета", где находятся кабинеты сотрудников "Вечернего Краснохолмска" и "Земли Краснохолмской", что одно и то же, выставлены пикеты. Их организаторы – группа поддержки Геннадия Хлопкова, несколько политических партий от ЛДПР до коммунистов-зюгановцев, просто честные горожане, как они называют себя сами. На фанерных щитах и кусках материи – красочные и хлесткие, хотя и незамысловатые призывы и лозунги: "Долой продажную прессу!", "Позор Комаровым-Свистуновым!", "Вырвем комару жало, чтоб не свистел!" и такой, например, который нам показался наиболее политически выразительным: "Каленым металлом выжжем БОРОДАвку на лице Краснохолмской области!" Участники пикетов намерены стоять здесь до конца рабочего дня, сменяя друг друга..."

- Стилисты, текстовики, мать вашу! - усмехнулся Володя. – "Каленым металлом"... На "Заполярскую медь" намекают. - И вздохнул горестно. – Вот,

блин, полоса пошла! Давай, Коля, как-то объедем это дело. К черному ходу, что ли, подрули...

В редакции народ был в курсе, с любопытством пялился в окна. Лариса принесла чай, положила на стол Свистунову свежие газеты.

- Посмотрите, Владимир Николаевич! Только не пугайтесь...

За исключением "Московского комсомольца" в Краснохолмске", прочая областная пресса вовсю "мочила" "ВК" и "ЗК", а также персонально Комарова, Свистунова, Чапанову, Калиниченко и иже с ними. Несколько разных газет, среди них "Краснохолмская правда", сохранившая советские традиции флюгера, даже нашли "оболганных" журналистами руководителей обанкроченных предприятий, которые, потрясая липовыми документами и ссылаясь на несуществующих свидетелей, с пеной у рта "опровергали" публикации в "Вечерке" и "Земле". "Сколько же вам заплатили, господа хорошие? Или пообещали чего? Льготный режим налогообложения, что ли?" Стало совсем неуютно. Обложили. Некоторые расчеты могли не оправдаться.

Глава 26

Добили Володю вечерние выпуски новостей. "ТК" промолчала, еще одна частная телекомпания, благополучно заранее дистанцировавшаяся от обоих главных кандидатов в губернаторы и в то же время отличавшаяся повышенным чувством опасности, дала нейтральный сюжет. Остальные двинули в атаку против "Вечерки" штатных и нештатных "аналитиков", которые на пальцах объясняли электорату: журналисты "Вечерки" продажные, они сотрудничали с властью, которая была в области до Ивана Александровича Гусева, подстрекали против генерала, и вот до чего область довели. До того довели, что с первых рейтинговых строчек по России, которые она прежде занимала, область скатилась ниже пятидесятой. "Аналитики" благополучно забывали напомнить, что первые строчки по промышленному росту и другим показателям область как раз занимала до генерал-губернаторства Гусева, при профессоре-экономисте, а скатилась, когда с молчаливого поощрения генерала ее стали растаскивать. Но логика тут была ни при чем. Главными были эмоции.

Окончательно довершил дело вечерний звонок заместителя редактора другой городской газеты, которая финансировалась напрямую мэрией Краснохолмска. Замредактора, неплохо знавший Свистунова, сообщил ему:

- У нас в завтрашнем номере большое интервью Полозкова идет. Повод – публикации в ваших газетах и арест Комарова. Ну и, конечно, все крутится вокруг регистрации Хлопкова и Бороды. Ты посмотри – может, чего придумаешь.

- Что нужно придумать? – не понял Володя.

- Понимаешь, Иван Петрович в интервью сильное возмущение высказывает...

- Арестом?

- Если бы! Публикациями вашими. Открещивается он от Комара, понял? Чего тут не понять! Володя поблагодарил коллегу.

Иван Петрович Полозков был человеком осторожным, никогда не лез на рожон. Не очень образованный, довольно косноязычный, не политик – хозяйственник скорее, он тем не менее обладал замечательным политическим чутьем. Оно помогало ему вовремя делать ставки. Он сделал ставку на того, кто казался ему сильнейшим. Свистунов с грустью вспомнил время, когда это было не совсем так. Он тогда еще не жил в Краснохолмске, но об одном нашумевшем

эпизоде, сильно возвышавшем Ивана Петровича в глазах горожан, рассказывали по всей области. У Полозкова были довольно сложные отношения с губернатором Гусевым. Генералу не удалось привлечь мэра на свою сторону во время выборов, и он этого мэру не простил. Но и прямых рычагов влияния на главу города у него не было. Такая "политическая автономия" под носом генерала бесила. Полозков прекрасно это понимал и, чувствуя за собой поддержку со стороны интеллектуальной элиты, в том числе большинства депутатов областного парламента и самого Бороды, позволял себе иногда точные и резкие публичные оценки деятельности генерала и его свиты в области. До прямых столкновений, впрочем, дело не доходило. Пока не случилось вот что. Гусев решил своей волей отстранить от должности начальника городской милиции. Кто уж ему подсказал такое глупое решение, неизвестно: глава региона не может снять начальника городской милиции, это по другому ведомству и совсем не в его компетенции. Разъяренный Полозков, не заметив секретарши и секьюрити – те просто не посмели его остановить, – вихрем ворвался в кабинет губернатора, сказал, с ненавистью глядя ему в глаза:

- Ты, Иван Александрович, сначала меня с должности сними попробуй, а потом моих людей будешь касаться. Если, конечно, со мной что-нибудь у тебя получится. Понял? – развернулся и громыхнул дверью.

Эпизод стал известен на всю область. Генерал Полозкова больше не трогал. Но времена изменились. Изменился и Иван Петрович. На Бороду он больше не надеялся. Пришлось делать ставку на сильнейшего.

Володя отбросил газеты, выключил телевизор. Впору напиться. Но как раз сейчас этого делать ни в коем случае нельзя. Мало ли что! Потому в редакции объявили жесточайший сухой закон. Заодно строжайше запретили обсуждать по телефонам редакции с кем бы то ни было любые темы, касающиеся последних событий.

Зазвонил телефон. Володя вздрогнул. Лариса уже ушла, он снял трубку. Звонил Магомед. Голос его был какой-то странный.

- Ты можешь сейчас ко мне подъехать? – спросил Магомед.

- В общежитие? – не понял Володя.

- Не в общежитие. В кафе.

- Могу, в принципе. А что случилось?

- Ничего особенного. Посидим, пивка попьем, мяса поедем...

Предложение было настолько нелепым, что Володя понял: случилось что-то из ряда вон выходящее, о чем Магомед не может говорить по телефону.

- Мясо – дело хорошее, – его бодренький тон должен был свидетельствовать: он все понял. – Сейчас приеду.

Свой "кариб" Свистунов отдал на время Свете Чапановой. Та давно умела водить, имела водительские права. У Аслана, конечно, была машина – хорошая, новая "БМВ". На ней он поехал на те самые "разборки", откуда не вернулся. Когда Свете потом напомнили о машине, она только сморщилась. Забирать ее с места гибели Аслана она не стала. В конце концов через несколько дней ей принесли деньги за "БМВ". Сейчас она ездила на Володином "карибе" по доверенности. К правому рулю привыкла быстро. Редакционного водителя Володя успел отпустить, поэтому вызвал такси. Спустившись вниз по лестнице – лифты в издательстве отключали после шести вечера, – выйдя на улицу, он остановился от неожиданности. Еще утром было тепло, термометр за окном кабинета показывал плюс восемь градусов. Весь день было не до погоды, Володя не смотрел за окно. Теперь в городе шел снег – небольшой, первый,

пробный, но все же. Судя по всему, он начал падать давно, уже заботливо прикрыл асфальт всюду, кроме проезжей части. Таял медленнее, чем снова падал. Судя по ощущениям, температура стремилась к нулю. А может, уже и перевалила его. "Резину надо менять, шипы ставить", - между делом подумал Володя, идя навстречу зеленому огоньку въезжающей на площадку перед издательством "Волги".

Езды было всего ничего, он едва успел подумать, что вот, мол, обленился совсем с машиной, пешком ходить отвык. Через десять минут, расплатившись с таксистом, Володя входил в кафе "Ночное" на центральном рынке. Подошел к администратору.

- Мне к Магомеду Султангариевичу.

Администратор-китаец улыбнулся.

- Владимир Николаевич? Плясю! Силедуйти зя мной!

Володя бывал в кафе Магомеда, здесь была действительно хорошая китайская кухня, доступные цены. Он никогда не проходил дальше зала. Администратор-китаец провел его через кухню, потом они спустились темной лестницей куда-то в подвал или полуподвал, там был длинный коридор, слабо освещенный. Администратор остановился, показал вперед.

- Там!

Свистунов разглядел впереди железную дверь, машинально сказал: "Се се!" Китаец расцвел. Дверь оказалась заперта, справа он разглядел кнопку звонка, нажал. Магомед открыл сам, хотя не сразу.

- Это у тебя служебные апартаменты такие, начальник? Ну, давай мясо, пиво, что там у тебя еще...

- Сейчас я тебе такое мясо покажу... - Магомед повел его вперед, по узкому коридору, который оказался за дверью.

- Да у тебя тут просто катакомбы какие-то! Людей пытаешь?

- Вроде того. Вообще-то кабинет у меня служебный наверху, рядом с кухней. Здесь – складские помещения, холодильник. И еще одна любопытная комнатка. Оказывается, друг мой азербайджанский Ильхам тут маленький бордельчик держал. Я его традицию не продолжил, но комнатка неожиданно пригодилась. Сейчас сам увидишь, для чего.

Они свернули направо, уперлись в дверь. Магомед постучал как-то фигурно. Дверь открылась. На пороге стояла Света. Свистунов удивленно смотрел на нее.

- Привет, Володя, - обыденно сказала она. – Заходи.

Володя шагнул в комнату. На стуле перед ним сидел незнакомый молодой человек в черном костюме с галстуком, спортивного сложения, коротко стриженный, с короткой и мощной шеей. Руки его завернуты были за спину и милицейскими наручниками каждая в отдельности прикованы к ножкам стула – так, что подняться он мог только вместе со стулом. Причем наручник левой руки был застегнут на правой ножке, наручник правой руки – на левой. Сидеть человеку было, мягко говоря, не очень удобно. Володя удивился еще больше, повернулся к Магомеду.

- Так ты людей похищаешь? Такой у тебя бизнес?

- Знакомся, - сказал Магомед, - это Сергей, любитель театра и нашей Светы (Света укоризненно глянула на Магомеда). Это он по приказу Куреева пытался похитить твою жену. Можешь его потрогать руками, но не больно.

Свистунов понял, но не все. "Трогать" пленника он, конечно, не собирался. Он обошел его вокруг. Сергей смотрел на него снизу холодно, чуть насмешливо. Похоже, его не очень смущало нынешнее положение.

- А чего вы его приковали-то?

- Боимся, бунить начнет, - усмехнулся Магомед. – Я ведь могу с ним и не совладать. Видишь, бугаек какой. И навыки бойцовские у него есть, я чувствую. Так спокойнее. Да ты не думай, мы его тут не пытали, иголки под ногти не совали. Кормили даже. На ночь вообще постель стелили...

- На ночь?! – изумился Володя. – Так он у вас тут давно?

- Ну, слушай, - сказал Магомед. – Давай, Света, рассказывай.

После вчерашнего короткого совещания на конспиративной квартире Света не сразу поехала домой к Свистуновым. Она обнаружила, что у нее маловато бензина в баке, кружным путем направилась в сторону заправки, где бензин стоил дешевле, чем на большинстве АЗС. Заправка находилась далековато от города, но Света была из числа тех начинающих водителей, для которых сто верст – не крюк. Она испытывала ни с чем не сравнимое удовольствие от быстрой езды, а здесь было, где разогнаться. К тому же вчера погода стояла еще отчетливо сухая, хорошая, "бабьелетняя". Она с удовольствием прокатилась, залила в бак тридцать литров бензина, через мост имени 7 Ноября помчалась на правый берег Великой Сибирской реки. Платная автостоянка, где Володя хранил свою машину, находилась минутах в десяти ходьбы от дома. Света катила по улице Академика Вавилова. Несмотря на события последних дней, нелепый арест Юрьича, настроение было странно приподнятое. Она поняла: отпустило. После того как Сергей предстал перед ней в истинном обличье, она долго не могла отойти от потрясения. Зародившееся чувство к нему было искренним, тем сильнее оказалось разочарование. Увидев его в кабинете Северовского, она еще не хотела внутренне согласиться с тем, что увидела. Уходя от адвоката, не испытывала уже ничего, кроме пустоты и омерзения. Она спала с ним, признавалась... ну, не в любви еще, но в счастье быть рядом. А он использовал ее. Не как мужик – как бандит.

И вот – отпустило. Закрутили другие события или еще что, но она сегодня чувствовала себя много лучше, чем прежде. Свете захотелось сделать что-то хорошее – например, приготовить что-нибудь необычное на ужин для Веры и Володи. Она была бесконечно благодарна им за тепло, которым ее окружили. Вот и повод высказать благодарность. Света развернулась на кольце, проскочила до рынка, купила свежей говядины, зелени, с трудом, но все-таки разыскала в торговых рядах пучки сельдерея с клубнями и более-менее толстыми стеблями. В Сибири сельдерей растет не такой, как в Азии и на Кавказе, здесь стебли пожиже. Но что-то подходящее нашла. Решила потушить мясо с сельдереем. С Володей соревноваться в кулинарном искусстве ей было не так просто, но кое-чего и он не готовил и не знал. После рынка она решила сначала завезти домой продукты, постом поставить машину.

Света уже почти подруливала к дому, когда зазвонил мобильный. Будучи водителем с небольшим стажем, Света за рулем пользовалась системой "свободные руки", когда можно говорить, не поднося к уху трубку. Звонил Магомед.

- Ты где? – голос звучал чуть-чуть взволнованно. – Я звонил на домашний Свистуновых, тебя нет. Куда пропала?

Магомеду на время вынужденного Светиною домашнего ареста поручено было контролировать все ее передвижения по городу.

- Я к дому подъезжаю, Мага, - Света улыбнулась тепло. Ей все больше нравился этот земляк Аслана. Так нравился, что иногда ее это начинало тревожить. Сегодня она никакой тревоги не испытывала. – Я по пути заправила, на рынок заехала...

- Могла бы предупредить, - укор Магомед звучал тоже тепло, как если бы один человек заботился о другом близком... очень близком человеке. – Я уж волноваться начал.

- Нормально все. Спасибо, Мага. Я уже... ой! – сказала Света. – И быстро проговорила совсем другим тоном, почти шепотом: - Не отключайся, молчи и слушай.

Магомед не понял, но переспрашивать не стал. Слушал. Хлопнула дверка машины, это он слышал отчетливо. Дальше раздался противный мужской смех – у Магомед с некоторых пор любой мужской смех рядом со Светой вызывал раздражение, - голос Светы: "Ты откуда здесь? Чего тебе надо?" В ответ мужской голос сказал: "Задержалась. Я тебя раньше ждал. Ну что, девочка, сейчас прямо пойдешь за меня замуж или поедем ближе к загсу?" И снова Света: "Пошел вон, подонок!" Снова смешок: "Я пойду... но с тобой вместе, девочка. Сначала, впрочем, поговорим душевно. Мне кое-что уточнить у тебя надо прямо здесь, на месте. Может, в дом войдем? Не хочешь? Зря. Мне как раз хорошо бы знать, как выглядит берлога твоего дружка Свистунова..."

Магомед зарычал, выскочил из кабинета. Через минуту с двумя спортивного вида молчаливыми ребятами, охранявшими по вечерам кафе "Ночное", он в своем джипе мчался на правый берег, к дому, где жили Свистуновы. Ему очень хотелось успеть.

И он успел.

- ...Нормально все. Спасибо, Мага, - сказала Света, остановила машину, выключив передачу, подняв рычаг "ручника" и сняв блокировку дверей... в это время стала открываться левая дверка, Света разглядела сквозь стекло отвратительно улыбающуюся физиономию Сергея. Пустить двигатель и рвануть она бы уже не успела. Успела дать знать Магомеду, чтобы он слышал разговор в салоне.

- ...Мне как раз хорошо бы знать, как выглядит берлога твоего дружка Свистунова, - сказал Сергей, сохраняя на лице холодную улыбку мертвеца – такой она теперь представлялась Свете. – Не проводишь? Не проводишь... Жаль.

Сергей задумчиво помолчал, потом вынул из кармана... Света думала – пистолет, нет: нож-"выкидуху". Нажал кнопку, выбросил лезвие, приставил его к Светиной щеке.

- Я тебя резать, девочка, не стану. Я тебе только шкуру попорчу. Но так попорчу!.. Это хуже будет, чем если бы я тебя зарезал.

Света брезгливо поморщилась. Удивительно, но ей было не страшно.

- Я думала, ты настоящий мужчина хотя бы, а ты – так, пугало. На чужом огороде чужими руками поставлен. Ну, давай, порти шкуру, - она нервно засмеялась, - тебе она больше не пригодится, а тот, кому нужна, меня и с порченной шкурой возьмет.

Сергей провел лезвием по Светиной щеке, но не порезал. Убрал нож в карман. Улыбнулся.

- Я тебя не трону. Только зря вы все это затеяли. Я же предупреждал: худо будет, если не успокоитесь. Нам сейчас с тобой можно разговоры поразговаривать, у нас времени много. Мы с тобой сейчас Свистуновых будем

ждать, за жизнь говорить. Приедут – они меня сами в квартиру пригласят. Если ты им дорога, конечно. А я думаю, дорога.

Света не боялась, но нервничала. Сергей был ей противен, а еще она боялась, что Вера может прийти домой раньше Володи, и этот мерзавец сумеет ее напугать и действительно войдет в квартиру Свистуновых. Володю предупредить не удастся, и все они окажутся в западне. Скорее бы приехал Магомед. Она была уверена, что он приедет.

Сергей что-то говорил ей – она его не слушала почти, только отстранялась брезгливо, когда он слишком близко к ней наклонялся. Он это заметил, внезапно лицо его исказила ярость. Он схватил Свету за волосы, силой повернул к себе.

- Ты не слушаешь меня, сука! Слушать! Я сказал...

В это время из-за угла дома вылетел джип, визжа тормозами, остановился со стороны Сергея впритирку к "карибу" – так, чтобы тот не сумел открыть дверку. Почти на ходу с двух сторон из задних дверей джипа выскочили здоровые парни, один из них подбежал к правой задней, второй – к передней двери "кариба", рванул ее, Света выпала ему на руки. Второй, что вскочил в машину сзади, в это время прижимал к сиденью руки Сергея. Тот успел выхватить из кармана нож, даже щелкнул кнопкой, лезвие выскочило... но не успел ножом воспользоваться. Спортивный охранник Магомеда железно держал руки Сергея. Второй сел рядом, деловито вынул из кармана наручники, жестом попросил разжать кисть с ножом, когда Сергей не послушался – что-то такое сделал, на что-то нажал, отчего тот заорал от боли и выпустил нож. Охранник спокойно надел на него наручники, поднял "выкидуху", осмотрел, ухмыльнулся. Спрятал нож в карман. После этого Сергея вывели из "кариба", пересадили в джип. Все это время он молчал, только холодно и злобно улыбался.

Света без сил висела на руках Магомеда. Тот хищно шевелил усами, глядя на "кариб".

В это время его ребята закончили "погрузку тела". Магомед нежно, но настойчиво отстранил Свету.

- Работа предстоит, - в его голосе едва слышно улавливалась виноватая интонация. – Значит, будем действовать так. Ты Володе с Верой ничего не говори пока. Надо разобраться сначала. У него забот сейчас и без этого гада хватает. Завтра жди моего звонка. Если что – прыгай в Вовкину тачку и ко мне. Там по ходу разберемся.

План был неопределенный, и он Свете не понравился. Она попыталась возразить – мол, надо ребят дождаться... Магомед мягко ее прервал:

- Света, я сейчас точно знаю, что делать этого не надо. Поверь мне, пожалуйста, ладно? Я не потому тебя об этом прошу, что я – мужчина гор и мое слово первое и последнее. Ты знаешь, я так никогда не поступал. Я тебе так потому говорю, что я... мужчина. Мне положено принимать решения, и я их принимаю. А двух правильных решений быть не может.

- ...Поэтому я вчера и не рассказала вам ни о чем, - закончила свой рассказ Света. – Мужчина принял решение, а двух правильных решений быть не может, - она вдруг так улыбнулась, взглянув на Магомеда, что Володя понял все без слов. "Любовь, любовь, ты правишь миром..."

- Ну, а этого гаврика мы держали вполне сносно, - добавил Магомед, - не думай ничего такого... Это он сейчас такой скрюченный сидит, чтоб не дергался. Ночью он спал в мягчайшей постели, даже без наручников.

Света вдруг прыснула. Володя в который раз за вечер удивился.

- Они его в гроб положили! – давась смехом, сказала Света.

- Куда?!
- В гроб!

Выяснилось следующее. Азербайджанец Ильхам держал в подвале не просто бордель. Это был, собственно, не бордель, а эдакий кабинетик для избранных, с "избранными" вкусами. Садомазохистские штучки, в общем. Среди прочего инвентаря стоял здесь и уютненький такой, просторный, двуспальный гробик с хорошей вентиляцией и окошком. Находились желающие в нем переспать. "Заключенного" предварительно накормили, вывели в туалет, в гробик положили мягкий пуховый спальник, проверили, хорошо ли вентилируется "помещение" (Магомед для этого сам лег сначала и полежал там минут десять). После этого Сергея положили на ночь. Он пытался сопротивляться, но Магомед был неумолим. Снаружи гробик замкнули – замок тоже был предусмотрен конструкцией, хотя тут уж ни Магомед, ни его охранники так и не смогли понять, зачем. Ильхама спрашивать не отважились. Мало ли что он ответит... Словом, замок пригодился. Взломать конструкцию изнутри было невозможно: гробик хоть и стилизован был под дерево, а материалом служила нержавеющая сталь.

Перед тем как положить Сергея в гроб ("Теперь твоей вечной дразнилкой будет: "Я тебя в гробу видал!" – черно пошутил Магомед), ему устроили очную ставку с финансовым директором кафе "Ночное". Только увидев Сергея, Эмиль Григорьевич скривился, как от зубной боли.

- Я вас умоляю, Магомед Султангариевич, зачем вы привели меня к этому поцу? У меня от одной его физиономии делается расстройство желудка!

- Туалет у нас в порядке, если что, – Магомед нынче был не очень расположен к шуткам, но все же не удержался. – Эмиль Григорьевич, это тот самый человек, который...

- Что – который, – всплеснул руками финдиректор, – что – который? Это тот самый человек! – И неожиданно добавил тише: - Бля буду...

Магомед улыбнулся. Сказывалось темное прошлое финдиректора. Магомед сказал:

- Должен я с этого... происшествия какую-никакую – свою пользу поиметь?

Он протянул "задержанному" трубку телефона, вежливо попросил его:

- Я тебя очень прошу, дорогой, - в речи Магомеда неожиданно появился кавказский акцент, - очень прошу: позвони своим людям, скажи им – не надо больше брать дань с моей фирмы. И моего финдиректора больше пугать не надо. Очень прошу – позвони, ладно? А то так и будешь сидеть вот так вот с наручниками. Знаешь, что бывает, когда наручники больше двух часов на руках? А если больше восьми? А двенадцати? Ну, вот с тобой это и будет. Позвонишь, а?

Сергей молча взял трубку, набрал номер, буркнул:

- ООО "Айран" освобождается от повинности! Передай там, кому надо...

Глава 27

Виталий Сергеевич Фролов в последнее время заканчивал работу поздно. В областном управлении ФСБ, как во многих областных ведомствах, в преддверии неизбежной победы на предстоящих выборах Геннадия Александровича Хлопкова проводились спонтанные реформы. В основном кадровые. Людей, числившихся в "условно неблагонадежных" по отношению к

будущей новой власти, в списках "оптичивали" и старались переместить на должности, не играющие существенной роли в общей структуре управления. Фролов был "оптичен". Против его фамилии в списке сотрудников управления стояла галочка. Начальник управления, генерал-майор ФСБ Анатолий Гаврилович Мамаев, на эту галочку посмотрел, подумал – и обвел ее жирно. Это означало, что капитана Фролова надо не просто убрать с передовых рубежей – с оперативной работы, - но задвинуть как можно дальше. Виталию Сергеевичу сделали предложение, от которого он, как офицер, то есть как лицо подневольное, отказаться не имел права. Собственно, предложением это не было. Приказ о его перемещении был не просто заготовлен – подписан начальником. Личное согласие – не более чем формальность. Его задвигали в архив. Послать начальство подальше, написать рапорт или сделать что-то еще решительное, - на это не хватило духу. Фролов вздохнул, подписал приказ – и пошел повиноваться. В трехдневный срок ему предстояло подготовить к сдаче дела по прежней своей должности.

Фролов сидел в служебном кабинете, рылся в бумагах, приводил их в порядок. Как для любого оперативника, порядок в делах и бумагах были понятия не идентичные. Настроение Фроловым владело отвратительное, он даже подумывал – не выпить ли? Удержался. Предстояло сесть за руль, ему несколько раз приходилось уже выяснять отношения с сотрудниками ГИБДД после того как "по должности", то есть по роду службы, пришлось предварительно врезать. Обстоятельства заставили. Конечно, всякий раз все кончалось благополучно, корочки ФСБ что-то еще значили. Но Виталий Сергеевич не любил лишних "проверок на дорогах". Да и жена без того в последние дни стала ворчать по поводу его поздних приходов, а если еще придет поддатый... В общем, не стал Фролов пить.

Давно был включен свет в кабинете, давно зашторено единственное окно. Зазвонил телефон. Оказалось – жена. Она ядовито просила Виталия Сергеевича:
- Ночевать будешь где?

Он вздохнул, не стал по телефону грубить, пообещал через полчаса приехать. Фролов жалел свою жену, хотя иногда в подобных случаях хотелось сказать ей что-то резкое. Она подчеркнута не желала считаться со спецификой его работы, он ей важен был только как неотъемлемая принадлежность дома. Как мебель. Жена была учительницей, преподавала математику в средней школе. Виталий Сергеевич в очередной раз подивился тому, как проникают в интеллигентные профессии неинтеллигентные люди. При этом – странно! – он любил свою жену. "Любовь зла..."

Фролов выключил компьютер, запер в сейф бумаги. Закрыв кабинет, сдал охране ключ, расписался. Вышел на крыльцо – и остановился, пораженный. Снег лежал повсюду. Часов в шесть вечера, когда он зашторивал окна, снег только-только начинал сеяться, мелко, робко. Теперь от снега улица была светлой, по-зимнему яркой. Фролов поежился – как большинство горожан, утром он вышел довольно легко одетым. Оказалось – не по погоде. Виталий Сергеевич усмехнулся. Ни один коренной сибиряк, если заставить его положить руку на сердце, никогда не сможет предугадать перемену погоды в Сибири заранее. И не в глобальной смене климата дело. Сибирь – отдельная страна.

Фролов перешел узкую улочку, подошел к своей старенькой "шестерке"... и как будто споткнулся, пораженный не менее, чем белым снегом. Скорее, более. На крыше его "Жигулей", на металлическом багажнике стоял огромный, темного дерева гроб. Высокий, каких он и не видел. В таких обычно людей не

хоронят, такие только в фильмах показывают, преимущественно американских. "Хорошо, что не выпил". Он осторожно обошел вокруг машины. Снег падал давно, и никаких следов, конечно, не сохранилось. Под правым "дворником" на лобовом стекле, однако, Виталий Сергеевич разглядел сложенный лист бумаги. Осторожно вынул его, развернул. Отпечатанный на принтере текст гласил: "Опись. 1. Гроб цельнометаллический, из нержавеющей стали, отделанный под красное дерево, весом килограммов 150 без содержания. Как мы его подняли наверх – отдельный разговор. Оснащен вентиляцией, снабжен окном из небьющегося стекла. 2. Вложение. Тело (живое!) ростом метр восемьдесят девять, талия сто двадцать, шея шестьдесят, одето в черный костюм с темным галстуком, белую (грязную уже!) рубашку, черные туфли, осеннюю куртку. Пол, видимо, мужской: признаки есть. Злобно откликается на имя "Сергей", хотя имя, скорее всего, вымышленное. Замечен в несостоявшемся похищении Веры Григорьевны Белозеровой (Свистуновой) 7 октября ... года, в нападении на Светлану Юрьевну Чапанову 27 октября ... года. Скорее всего, является наемником Николая Сергеевича Куреева или еще кого повыше. 3. Адресат. Капитан ФСБ Виталий Сергеевич Фролов. 4. Отправитель: адресату неизвестен. 5. Возможное применение вложения. Колоть его, козла, до самой жопы!" К листу бумаги был степлером прикреплен обычный почтовый конверт, в котором Фролов обнаружил небольшой ключ. Он присмотрелся к гробу. Сбоку обнаружил изящный замок вроде тех, какие вешают на почтовые ящики, но с виду попрочнее.

Фролов не все еще понял, но догадывался. "Дураки! Идиоты! Свяжись с газетчиками..." Он зачем-то еще раз обошел вокруг машины. Мокрый снег противно повизгивал под подошвой. В гробу вдруг завозились, донесся приглушенный, но тревожный голос:

- Ох...ели вы там все, что ли?! Замерзну, сдохну – зачем я вам тогда буду нужен?

Фролов отпер машину, открыл дверь, сел... и задумался. Что делать? Куда везти эту находку? Он набрал на мобильнике номер. Свистунов ответил заспанно и недовольно:

- Да!

- Твои штучки? – не здороваясь, спросил Виталий Сергеевич.

- Вы о чем, господин капитан?

- Дураки вы, блин!.. И что я теперь с этим... хозяйством делать буду?

- Не мешай честным людям спать, Виталий Сергеевич. Не знаю я, о каком хозяйстве ты говоришь. Спокойной ночи.

Фролов от души ругнулся. Ладно, припомню я тебе! И тут у него появилась мысль, которой он обрадовался. Капитан набрал еще один номер, коротко поговорил. Потом снова вылез из машины, постучал по стенке гроба.

- Тепло ль тебе, девица?

- Вот я тебя сюда запихнул бы, чтоб не спрашивал! Вы чего там все? Куда вы меня приволокли? Зачем на улицу вытащили? Не пойму, чего вы от меня хотите. Убить – так уж мочили бы сразу, чего издеваться-то?

- Я не знаю, с кем ты сейчас разговариваешь, восставший из ада, и как ты сюда попал, тоже не знаю. Но, судя по всему, попал ты по назначению. Меня зовут Фролов Виталий Сергеевич, я капитан ФСБ. Сейчас сюда прибудет следователь областной прокуратуры Григорий Павлович Добротный. Мы можем с тобой здесь прямо побеседовать с глазу на глаз, ты нам расскажешь все, что нас интересует, и мы не станем тогда оформлять официального задержания.

В гробу вдруг засмеялись.

- Ну ты идиот, капитан! Ты за кого меня принимаешь? Какое, к чертям, официальное задержание? Как ты меня можешь задержать, за что? В чем ты меня можешь обвинить? Да и следователь твой – какую предъяву он мне может сделать?! Брось, капитан, в законах я кое-что понимаю. Лучше будет, если ты меня отпустишь без шума. Шум тебе повредит. Погоны могут слететь.

Несмотря на поздний час, по проспекту Мира, улицам Маркса, Диктатуры пролетариата проезжали машины, изредка сигналили, шумели, и со стороны диалог между Фроловым и человеком в гробу был неслышен. Но если бы кто прислушался, наверняка мог принять капитана, беседующего с деревянным ящиком, за сумасшедшего.

Последнее замечание Сергея Фролову не понравилось. Он легко согласился с собеседником.

- И правда, какое задержание, к чертям! Не станем мы тебя задерживать официально. Не за что. Неофициально – другое дело. И беседа неофициальная может выйти душевней.

Возникла пауза. Потом Сергей завозился, да так, что машина покачнулась.

- Ты все-таки хромой на голову, капитан! И погоны у тебя слетят, это я тебе гарантирую. Я в гробу видел все твои... - он осекся. Голос звучал уже не так уверенно, как раньше, в нем угадывалась паника.

Фролов ухмыльнулся.

- Ну, в гробу-то пока ты...

Рядом с "Жигулями" остановилась серебристая "Волга" с синими номерами. Из-за руля вышел Добротный. С удивлением уставился на гроб.

- Это что за чудо у тебя на крыше, Виталий Сергеевич? Ты меня с постели поднял, чтобы вот на это полюбоваться?

- Сейчас расскажу, - Фролов пожал руку, достал сигарету. – Такое, значит, дело...

...Почти в самом центре города, там, где одна узкая и грязная, но длинная и извилистая речушка впадает в Великую Сибирскую реку, неподалеку от знака, обозначающего пешеходную зону, остановились два автомобиля – серебриста "Волга" и "Жигули" шестой модели. На крыше "Жигулей", схваченный веревками, высился большой темный гроб. Фролов и Добротный вышли из машин. Добротный озабоченно покрутил головой.

- Ну, и как мы его будем снимать?

Изнутри послышался глухой, замороженный голос:

- Мужики, вы чего? У меня руки затекли в этих долбанных наручниках! Если не выпускаете, так хоть наручники снимите!

- Сейчас снимем! – обрадовался капитан.

Он открыл замок, откинул крышку. Добротный на всякий случай страховал его с пистолетом. Напрасные опасения. Человек в гробу самостоятельно выбраться из своей "тюрьмы" не смог. Затекли у него не только руки, но и ноги. "Ну, идиоты!" – снова ругнулся про себя Фролов в адрес журналистов. Следователю он пока не стал объяснять, откуда взялся гроб. Записку, правда, показал. План у них возник в голове одновременно, они даже засмеялись, когда поняли, что разом подумали об одном и том же.

- Как его снимать-то, елки зеленые? Ну, уроды все-таки твои друзья! – Добротный был человеком умным.

- Какие друзья? – деланно насторожился Фролов. – Ты о чем, Григорий Павлович?

- Так, ветром навевало... Давай как-то вынимать его оттуда.

С горем пополам Сергей перекатился через высокую стенку гроба, неуклюже плюхнулся на руки офицеров, те едва удержали тяжелое тело. На всякий случай оба переложили пистолеты в карманы. Но Сергей, похоже, был деморализован полностью, к тому же изрядно замерз и, кажется, простыл. Наручники с него сняли, но посадили на переднее сиденье "Волги" и завернули куртку назад так, что руки его оказались крепко прихвачены к спинке сиденья. Фролов сел рядом на водительское место, держа в руке пистолет.

- Да чего вы сейчас-то меня путаете? – вяло пытался сопротивляться захваченный. – Куда я, такой, денусь, что могу?

- Береженого Бог бережет, - деловито сказал Добротный, хлопывая и ощупывая карманы Сергея. Тот смотрел на него насмешливо.

- Ты всерьез думаешь, что ваши придурочные друзья оставили бы мне оружие?

- Какие друзья? Друзей у нас нет, тем более придурочных! – поспешно сказал Фролов.

Настала очередь Добротного взглянуть на капитана насмешливо. Он, впрочем, ничего не сказал.

Следователь вынул из кармана маленький цифровой диктофон, включил запись.

- Ну что, друг дорогой, ноги-руки отошли? Давай, рассказывай с самого начала – кто ты, откуда, чем занимаешься, главное – по чьему указанию.

- Меня зовут Юрий Константинович Сарапулов. Сегодня четверг, двадцать девятое октября ... года. Я нахожусь сейчас... Я делаю настоящее признание абсолютно добровольно, без всякого принуждения...

Завербовать "Сергея", который, как выяснилось, был Юрием Константиновичем Сарапуловым и работал, действительно, на Куреева и Громова, не составило большого труда. Его устное признание в том, что он получал специальные задания от представителей штаба Хлопкова, что задания эти были направлены на смену собственников краснохолмских предприятий, что порой, как в случае с Евсеевым, эта смена сопровождалась убийствами, постоянно – запугиванием, дополнено было признанием письменным. В салоне "Волги" зажгли свет, Сарапулову дали планшетку, освободили руки, попросили – без глупостей. Он серьезно посмотрел на офицеров.

- Мне ваше предложение нравится, - сказал он. – С детства мечтал поиграть в шпионов всерьез. Так что я без глупостей...

В этот момент в памяти его отчетливо всплыла пощечина, полученная им от Громова. Сарапулов оскалился: "Вот я тебе, падла, и отомщу!"

Вербовка была пока неформальной, предстояло ее узаконить, внести нового агента в положенные списки. Но это – рутинная работа. Де факто Юрий Константинович Сарапулов, он же Сергей, он же Иннокентий Никифорович, с настоящего момента уже служил управлению ФСБ и областной прокуратуре. Крючок в виде "добровольного" признания собственных и чужих заслуг был прочным и срыва не предполагал.

На Стрелке просидели почти до рассвета. Когда небо зарозовело, Фролов спохватился. Вышел из салона, набрал домашний номер. Трубку не брали долго. Наконец он услышал заспанный голос жены.

- Послушай, ты извини, тут непредвиденные обстоятельства...

Жена отключилась, не дослушав. Второй раз звонить домой Фролов не стал.

Внимательно прочитав письменные показания Сарапулова и согласовав дальнейшие планы, они отпустили его на все четыре стороны. Потом подогнали фроловские "Жигули" к самой кромке набережной, вплотную к ограждению, поднатужились – и скинули металлический гроб вниз. Ящик лязгнул крышкой, несколько раз перевернулся на склоне – и ухнул в черную осеннюю воду. Они посмотрели, как медленно он погружается на дно.

...Рано утром в квартире генерал-майора Анатолия Гавриловича Мамаева раздался звонок. Генерал обычно поднимался рано, но телефон зазвонил прежде будильника. Когда же он услышал в трубке голос своего подчиненного – того самого, галочку против фамилии которого он лично обвел жирной чертой... гнев Анатолия Гавриловича передать трудно. Однако, послушав немного трубку, он вдруг переменялся в лице, стал лихорадочно искать одежду, говоря при этом:

- Ну-ну, ладно, ты же не у меня в кабинете! Не болтай! Сейчас еду!

Виталий Сергеевич Фролов обеспечил себе дальнейшую карьеру, связанную все-таки с оперативной работой, а не архивной пылью. Генерал раздумал переводить его с должности, которую тот занимал до сих пор. Фролов должен был благодарить за это Магомеда, Свету и Владимира Свистунова.

Он и поблагодарил.

Володе на секретную мобильную "трубу", номер которой знали только Фролов и Комаров, Виталий Сергеевич позвонил часов в шесть утра. Ночь была сломана, и хотелось хулиганить. Разумеется, трубку никто брать не торопился. Журналистам свойственно долго спать. Наконец, длинные гудки сменились на удивление бодрым голосом Свистунова.

- Господин капитан, старший сержант Свистунов у телефона!

- Спал, поди?

- Господь с вами, Виталий Сергеевич! Время такое – не спать, бодрствовать велит.

- Вот и я всю ночь бодрствовал вашими молитвами. Гады вы все-таки, газетчики! Нехорошие вы люди. Жестокие. И дураки. И шутки у вас дурацкие.

- Что стряслось, господин капитан? – голос Володи звучал так искренне, что Фролов на секунду заколебался – может, и правда не они? И тут же разозлился на себя.

- Иди к черту! В общем, посылку твою я получил. Содержимое оказалось весьма любопытным, спасибо. Дичь не первой величины, но все-таки. Правда, пришлось ее в итоге отпустить.

После длинной паузы Володя заорал, теряя самообладание:

- Как отпустить?! Ты что – охренел? Вот, блин, профессионалы, мать вашу! Опять облажались!

Фролов скривился.

- Фу, как некрасиво вы ругаетесь, Владимир Николаевич, фу, как некрасиво! Я вас даже слушать не хочу! Я вам все подробности при встрече расскажу, а то вы орете так, что ушам больно. Доброго вам утра и удачного дня.

...А вечером выпустили из СИЗО Комарова. Сергей Юрьевич пришел сам, без предупреждения. Был он небрит и слегка растерян. Прямым ходом, едва кивнув Ларисе, он прошел в свой кабинет, открыл холодильник, достал оттуда бутылку водки, налил полстакана и залпом выпил. Выдохнул, обернулся к стоявшей статуей Ларисе.

- И что? – непонятно спросил ее, снова налил, выпил – и попросил собрать всех, кто есть.

Глава 28

Вообще говоря, прокурорский следователь Добротный и капитан ФСБ Фролов поступили в отношении Сарапулова не совсем так, как могли бы поступить. И, с некоторой точки зрения, как должны бы. За Сарапуловым числились шантаж и убийства, он был связан с некоторыми другими людьми, которые находились ближе к заказчикам или, наоборот, являлись непосредственными исполнителями заказов. Фролов и Добротный даже сначала поспорили немного по поводу того, какое решение окажется правильным. Добротным руководила твердая корпоративная установка: место бандита в тюрьме! Фролов с этим был согласен, но пытался убедить Григория Павловича в другом с помощью таких соображений: они посадят – точнее, поспособствуют тому, чтобы кто-то другой посадил за решетку – одного из исполнителей. Не рядового, но и не главного. Не заказчика. Теоретически он может, конечно, вывести их на людей поглавнее. Но на суде спокойно откажется от своих показаний, заявит, что они добыты незаконным путем, что он дал их под давлением, и... и это будет не совсем неправдой. Адвокаты за это уцепятся – и отмажут его, как не фиг делать. Это первое. Второе – вообще не факт, что дело дойдет до суда. Когда в преддверии грядущей победы Хлопкова на выборах заранее перестраивается вся правоохранительная структура области (у Добротного в прокуратуре царил такой же бардак, как в УФСБ, как в областной милиции), заматать его проще простого. В итоге кончится тем, что оба они – Добротный и Фролов – лишатся службы или будут задвинуты так далеко, что никогда не смогут никому принести никакой пользы, а этот гад Сарапулов будет с воли, из своего навороченного авто, казать им нос. При нынешнем же раскладе его показания, чья юридическая состоятельность нуждается в сильном подкреплении, служат верным средством для того, чтобы держать его в зоне влияния сколько угодно долго и прочно. Если запись разговора в машине передать, допустим, Громову или Курееву, Юрий Константинович вряд ли проживет после этого больше суток.

Сарапулов все это тоже понимал, понимал, как прочно он попался. Выхода у него не было, историю своих и чужих преступлений он рассказал подлинную. Ему не хотелось врать. Он боялся. А еще, как ни странно, помимо страха, двигало им какое-то подобие азарта. Он действительно не прочь поиграть "в шпионов". И отомстить Громову за позорную пощечину. Так что вербовка Сарапулова была и впрямь наполовину добровольной.

Вечером собрались на конспиративной квартире Комарова. Юрьич был уже в состоянии благодушном, рассказывал о своем аресте и недельном пребывании в камере СИЗО с юмором. Но седины в волосах добавилось. Как он рассказывал, отпустили его с извинениями и без всяких дополнительных объяснений.

- Что я предполагаю, братаны? – Юрьич поднял рюмку. В честь его освобождения водки на совещание взяли. Юрьич выпил и закусил. – Предполагаю, что завтра-послезавтра, точнее – в понедельник-вторник – на нас должна нагрянуть налоговая инспекция с проверкой. Потом придут пожарные, санэпидемнадзор...

- Они-то с какой стати? – недоуменно спросил кто-то.

- Откуда я знаю? Придут, пару-тройку дней попортят нам кровь, потом извинятся и скажут – дверь, мол, ошиблись. Потом начнут присылать всякие идиотские запросы и предписания из управления печати. Ну и так далее. Много

чего еще будет. Долги возникнут непонятные перед, скажем, Шаркуновым, а пока с долгами будем разбираться, газета печататься не будет. Мало ли чего можно придумать еще. Теперь – что я предлагаю? То есть – к чему я это? Во-первых, к тому, что временно все расчеты "черным налогом" с сотрудниками придется прекратить. Чтобы журналисты и прочие не обиделись и не вынесли это наружу, надо с ними хорошенько поговорить. Объяснить им, что причитающееся они получают сполна после окончания выборов. Они умные люди, они поймут. В нашей газете никто за одни только деньги не работает, - Юрьич горделиво поправил очки – они у него снова были на веревке, - большинство трудится еще и за идею. Во-вторых... Это не очень весело, но необходимо. Во-вторых, придется временно прикрыть "Землю Краснохолмскую".

- Зачем?! – Гриша Калиниченко был в горестном недоумении. – У нас ведь, наоборот, появился шанс сделать независимую газету в полном смысле слова!

- Независимой газетой в полном смысле слова мы теперь сделаем "Вечерку", - спокойно ответил Комаров, - раз Иван Петрович повел себя, как... в общем, ясно. А вот если станем продолжать "ЗК", неизбежно возникнут вопросы: откуда деньги, на которые мы раскручиваем издание? Вкладывать придется, а накопленных денег на счету нет, это прекрасно известно всем, кому интересно. Вынем из загашников – сразу налоговая с вопросами. И что мы ответим? В общем, решение, думаю, должно быть однозначным. А идеи будем реализовать в "Вечерке".

Собравшиеся молчали, переваривая.

- Я, Сергей Юрьевич, знаю, почему ты хочешь "Землю" закрыть, - задумчиво проговорил Магомед. – Тебе после тюрьмы аббревиатура не нравится. "ЗК".

Свистунов заржал, хлопнул друга по плечу:

- Мага, я говорю – переходи в расследователи!..

В дверь вдруг условно позвонили. Свистунов вздрогнул, пошел открывать. В квартиру ворвался Виталий Сергеевич Фролов. Он обвел всех веселым взглядом, особо остановив его на Володе. Свистунов наливался праведным гневом. Фролов перевел взгляд на Магомеда, Свету... Магомеда взгляд не смутил, Света не выдержала, отвела глаза.

- Что, похитители, молчите? С товарищами-то своими подвигами поделились?

Все, кроме Володи, Светы и Магомеда, выглядели озадаченно.

- Вы о чем, господин капитан? – сдерживая гнев, вежливо спросил Володя. Фролов вздохнул, оседлал стул.

- То, что вы мне этого вонючку подкинули без предупреждения, вас, конечно, гарантирует от возможных неприятностей. Я вам не могу предъявить обвинения в незаконном лишении свободы гражданина России, а его показания ничего не стоят без свидетелей. Ну а свидетелей, конечно, нет? – это прозвучало скорее утвердительно. Фролов по-прежнему улыбался. – Однако мы с вами, - он ткнул пальцем по очереди в троих, - знаем: лишение свободы незаконное было...

...Когда Добротный с Фроловым записали рассказ Сарапулова, тот спросил вдруг:

- А о том, как меня в подвале держали два дня, тоже рассказывать? Вы тоже это запишете?

Добротный недоуменно уставился на него.

- А как же, - спокойно ответил Фролов, - конечно, рассказывать. Запишем обязательно. Давайте по той же форме – я, такой-то, сегодня такое-то число...

Он посмотрел на следователя так, чтобы тот понял: не надо пока ни о чем спрашивать. Добротный только качал головой, пока Сарапулов рассказывал о своем "плене". Фролов записал, продемонстрировал запись. Потом, когда вновь обретенного агента отпустили, Добротный повернулся к нему.

- И что мы с этим теперь будем делать? Это ж преступление!

- Ну, мы с тобой, Гриша, сейчас тоже не вполне законно поступили, - усмехнулся капитан.

- Так ты для него, что ли, картину гнал? Чтобы его успокоить? Тогда сотри про то, как его в подвале держали, чтобы и следов не осталось.

- А вот стирать, Гриша, я ничего не буду, - взгляд Фролова вдруг сделался холодным. – Мало ли как судьба повернет...

Добротному на секунду стало неудобно рядом с капитаном. Спорить он не стал.

Журналистам Фролов правды не сказал.

- Юрий Константинович нам все рассказал – как вы его в подвале заперли, как он в гробу ночевал... Но записывать я это не стал.

- Какой Юрий Константинович? – удивился Володя.

- Ах, ну да, вы же не в курсе, для вас он – Сергей. На самом деле зовут его...

Фролов рассказал все, что запомнил. Наконец, не выдержал Комаров.

- Слушайте, я вроде не так много выпил сегодня, и в СИЗО меня по башке не били. Но я ничего не понимаю! Поясните...

Свистунов мялся, глядел на Магомеда, Свету. Фролов засмеялся:

- Ты думаешь, если сейчас все расскажешь, я тебя немедленно арестую? Не для того я сюда прихожу, не для того вам помогаю, чтобы... В общем, как хочешь.

- Тогда давай начнем с тебя, Света, - сказал Володя.

Они рассказали все, что случилось в последние двое суток. Это стало открытием для многих, включая Веру. Ее Володя тоже раньше не посвящал. Она с укором на него посмотрела. Потом Фролов в свою очередь рассказал, как обнаружил гроб и что с ним дальше было. Поведал и об участии в "операции" Добротного.

После этого он вынул из кармана диктофон, включил воспроизведение.

"Меня зовут Юрий Константинович Сарапулов, сегодня четверг, двадцать девятое октября ... года". Файл со вторым признанием Сарапулова о подвале Фролов благоразумно переместил в компьютер, не стал оставлять на диктофоне.

Прослушанная запись произвела сильное впечатление. Обо всем или не обо всем рассказал Сарапулов, но рассказал много. О том, как насильственно меняли собственников краснохолмских предприятий, как запугивали, а в крайнем случае устраняли непокорных директоров, о том, кто стоит за этим. Звучали две фамилии: Куреев и некто Громов, о котором никто ничего не знал. Сарапулов знал только, что прибыл Громов из Москвы и работал непосредственно со столичным "кукловодом". Когда запись кончилась, Фролов спросил:

- Ну и что, господа журналисты и примкнувшие, будем делать с этим... богатством?

Володя задал встречный вопрос:

- Я все же не понял, Виталий Сергеевич, а зачем отпустили-то этого деятеля? Почему его нельзя сейчас было закрыть? Тем более Добротный в курсе...

- Ты, братан, когда-то умный, а иногда... - Комаров смотрел на Володю с брезгливой укоризной. – Если его сейчас прихватить, шум поднимется, это привлечет внимание, напрягутся главные действующие лица, привлекут хороших адвокатов – дело развалится, как не было его. Ну, подержат парня в СИЗО – и отпустят с миром.

- Как тебя?

- С одной разницей: меня зря держали, его зря отпустят. Но отпустят обязательно. А так – поводок появился, на котором его теперь господа офицеры держат. Не так? – повернулся он к Фролову.

- Золотые слова! Добавить нечего, - развел руками Виталий Сергеевич. – Так что зря вы, Владимир Николаевич, на меня утром по телефону лаялись. Некрасиво это, ругаться по телефону... Ну, и что будем делать?

Совещание на конспиративной квартире случилось в пятницу. Во вторник следующей недели газета "Вечерний Краснохолмск" вышла с первополосным заголовком: "Новое об убийствах и банкротствах в Краснохолмске". Информация, полученная с диктофона, была использована аккуратно, материал содержал больше намеков и аллюзий, чем конкретной информации. Но и сквозь намеки ясно угадывались действующие лица – мэр Ланска Куреев, директор табачной фабрики Кусков, адвокат Северовский, московские спонсоры Геннадия Хлопкова. Журналисты еще раз напомнили читателям о загадочном убийстве журналиста Ильи Пашкева в Новосибирске (к Свистунову приезжал следователь, записал показания, больше пока не звонил), о том, что происходит в поселке Золотой прииск на севере области. Был еще раз дан список предприятий, которые переводят часть своей прибыли за границу через счета новосибирского отделения "Русьбанка", рядом с ним напечатали список предприятий, которые, по сведениям журналистов "ВК", были обанкрочены или сменили хозяев в последние два месяца. Публикация хоть и была внушительной по объему и громкой по заголовкам, все же не вызвала ожидаемого фурора. Люди очень скоро привыкают считать нормой то, что происходит каждодневно. Как в анекдоте про белоруса, которого посадили на гвоздь, а он не удивился: "Можа, так и нада?" Все мы – немножко такие... "белорусы".

Свистунов, сидя в кабинете шефа, горестно сокрушался:

- Если бы только можно было напрямую использовать все, что надиктовал Сарапулов! Если бы всему тому были доказательства! А так – ну что, экивоки сплошные, намеки, лишний повод обвинить нас в недостоверности и непрофессионализме.

- И какие предложения? – хмуро поинтересовался Юрьич.

Володя вздохнул, промолчал.

Если бы кто-то из коллег Комарова и Свистунова прослушал диктофонную запись рассказа Сарапулова о происходящем в Краснохолмской области на протяжении нескольких последних месяцев, он легко понял бы стенания журналистов. Юрий Константинович рассказывал скупое, сдержанное, без эмоций, будто заполнял протокол – собственно, так оно и было. А живое воображение рисовало картинку того, как это происходило на практике.

* * *

...Рано утром в квартире Зимина, основного владельца ЗАО "Виктория", которой принадлежал контрольный пакет акций Краснохолмского завода вискозных нитей, сокращенно "Кразвин", раздался телефонный звонок. Зимин принадлежал к той активной части предпринимателей, которые, располагая приличной собственностью, способной работать без их участия, при этом не устранялись от дел, а все время искали что-то новое – способы наращивания прибыли, новые объекты инвестиций... Он вставал рано, и звонок застал его, когда он завтракал.

- Доброе утро, Григорий Алексеевич, - мужской голос в трубке был приятным, но незнакомым. Зимин ответил и извинился за то, что жует. – Ничего, это не помешает разговору. Разговор у меня к вам короткий. Мы покупаем у вас вашу фирму.

Зимин подавился, закашлялся. Собеседник на том конце провода терпеливо ждал. Зимин пришел в себя.

- Это все? – вежливо спросил он.

- Пока все, - так же вежливо ответил звонивший.

- Всегда знал, что осенью психические заболевания обостряются.

Обратитесь к вашему лечащему врачу! – Зимин повесил трубку.

Утро было слегка испорчено. Но больше в этот день дурацких звонков не было, и за делами Зимин как-то забыл об утреннем телефонном "террористе".

Завод "Кразвин" некогда входил в империю алюминиевого короля Краснохолмска Петровича. Когда губернатор Гусев объявил войну "криминалу" во главе с Петровичем, завод стремительно разорили. Теперь его, полуразрушенный, на свой страх и риск купила фирма "Виктория", вложила в него солидные капиталы, вернула часть уволенного руководящего персонала, часть отправленных в бессрочный отпуск кадровых рабочих, заключила выгодный договор с японской корпорацией "Асахи", сулящий области приличный приток денег в виде налогов, а предприятию – новые рабочие места. Все мысли Зимина в последние месяцы были заняты исключительно открывшимися перспективами.

"Террорист" напомнил о себе через сутки.

Поцеловав жену – она уходила на работу раньше, - Григорий Алексеевич сел завтракать. Телефон зазвонил, едва он успел откусить бутерброд.

Чертыхнувшись, он поспешно прожевал кусок, запил чаем и взял трубку.

- Доброе утро, Григорий Алексеевич! И приятного аппетита, - от звука вчерашнего приятного голоса Зимин вздрогнул. – Будьте добры, взгляните в окно. Я перезвоню минут через пять, - трубка коротко запищала.

Зимин бросился к окну, предчувствуя недоброе. Маша как раз вышла из подъезда, подходила к своему светло-зеленому "жуку", который все в городе знали, – это был первый в Краснохолмске "фольксваген-жук". Машина хранилась на крытой стоянке неподалеку от дома, но сама жена за ней не ходила. У Зимина был свой механик, каждый вечер он осматривал машину, прежде чем поставить ее в гараж, а каждое утро в одно и то же время пригонял автомобиль под окна. Жена на ходу достала ключи, сняла машину с сигнализации – Зимин в это время рвал окно, пытаясь успеть крикнуть ей, чтобы она не садилась. Не успел. Маша обернулась, увидела его в окне, махнула рукой – и села в салон. Через несколько секунд раздался сильный хлопок, под днищем что-то полыхнуло, "жук", нелепо подпрыгнув, разом опустился на все четыре диска. Зимин обмер. Еще секунду спустя дверца машины распахнулась, перепуганная Маша выскочила наружу и, не оглядываясь, бросилась к подъезду.

Он выскочил ей навстречу, вместе с переполошившимся консьержем они завели жену в квартиру. Зимин налил ей воды, накапал валерьянки. Маша была бледна, едва могла говорить – так напугалась.

Зазвонил телефон. Зимин схватил трубку.

- Ах ты, гнида!.. – если бы звонивший в это время находился рядом, Зимин придушил бы его не думая. – Я убью тебя, слышишь? Убью тебя!

Трубка немного помолчала, потом все тот же спокойный голос произнес:

- Поступим так. Когда вы успокоитесь и все тщательно обдумаете, позвоните в адвокатскую контору Северовского, непосредственно Максиму Яновичу. Скажите просто: готов к разговору. Он поймет. Поверьте, так будет лучше.

Телефон дал отбой. Зимин растерянно оглянулся, словно в поисках помощи. Маша сути происходящего не поняла, она еще не отошла от шока. Вдруг снова раздался звонок. Зимин вздрогнул, неуверенно поднес трубку к уху.

- Это квартира Григория Алексеевича Зими́на? Я с ним говорю? – голос был юный, девичий.

- С ним. Кто вы и что вам нужно?

- Григорий Алексеевич, по нашим сведениям, только что неизвестные пытались взорвать машину вашей жены. Это правда? Можете вы как-то прокомментировать происшедшее? - девушка явно торопилась первой получить подробности.

- Кто вы, черт вас возьми?!

- Мы? – удивилась девушка. – Телекомпания "ТК"...

Зимин отключил телефон, немедленно вызвал механика, поручил ему срочно оттащить машину куда угодно, подальше от глаз любопытных. Через десять минут "жука" на месте не было. А еще через минуту под окнами лихо разворачивались две машины с корреспондентами и операторами конкурирующих городских телекомпаний.

Спустя час Зимин звонил в контору Северовского. После этого он набрал на переговорном устройстве короткий номер, спросил у консьержа:

- Где телевизионщики?

- Пасутся у подъезда, ждут. Оттуда выгнать я их, сами понимаете, не могу, - голос консьержа звучал виновато.

- Понимаю, Валера, понимаю... Ладно. Уйду другим подъездом.

Дом, где жил Зимин, был построен по индивидуальному проекту. В двух подъездах на двух этажах располагались четыре больших квартиры, которые занимали сам Зимин и его коллеги и соратники по бизнесу. Внутренняя галерея позволяла переходить из подъезда в подъезд. Журналисты могли об этом знать, но могли и не знать. В элитные дома их пускали не каждый день. Зимин перешел через галерею, спустился в вестибюль, там сидел второй консьерж. Зимин попросил его выглянуть на улицу, тот осторожно выглянул – кивнул: можно выходить. Зимин вышел, быстро повернул за угол, почти бегом направился к гаражу. Черная БМВ, неслышно шелестя шинами, выкатилась из подземного чрева.

Сделка по передаче основной доли ЗАО "Виктория" от Григория Алексеевича Зими́на неизвестно кому (как и в случае с супругой покойного Евсеева, Северовский не открыл, в чьих интересах действует) совершилась в течение одного дня. Вместе с этой долей к новым владельцам автоматически перешел "Кразвин" со всеми его русско-японскими договоренностями и перспективами.

...Валентин Петрович Мамаев был внешним управляющим ОАО "Стройматериалы". Предприятие было искусственно доведено до банкротства в эпоху передела собственности с участием чиновников губернатора Гусева. Активным борцом на этой арене выступал губернаторский сын. Сейчас, когда внешним управляющим арбитражный суд назначил Мамаева, тот привел на завод свою команду, ситуация начала понемногу выправляться. Завод гасил налоговые долги, постепенно восстанавливал утраченный рынок сбыта, пошли первые плюсы в финансовой отчетности.

Однажды в офис к Мамаеву пришли двое неизвестных молодых людей. Секретарше они представились как сотрудники некоей фирмы, у которой для управляющего есть коммерческое предложение. Мамаев, конечно, принял визитеров. Те прошли в кабинет, один из них, что был похудее и подлиннее, вынул из портфеля какую-то бумагу, положил перед Валентином Петровичем, сам остался стоять рядом, ожидая. Мамаев прочитал, недоуменно поднял глаза.

- Как понимать?

- Понимайте буквально, - нагло ухмыляясь, ответил тот.

Бумага – заявление в комитет кредиторов ОАО "Стройматериалы" – гласила: "Я, Мамаев Валентин Петрович, прошу комитет кредиторов освободить меня от должности внешнего управляющего ОАО "Стройматериалы" ввиду невозможности дальнейшего полноценного исполнения обязанностей. Причина – резко ухудшившееся здоровье". Дата, подпись.

Мамаев, который в молодости не раз выходил на один борцовский ковер с Иваном Ярыгиным, недолго думая взял длинного за галстук, от души приложил его к столу и так же – за галстук – вывел из кабинета. Второй, маленький и пухлый, пытался проскользнуть мимо хозяина кабинета в двери, но Мамаев успел ухватить его за руку и едва ее не сломал. Визитеры исчезли, а Валентин Петрович долго еще не мог успокоиться.

В тот же вечер в подъезде дома, где он жил, неизвестные металлическими трубами избили Валентина Петровича до полусмерти. Ему проломили череп, в нескольких местах поломали руку. Истина о том, что против лома пока не выдумано приема, снова нашла свое трагическое подтверждение. В реанимации он находился до сих пор. Рядом с его кроватью стояла кровать директора другого завода, который осмелился обратиться по аналогичному поводу в милицию. Того сбила машина. "Нужную" бумагу, которую Мамаеву принесли в палату те же люди, что приходили к нему в кабинет, он подписал сразу. У визитеров хватило цинизма пошутить: "Мы же говорили, здоровье ухудшится! Вам и врать не приходится..."

* * *

Об этом и о многом другом рассказывал на диктофоне Сарапулов. Но все это можно было использовать, только не называя имен и не приводя наименований предприятий. Такому результату расследования, конечно, цена была грош.

Но в некоторых местах на публикацию внимание обратили. Утром Юрьичу позвонил помощник областного прокурора, не попросил – приказал явиться в прокуратуру к двенадцати дня. Иначе, сказал, привезем насильно. "Вы ведь уже знаете, что такое наручники?" – помощник не скрывал ехидства. Были и другие звонки – как всегда, осторожно интересовался источниками информации начальник пресс-службы областной администрации Матвей Хабаров, звонил

помощник Виктора Александровича Бороды и скупно поблагодарил от имени шефа за мужество – Юрьич едва удержался, чтобы не послать его вместе с шефом. Неожиданно позвонил сам Полозков, но разговаривать с ним Комаров отказался.

А часов в одиннадцать утра нагрянула с проверкой налоговая инспекция. Без звонка. Как и прогнозировал Сергей Юрьевич.

Внеплановая проверка стала началом длинной и утомительной череды различных инспекций. В среду и правда явились пожарные, прошли по коридору редакции, не заходя в кабинеты, вручили редактору заранее заготовленное предписание. "ВК" предлагалось в трехдневный срок устранить недостатки, в противном случае пожарный надзор грозился опечатать помещение и запретить доступ в него. Недостатки были такими, какие устранить редакция не могла, поскольку связаны они были с системой энергоснабжения всего здания.

В четверг принесли уведомление из областного Управления печати. На десятом году существования газеты "Вечерний Краснохолмск" обнаружилось нарушения в регистрации. Например, редактор должен был в уставе называться "главным редактором", еще кое-что по мелочи. "Пока не переделаете устав, газета выходить не должна", - устно подтвердил по телефону начальник управления.

Газету обложили. Осада длилась до самых выборов.

Глава 29

Весь ноябрь Краснохолмск лихорадило. По всем направлениям, включая погоду. В конце октября после долгого тепла выпал снег, похолодало, щадящие морозы до 15 градусов держались чуть больше недели. Потеплело как раз к революции. Или, по новому стилю, ко Дню согласия и примирения. 6 ноября весь день почти шел мелкий противный дождик, было плюс пять, снег, не успев по-весеннему почернеть и осесть, спешил водой сбежать от такого непонятного поведения природы. В ночь с 6 на 7 слегка подморозило, праздничным утром термометр за окном показывал минус один. Дул обжигающий, ледяной ветер, обычный для Сибири об эту пору. Желаящие "соглашаться и примиряться", собравшись на традиционный митинг у памятника вождю мировых люмпенов, нетерпеливо переминались с ноги на ногу, хотя и это было затруднительно: гололед за ночь образовался свирепый; легкий морозец, стукнувший поверх оттепели, - ничего хуже для Сибири в это время нет. Население уже внутренне настраивается на, так сказать, полнокровную зиму, переодевается и внешне, и психологически, - и вот оно... Но участие в митинге для многих было вынужденным, и приходилось терпеть повинность.

Задолго до 7 ноября директора тех предприятий Краснохолмска, которые перешли в собственность новых хозяев, через своих менеджеров передали рабочим коллективам настоятельное пожелание – на митинге присутствовать непременно. Необязательно всем, но представители должны быть от каждого цеха, смены, бригады. Невыполнение чревато было крупными неприятностями, вплоть до вынужденного "добровольного" увольнения.

На митинге, помимо традиционных лозунгов, были и другие – в поддержку кандидата в губернаторы области Геннадия Александровича Хлопкова. Оригинальностью отличался один: "Поддержим на выборах губернатора области единого кандидата от блока коммунистов и беспартийных

Г.А.Хлопкова!" Портреты Г.А. на древках возвышались над унылой толпой. На портретах Г.А. был значительно выше, чем на самом деле, выглядел сущим богатырем. Широкие плечи, благородная сдержанность во взгляде... На самом деле был он маленьким, узкоплечим, длинноносым, двигался не то чтобы быстро – суетливо. Суетливость виднелась и во взгляде, и никакой благородной сдержанности этот взгляд не содержал.

Кандидат лично приехал поприветствовать митингующих. Он недемократично подкатил на серебристом "мерседесе", демократично пожал руки ожидавшим, бодренько влез по деревянной лестнице на трибуну, подошел к микрофону, деланно удивился большому скоплению народа. Сказал – мол, раз народ ежегодно в таком количестве собирается у памятника вождю, чтобы отдать дань революционной традиции – значит, что-то эдакое в традиции есть. И Ленин, значит, по-прежнему всегда молодой, и юный октябрь все так же впереди. И вообще – есть у революции начало, нет у революции конца. Кандидата занесло, и он стал молотить уж вовсе несусветное: от каждого – по возможности, каждому – по потребности. Совершим экономический рывок – и подарим себе коммунизм. В отдельно взятой области. Потом кандидат "нечаянно" наткнулся взглядом на плакаты, которые его славословили, поморщился, посетовал вслух, посокрушался: вот, даже святую дату умудрились обратить в агитационное мероприятие! Пиарщики оборзели совсем, никакого с ними сладу. Я там, в штабе, кому надо, холку-то намылю... "Намыленная холка" стоила, по расценкам приглашенных пиарщиков, долларов тысячу.

В это примерно время другой кандидат в губернаторы области Виктор Александрович Борода ругательски ругал начальника своего штаба Евгения Нартова.

- Жень, какого черта ты мне устроил?! – коренастый, широкоплечий, с круглым румяным лицом, Борода вовсе не производил впечатление человека, умеющего всерьез сердиться и нервничать. Сейчас, однако, он был взвинчен до предела. Он широко ходил по кабинету начальника штаба, переставлял с места на место стулья. – Ты почему этот митинг гребаный проигнорировал? Почему этот доходяга там, а я, извиняюсь?... Я, конечно, тоже могу туда поехать и сказать какие-то слова...

- Не надо, - тоном человека, уверенного в себе, сказал Нартов, – не надо. И мебель ломать не надо. Не психуйте, Виктор Александрович. Все это – часть общей программы.

- Какой, в задницу, программы?! – взвился Борода и отшвырнул стул. – Ну какой программы? Этот урод светится каждый день на публике – то он в детском доме, то у ветеранов, то... - Борода с отвращением кивнул в сторону телевизора с жизнерадостной физиономией Хлопкова. – А я в лучшем случае сижу, как идиот, перед видеокамерой и рассказываю всем, какие сволочи до сих пор управляли областью. Он экономический рывок обещает – неважно, что это миф, но это – позитив. А у меня? Позитив где?

- Он – с красными, мы – за демократическое будущее, - так же спокойно и уверенно ответил начальник штаба. – Красные сейчас не в моде. По всем опросам, рейтинг их падает.

- Рейтинг... У меня от этих выборов другое падает, - невесело усмехнулся Борода. – В самом буквальном смысле...

- Потерпите, Виктор Александрович. Я привез самую профессиональную в стране команду пиарщиков. Они с Урала, у них офигенный опыт. Они не позволят вам проиграть. Вопрос чести.

Штаб Бороды вместо участия кандидата в публичных митингах предлагал многое другое. Например, в тот же день 7 ноября было организовано несанкционированное шествие бомжей по Путепроводному мосту через Великую Сибирскую реку. Бомжи шли плотной, хоть и не очень многочисленной, колонной, несли лозунги: "Хлопкова в губернаторы области!", "Вся власть – "Заполярской меди"!", "ИнтерГросс" – наш рулевой!" и подобные, не менее идиотские. На мосту, где проезд и без того был затруднен, мгновенно образовался затор. Водители сначала сигналили, потом, поняв бесперспективность этого, молча наблюдали сквозь стекла машин, как идет по мосту полупьяная (бомжам выдали деньги) серо-коричневая масса. Телевизионщики поспели, операторы снимали, отчаянно мешая друг другу. Наконец, горланя сиренами и вертя фиолетовыми мигалками, сквозь затор с трудом пробралась машина с аббревиатурой ДПС. Оглядевшись и поняв, что одним не справиться, сотрудники ГИБДД вызвали по радиации своих коллег из милиции общественной безопасности. Те приехали, с трудом растолкали бомжей, сделали возможным проезд по мосту. Бомжей не стали сажать за несанкционированную демонстрацию. Разок-другой наверху по спине дубинками, те, покорно ворча, сошли с моста на Острове зрелищ, где работали павильоны, набрали пластиковые пакеты пива и разбрелись по кустам. Провокация была очевидна, и даже нейтральная телекомпания не могла дать об этом положительного сюжета. Другие пиар-акции в пользу Бороды были аналогичными.

Честь уральских пиарщиков, если она существовала, оказалась посрамлена. 14 декабря население Краснохолмской области сделало свой выбор. Не в пользу Бороды. Это еще можно было поправить, впрочем. Итоги первого тура еще оставляли некоторую надежду, опережение по голосам было незначительным, и грамотная агитационная кампания, возможно, позволила бы выиграть второй тур. Но екатеринбургские пиарщики, "освоив" к этому времени девяносто девять процентов отпущенных на кампанию средств, двухнедельной паузой не воспользовались. А люди Поддубного воспользовались. Во втором туре, который состоялся за три дня до Нового года, более шестидесяти процентов избирателей проголосовали за Геннадия Александровича Хлопкова, спасителя области. Спасителя еще до официальных итогов лично поздравили Владимир Потапович Олегов и Георгий Вартанович Зарифьян.

За все время с начала ноября и до 14 декабря редакция газеты "Вечерний Краснохолмск" выпустила только пять номеров. Не удалось отбиться от пожарных, и они на две недели опечатали все кабинеты редакции. Только через две недели Комарову удалось раздобыть документы, из которых ясно следовало: нарушения техники пожарной безопасности – не вина руководителей "ВК", они были заложены в проекте, здание построено было уже с нарушениями. Пожарные не нашли, что возразить, и открыли кабинеты.

С управлением печати удалось выяснить отношения скорее. Пришлось внести незначительные изменения в устав. Больше начальник управления не нашел, к чему придраться, и со вздохом разрешил газете выходить. Но оставались еще налоговики, оставался директор издательства, которому, как и пророчил Юрьич, редакция непонятно с какой стати вдруг задолжала. Разбирались с внезапно возникшим долгом полторы недели, газета все это время не выходила. В результате выяснилось, что бухгалтерия "Газеты" что-то напутала, и долга никакого нет. Перед Комаровым извинились письменно, он подал иск по поводу потерянных доходов и морального ущерба, но невышедшие

номера через суд не вернешь. Стали возмущаться подписчики, справедливо требующие регулярности. Те номера, что удалось выпустить, были нервными, почти истеричными по тону. "Розпечатать" злорадно возвращала непроданные экземпляры – потом выяснялось, что львиная часть тиража на прилавки киосков не попадала, оставалась на складе, а потом, когда выходил срок, ее оформляли как возврат. "Розпечатать" через аффилированные структуры принадлежала мэру Ланска Николаю Сергеевичу Курееву.

Несмотря на очевидный идиотизм положения, за месяц случилось и радостное. Второй тур выборов губернатора (в "Вечерке" называли его последним, считая, что область сыграла собственные похороны) состоялся в воскресенье, 28 декабря. А в пятницу в зале областного Дворца бракосочетаний состоялась церемония по случаю сочетания браком Магомеда Султангариевича Надуева и Светланы Юрьевны Чапановой. Он был мусульманин, она православная, потому ни в какую церковь не пошли. Хотя Магомед в перспективе обещал подумать насчет того, чтобы креститься, а Света не прочь была теперь обратиться в мусульманство.

* * *

На следующий день после губернаторских выборов на "вертушку" редактора "Вечернего Краснохолмска" позвонил сам Юрий Измаилович Поддубный. Комаров был зол и взвинчен, как, собственно, все последние недели. Он хмуро буркнул в трубку:

- Да...

На том конце провода засмеялись.

- Доброе утро, Сергей Юрьевич! Поддубный беспокоит. Юрий Измаилович. Судя по вашему настроению, вы уже в курсе, чем кончились выборы?

- Да уж, в курсе, - Комаров не ждал от этого разговора ничего хорошего. Скорее всего, Поддубный звонил из приемной нового губернатора области или его помощника.

- Что ж не поздравляете? – издевательски спросил Юрий Измаилович.

- Я, Юрий Измаилович, непременно вас поздравлю. Мы вас всем коллективом поздравим. Только вот речь торжественную, приличествующую случаю, придумаем...

- Давайте-давайте, мы с удовольствием вас послушаем. Кстати, за тем и звоню. 17 января в Большом зале филармонии состоится торжественная инаугурация нового губернатора. Мы вас, Сергей Юрьевич, приглашаем. Вместе с коллегами, разумеется – Владимиром Николаевичем Свистуновым и Светланой Юрьевной Чапановой. Пригласительные вам доставят.

- Что ж вы так торопитесь? – невесело усмехнулся Комаров. – Еще и окончательные результаты выборов официально не объявлены, а вы уже на инаугурацию приглашаете.

- Эти формальности? – деланно изумился Поддубный. – Какие пустяки, Сергей Юрьевич!

Комаров с отвращением положил трубку. Настроение было мерзким, каким редко бывает перед праздником. Новый год, впрочем, отпраздновали все равно хорошо. Собрались в "конторе" тридцатого декабря. Жен и мужей не звали – такова традиция. Редакционная публика, за день до этого получившая в конвертах вместе с зарплатой денежное вознаграждение за работу на выборах,

сумма которого сильно отличалась в большую сторону от той, что стояла в зарплатной ведомости, веселилась от души. Плевать ей было в этот день, и вечер, и ночь на итоги выборов, на все на свете, способное испортить праздник. Свистунов приехал домой на рассвете 31-го, пьяный, веселый, с бутылкой шампанского в руках. Вера выругала его, отобрала шампанское – он порывался искать бокалы, - раздела, погнала спать. Он проспал почти до вечера, встал, извинился перед женой, побрился, принял душ, вышел – свежий, как и не пил всю ночь. Стал готовить праздничный ужин. Елку они купили загодя, Вера нарядила ее, пока Свистунов пьянствовал в редакции.

Вечером пришли Магомед со Светой, вчетвером стали встречать Новый год. В начале второго ночи вышли на улицу, было светло от фейерверков, людно. Шли, пили на ходу из откупоренной бутылки шампанское, поздравляли и угощали встречаемых. Было хорошо... До тех пор, пока на площади перед мостом не увидели натянутый огромный шатер, под которым дымились с десятков мангалов, десятка полтора импровизированных мобильных баров предлагали посетителям пиво и безалкогольные напитки. Народ толпился перед барами и мангалами в количестве больше обычного, милиция едва успевала следить за порядком. Бармены и шашлычники предлагали свой товар бесплатно. На шатре издали видна была огромная подсвеченная надпись: "Подарок горожанам от нового губернатора области". Над надписью так же отчетливо виднелся большой яркий фотопортрет Хлопкова. Таких подарков, как накануне радостно сообщали телеведущие, по Краснохолмску было много. Стало противно и грустно.

- И Новый год умудрился нам обгадить, сволочь! – Володя с ненавистью смотрел на портрет.

- Ладно, что ж теперь, - вздохнула Света. – Пойдем домой, может?

Дома о "подарке" губернатора больше не вспоминали. Веселье сначала продолжалось вяло, потом снова набрало силу. Сидели до утра, вспоминали старые песни, пили, конечно. Спорили о чем-то, но политики старались не касаться. Наелись ее до отвала.

Две посленовогодние недели всеобщего безделья тянулись для Свистуновых утомительно долго. Отдыхать отвыкли. Бездумно пилились в телевизор вечерами, днями ходили гулять, читали. И устали отдыхать.

Свете с Магомедом, наоборот, "каникул" не хватило. Они никак не могли налюбоваться друг другом, ощутить полноту свалившегося на них невесть откуда счастья. И знали друг друга много лет, а выходит, не знали. Говорили, говорили, говорили – и не могли наговориться. Света пришла после праздников на работу заметно похудевшая, осунувшаяся, с огромными сияющими глазами – и такими же огромными и синими кругами вокруг этих сияющих глаз. Секретарь редактора Лариса, увидев ее, всплеснула руками.

- Светлана Юрьевна, ты до чего себя довела! Совсем одурела! Ты же помрешь так, родить не успеешь!

Света подошла к зеркалу – и едва узнала себя. Все это время, оказывается, она в зеркало не смотрела. Смотрела на Магомеда. Обернулась к Ларисе, смеясь, махнула рукой.

- Ерунда! Были бы кости. А кости есть.

... Торжественное вступление в должность нового губернатора, называемое иностранным каркающим словом "инаугурация", было назначено на субботу, 17 января. Большой зал областной филармонии с самого утра оцепили милицейские патрули, не позволяя на площади парковаться машинам.

На инаугурацию прибыли высокие гости – окрестные губернаторы, товарищи по партии, главы некоторых финансово-промышленных групп, представители кремлевской администрации. Среди них носатой тенью мелькало лицо Георгия Варгановича Зарифьяна, заместителя главы администрации. Секьюрити столбами стояли по всему фойе, их было видно за версту, они легко угадывались не только по отрешенному выражению лиц и квадратным подбородкам, все время находящимся в движении – почему-то все охранники любят жевать жвачку. Даже если бы они не жевали, а из-за ушей не торчали бы белые витые проводки переговорных устройств, все равно их можно было легко отличить от других. Темные, одинаковые, как в одном ателье заказанные, костюмы плохо скрывали могучую крутизну бойцовских плеч. С первого взгляда становилось ясно, что эти ребята костюмы носят, исключительно когда хозяин ведет их в присутствие.

Свистунов, Света и Юрьич шлялись по фойе, здоровались со знакомыми. Выборы кончились, накал остался позади, и вчерашние противники снова стали просто коллегами по цеху. Кроме, конечно, откровенных мерзавцев, которых и в "мирное" время коллегами считать не хотелось. К журналистам подошел Виктор Александрович Борода, которого не просто пригласили на инаугурацию – он по протоколу должен был ее вести. Он, как всегда, широко улыбался, мощной ладонью пожимал руки, поздравлял победителей и шутил в ответ на слова сочувствия по случаю собственного проигрыша. Но во взгляде, поведении, во всей его мощной сибирской фигуре чувствовалась напряженность. Он поздоровался за руку с Комаровым и Свистуновым, Свете поцеловал ручку.

- Ну, извините, мужики, если что не так! Сам вот теперь в положении двусмысленном... - Борода развел руками, пожал плечами – мол, эка меня занесло! Юрьич наклонился к нему, что-то сказал на ухо. Борода отшатнулся, потом захохотал так, что секьюрити – не его, чужие – сделали произвольное движение по направлению к внутренним карманам пиджаков. – Нормально, Серега! С этим теперь все нормально! Знаешь, как только результаты голосования подсчитали – как в молодость вернулся. Будто виагры нажрался, честное слово! Какую ночь не сплю... И жена довольна, тоже помолодела!

Света поняла, сделала смущенный вид. Борода отошел к политическим сторонникам. Встретились они и с Юрием Измаиловичем Поддубным, вежливо раскланялись, но руки жать друг другу не стали. Поддубный все-таки был мерзавцем.

А вот Юрию Константиновичу Сарапулову, начальнику личной охраны губернатора области, руку подать пришлось. Его к ним подвел пресс-секретарь администрации области Матвей Хабаров. Юрий Константинович был все так же упитан, улыбался так же вежливо, на лице не читалось ни малейшего следа тревоги или беспокойства. Матвей "познакомил" с ним журналистов якобы по его личной просьбе, сам отошел в сторонку. Сарапулов как ни в чем не бывало наклонился к Свете, почти насильно поцеловал ей руку, заметил кольцо.

- Поздравляю!

Она отняла руку, не сказала "спасибо". Сказав еще несколько ничего не значащих слов, двойной агент Сарапулов почувствовал себя неловко, мысленно выругался: чего поперся к журналистам? Сославшись на неотложные дела, он несколько более поспешно, чем дела требовали, удалился. Света с нескрываемой ненавистью посмотрела вслед, сморщилась. "Хватило же совести подойти, скотина!"

Наконец, собравшихся пригласили в зал. Церемония, как все подобные церемонии, была тошнотворно пафосной и невыносимо занудной. Пока говорились напутственные речи, пока Геннадий Александрович Хлопков читал губернаторскую клятву, Свистунов обводил взглядом зал. Вдруг он вздрогнул. С балкона в упор на него смотрел человек в аккуратной бородке подковой, таких же аккуратных густых подстриженных усах и дымчатых очках. Он смотрел и улыбался Володе, как старому знакомому. В лице было что-то такое, от чего Володина память взорвалась, в голове закрутился смерч. Он вдруг ясно, как сейчас, увидел горящую дачу, увидел удаляющуюся машину с майором Мичуриным в ней. Потом мелькнула другая картина – кафе, выбитый из руки Мичурина пистолет, перекошенное лицо падающего Магомеда... Свистунов не заметил, как мертвой хваткой вцепился в руку Светы.

- Ты что? – испуганно теребила она его за рукав. – Тебе плохо? Сергей, Володе, кажется, плохо!

- Не плохо мне, нет, - он опомнился. – В первом ряду на балконе сидит Мичурин. Живой, только с бородой.

- Что ты мелешь? – Комаров уже внимательно всматривался в лица людей на балконе. – Не вижу я там никакого Мичурина!

- Теперь и я не вижу. Ушел...

Комаров и Света переглянулись за спиной Володи, Юрьич опасливо покрутил головой.

- Вредное это дело для здоровья – выборы...

Свистунов ничего не ответил, но так посмотрел на шефа, что тому разом расхотелось шутить. "Либо ты и правда крышей съехал, братан, либо..." Что еще "либо", он додумать не успел. Объявили коронный номер – тут уже все трое забыли, о чем говорили и думали только что. На сцену вышел бывший заместитель губернатора области, а ныне немецкий медиамагнат Василий Николаевич Лернер. Его представили как зарубежного бизнесмена, бывшего соотечественника, который готов инвестировать свои средства в экономику области. Лернер что-то говорил в микрофон, улыбался, называл своих верных партнеров по бизнесу Куреева и Кускова...

- Значит, ничего мы не ошибались. Они и правда заводы таскали, чтобы их этому... - Володя не находил слов, - этой крысе передать. А теперь он будет инвестировать в экономику области...

Свистунову хотелось выть от бессилия. Юрьич смотрел на происходящее молча.

Церемония закончилась. Присутствующих ждал фуршет.

Журналисты сначала хотели уйти, но Хабаров очень просил остаться.

- Мужики, нам-то с вами делить нечего! А вы уйдете – и выпить не с кем, одни сутенеры придворные да бляди, которые под власть подкладываются! Хоть три человеческих рожи...

На "рожу" Света обиделась, но Матвей срочно пал на колени, извинился. Похоже, он уже успел выпить. Они решили остаться, пошли в зал, где накрыты были фуршетные столы.

Володе не давало покоя видение (видение?) во время инаугурации. Он крутил головой, но никого, похожего на человека, которого он видел на балконе, не находил. Наконец, и сам начал сомневаться в том, что это было. Подошел к столу, налил вина, стал накладывать на крошечную тарелку закуски. Сзади в самое ухо ему вдруг тихо заговорили – он вздрогнул, едва не выронил тарелку.

- Вот уж теперь-то я тебя точно убью, писака сраный!

Володя обернулся. Человек, чье лицо он видел на балконе, сделал шаг назад, стоял, улыбаясь, приподнимая бокал с шампанским и поднося его ко рту. Это был он, майор Мичурин. Володя задохнулся, хотел что-то сказать. Человек поднес бокал, сделал большой глоток... Внезапно лицо его исказилось, он как будто споткнулся, рука выпустила бокал, глаза стали удивленно вылезать из орбит, на губах выступила пена. Беспомощно обернувшись вокруг, человек упал на колени, затем повалился на бок, нелепо завалился лицом кверху. Очки слетели. Из толпы тихо сказали: "Это Николай Петрович Громов... Он из Москвы". Свистунов удивленно посмотрел в сторону говорившего, но так и не понял, кто. Кто-то уже успел сбежать за врачом, тот протолкался через толпу, склонился, что-то там проделал. Поднял голову.

- МерТВ.

Все заняло не больше минуты.

Тело унесли. Фуршет продолжался. Журналистов – каждого в отдельности – очень просили не рассказывать об инциденте. "Вечеркинцы", впрочем, ушли сразу после того как убрали тело.

- Это он был. Ты видел? – спросил Володя у Комарова. Тот молча кивнул. Состояние было подавленным. Так молча и разъехались. Только перед самым Володиным домом Комаров вдруг хлопнул себя по коленям.

- Надо же! Ведь сами спали и видели, чтобы он подох! А вот, черт, сосет что-то внутри...

Через день на мобильный Юрьича позвонил Виталий Сергеевич.

- Вы правильно его определили. Это действительно Борис Игнатьевич Мичурин, бывший майор ФСБ. Он работал в штабе Поддубного. По информации, которую мне удалось получить, выполнял спецоперации, связанные с движением собственности. Иначе говоря, за всеми убийствами и банкротствами стояли его люди. Один из них – господин Сарапулов.

А еще через день редактору снова позвонил Поддубный. В голосе его не осталось и намека на дружелюбность. Он говорил сухо, официально. Суть звонка сводилась к простому. По его сведениям, за газетой числится очень много нарушений законодательства о выборах. Облизбирком обратился в суд с исками по нескольким эпизодам. По его, опять же, сведениям, суд, который состоится со дня на день, примет грустное для газеты решение: ее закроют. Поддубный предлагал не дожидаться, когда это случится. Он предлагал учредителям газеты добровольно передать свои доли тем, кого он назовет. Не бесплатно, конечно.

Комаров молчал долго. Он просто не сразу нашел нужные слова. Когда нашел, перепуганная Лариса, в ужасе косясь на кабинет редактора, пулей вылетела из приемной, ворвалась к Свистунову.

- Владимир Николаевич, у шефа, по-моему, нервный срыв!..

Эпилог, частично послуживший прологом

...Встретились не где-нибудь. У Сергея Юрьевича возникла идея, и пошли всей гурьбой в кафе "Встреча". Говорились слова, тосты – за оппозицию, свободу не мнимую, а натуральную... За то, чтобы учесть опыт и в будущем не быть дураками. За друзей и соратников. За память о тех, кто... и так далее.

Вера смотрела на Володиных коллег с любопытством. Прежде ей не приходилось видеть весь этот небольшой коллектив сразу в одном месте. В "Вечернем Краснохолмске" существовала традиция – вряд ли хорошая, но существовала: не брать с собой на редакционные торжества вторую семейную

половину. Муж ли, жена – неважно. Отдельно взятые мужья, понятно, сопротивлялись, пару раз даже приходили бить морду редактору или – кто подвернется. Так случалось, когда их половины слишком уж часто и подолгу, порой до утра, задерживались "на работе". Но дипломат и стратег Юрьич как-то умудрялся уболтать разъяренных мужей, обходилось без кровопролития. Мужья выпивали по рюмке-другой, смягчались, брали с Юрьича слово, что больше – никогда, уводили своих веселых жен. А Юрьич мысленно вычеркивал виновниц скандала из списков приглашенных на будущие корпоративные, как теперь принято выражаться, пьянки.

Сегодня во "Встрече" собрались все – и мужья, и жены. Закрытие газеты, причем по политическим мотивам – событие, как ни крути, неординарное. Потому и пили одинаково и с удовольствием, и говорили от души, и верили в то, что говорили. И Вера, будучи от природы человеком недоверчивым, порой циничным, в какой-то момент прониклась общим духом сопротивления и братства. И даже сказала тост – умный, в меру длинный и лояльный ко всем собравшимся. Юрьичу это польстило, он сказал Володе:

- А чего это она раньше у тебя не говорила, молчала все больше?

Тот хмыкнул.

Из тех, кого она знала, здесь были только Света и Магомед. Остальных видела если не впервые, то почти. Наблюдала, сопоставляла с тем, что ей рассказывал о каждом муж, убеждалась: он неплохой психолог. Портреты в основном совпадали с представлением, которое она получала теперь.

Кончились тосты, кончились силы. Кое-кто пытался уснуть за столом – никогда не пьянеющий шеф будил поочередно, заказывал такси, отправлял. Платил сам. Уехали, наконец, и Свистуновы. Перед тем как сесть в такси, Вера искренне обняла и поцеловала Сергея Юрьевича.

- Не сдавайтесь!

Тот, никогда не смущавшийся женщин, умеющий говорить и слушать как комплименты, так и скабрзности, вдруг отчего-то смутился.

- Спасибо, Вера... Володя вот тоже... от него многое зависит... В общем, не сдадимся, думаю!

Володя был грузен. Пока ехали в такси, он уснул, сладко посапывал, когда прибыли. Веру и саму в такси изрядно развезло, она тоже выпила немало. Главным корпоративным напитком "Вечерки" была обыкновенная водка. Пить ее Вера не любила и не слишком умела. В машине было жарко, и, похоже, они с Володей почти сравнялись по состоянию. Хорошо, жили на третьем этаже, не так далеко добираться.

Недовольный таксист молча ждал, пока жена растолкает ничего не понимающего мужа. С трудом, но растолкала. Нетвердо и заискивающе улыбаясь, Вера извинилась перед таксистом. Тот молча захлопнул дверцу, с места дал по газам. Рассердился.

- На сердитых воду возят, - сказала вслед Вера, встряхивая прикорнувшего было на плече мужа. Тот согласно и сладко промычал. – Свистунов, встряхнись, прояви остатки мужества! Нам еще рывок остался.

Володя, вдохнув уличного воздуха, и правда, немного пришел в себя. По крайней мере, слез с плеча жены, присел на лавочку. Попросил вдруг сигарету.

- Сдурел, сигарету тебе? Ты ж не куришь!

- Да? Ну ладно, – легко согласился Володя. – А зато я тебя люблю! – произнес он мечтательно. - Сейчас вот придем домой, и я тебе продемонстрирую... продемонстрирую... покажу, в общем, как я тебя люблю...

- Давай, подымайся, демонстратор, - смеялась Вера, - пошли! Уснешь, не успев продемонстр... продемонстр... тьфу ты! Идем!

Они поднялись на третий этаж, Вера стала открывать дверь. Володя сказал:

- Есть хочу, как ни странно. Хочу знаешь, чего? Хочу хлеба с салом! У нас же есть еще сало, которое на рынке покупали?

Вера вспомнила, что сало есть, а вот хлеба дома нет. Не так много они его ели, постоянно забывали купить. Сказала об этом мужу.

- Ну, без хлеба какое сало? – расстроился Свистунов. – Помру с голоду...

"Идея, овладевшая мужем, сумасшедшая сила..." Веру осенило.

- Стой здесь, сейчас.

Она нажала кнопку звонка соседа.

- Ты чего? – недоуменно спросил Володя. – Он же пьян небось, как всегда, и не услышит, и не откроет, а услышит – так не поймет.

- А мы – трезвые такие, спасу нет, - съязвила Вера. – Откроет. Я ему уже сегодня...

В этот момент дверь открылась – сразу и нараспашку. Сосед стоял в проеме, пьяный, небритый и... абсолютно голый. Мутно улыбаясь, он узнал Веру, выставил вперед пятерню, сказал: "Щас!" – и стал надевать шлепки. Володя некоторое время смотрел на это круглыми глазами, затем аккуратно задвинул соседа внутрь, захлопнул дверь. Со странной улыбкой взглянул на жену.

- Ну, ты его выдрессировала!..